

ISSN 0321-0359

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

3'92

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 3

**Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права**

3'92

ЛІСТАПАД

МІНСК
„УНІВЕРСІТЭЦКАЕ”

Галоўны рэдактар В. Р. РУДЗЬ
Адказны сакратар П. М. БАРАНОЎСКИ

Рэдакцыйная калегія серыі:

У. К. КОРШУК (адказны рэдактар),
М. І. БАЗЫЛЕЎ, А. М. БАЙЧОРАЎ, П. І. БРЫГАДЗІН,
В. М. ГАДУНОЎ, С. Р. ДРАВЯЗКА, А. М. ЕЛСУКОЎ,
Э. М. ЗАГАРУЛЬСКИ, А. І. ЗЕЛЯНКОЎ (нам. адказнага рэдактара),
Ю. Л. КАЗАКОЎ (адказны сакратар), П. М. КОБРЫ-
НЕЦ, М. В. НАЎЧЫЦЕЛЬ, М. В. РОЖЫН, П. А. ШУПЛЯК

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3, № 3, 1992

Издательство «Университетское».

220048, Минск, проспект Машерова, 11. Дом книги.

Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42.

На русском и белорусском языках

Рэдактар А. А. Сычоў

Малодшы рэдактар Г. М. Добыш

Мастацкі рэдактар Дз. Я. Дзівін

Тэхнічны рэдактар і карэктар Г. І. Хмарун

Зладзена ў набор 06.10.92. Падпісана да друку 18.11.92. Фармат 70×108¹/₁₆. Папера друк. № 1. Друк высокі. Ум. друк. арк. 7,0. Ум. фарб.-адб. 7,35. Ул.-выд. арк. 8,16. Тыраж 845 экз. Заказ 1396. Цана 1 р. 50 к.

Выдавецтва «Універсітэцкае». 220048, Мінск, праспект Машэрава, 11. Дом кнігі.

Адрас рэдакцыі: 220080, Мінск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42.

Друкарня выдавецтва «Беларускі Дом друку».
220041, Мінск, праспект Ф. Скарыны, 79.

І. У. ШАРДЫКА

ДА ПЫТАННЯ АБ КОЛЬКАСНЫМ І САЦЫЯЛЬНЫМ СКЛАДЗЕ АРГАНІЗАЦЫЙ КАДЭЦКАЙ ПАРТЫІ НА БЕЛАРУСІ ў 1917 г.

Партыя кадэтаў актыўна заявіла аб сабе яшчэ ў гады першай рускай рэвалюцыі. Як вядома, яе арганізацыйнае афармленне адбылося ў кастрычніку 1905 г. З гэтага моманту і да самага распаду яна з'яўлялася галоўнай партыяй расійскай ліберальнай буржуазіі. Кадэцкая партыя ставіла сваёй мэтай рэфармаваць расійскае грамадства мірным шляхам, разлічваючы пры гэтым на паступовае ўсталяванне парламенцкай дэмакратыі замест самаўладдзя. Па сутнасці, гады першай расійскай рэвалюцыі для кадэтаў былі школай пагаднення і кампрамісаў, рэпетыцыяй стварэння класавага міру ў імя прагрэсу і хуткага буржуазнага развіцця Расіі. У 1905 г. кадэцкая партыя аб'ядноўвала ў сваіх шэрагах амаль 100 тыс. членаў¹, у наступныя гады колькасць партыі значна скарацілася.

У перыяд рэакцыі як цэнтральныя, так і асабліва мясцовыя органы ўлады не толькі ўзмацнілі палітыку рэпрэсій супраць рэвалюцыйна-дэмакратычных партыі, але праявілі гатоўнасць заадно расправіцца і з ненавіснымі ім кадэтамі. У 1913 г. на партыйнай майскай канферэнцыі П. М. Мілюкоў канстатаваў: «Партыя канстытуцыйных дэмакратаў знаходзіцца фармальна ў разлажэнні»². З 1907 па 1914 гг. спынілі існаванне 15 губернскіх, 50 гарадскіх, 132 павятовых і 69 валасных кадэцкіх арганізацый. Не абмінуў гэты працэс і Беларусь. Прафесар В. В. Шалахаеў адносіў Беларусь да рэгіёнаў, у якіх кадэцкія арганізацыі напярэдадні Лютаўскай рэвалюцыі існавалі ў «адзінакавым ліку». Змяншэнне колькасці мясцовых арганізацый прывяло да значнага скарачэння колькаснага складу кадэцкай партыі ў цэлым. Да пачатку першай сусветнай вайны яна не перавышала 10—12 тыс. чалавек, г. зн. скарацілася ў параўнанні з перыядам рэвалюцыі 1905—1907 гг. у пяць разоў³.

Пасля перамогі Лютаўскай рэвалюцыі агульная колькасць кадэцкіх арганізацый у краіне відавочна ўзрасла. На канец мая іх было 183, а да восені — ужо 370. Арганізацыі партыі кадэтаў дзейнічалі ў Петраградзе і Маскве, у 73 губернскіх і абласных гарадах, у 240 павятовых гарадах і 55 населеных пунктах. Афіцыйных дадзеных аб сваёй колькасці кадэты ў 1917 г. не публікавалі. Савецкія і замежныя гісторыкі лічаць, што яна аб'ядноўвала 65—80 тыс. членаў⁴.

На Беларусі новыя кадэцкія арганізацыі пачалі афармляцца адразу пасля звяржэння самаўладдзя. Па меры развіцця рэвалюцыі іх колькасць імкліва ўзрастала. Як паведамляў «Вестник партии Народной свободы», іх налічвалася: на 25 мая 1917 г. — 7, на 22 чэрвеня — 10, на 20 ліпеня — 13, на 31 жніўня — 18. Да канца восені 1917 г. на Беларусі існавала ўжо больш за 30 кадэцкіх арганізацый. Яны актыўна дзейнічалі ў Мінску, Віцебску, Магілёве, а таксама ў 18 павятовых гарадах і ў 10 населеных пунктах⁵.

Найбольш значныя кадэцкія арганізацыі на Беларусі ўзніклі ў правінцыі. Так, Горацкі павятовы аддзел партыі Народнай свабоды налічваў звыш

150 членаў. Адрзел выдаваў газету «Горэцкі вестник», якая карысталася папулярнасцю далёка за межамі Горацкага павета. Яшчэ больш модныя кадэцкія арганізацыі дзейнічалі ў Гарадоцкім і Невельскім паветах (у 1917 г. Невельскі павет уваходзіў у склад Віцебскай губерні). Яны аб'ядноўвалі ў сваіх шэрагах адпаведна 200 і 600 членаў партыі. Невельскі аддзел, які з'яўляўся састаўляючай часткай Віцебскай губернскай арганізацыі кадэтаў, быў самым буйным сярод павятовых партыйных аддзелаў краіны. Шматлікія партыйныя групы кадэтаў дзейнічалі ў в. Антонаўка Галынеўскай воласці Чавускага павета Магілёўскай губерні, у м. Прэнь Дзвінскага павета Віцебскай губерні і інш. населеных пунктах⁶.

Узнікненне разгалінаванай сеткі кадэцкіх арганізацый на Беларусі абумоўлівалася шэрагам прычын. Адыгрывалі сваю ролю фактары як аб'ектыўнага, так і суб'ектыўнага характару. У прыватнасці, на працэс хуткага росту кадэцкіх радоў на Беларусі аказала ўплыў тая акалічнасць, што беларускія губерні з'явіліся тэатрам ваенных дзеянняў: у Мінску, Магілёве, Гомелі, Оршы, Бабруйску і іншых гарадах былі размешчаны буйныя ваенныя і паўваенныя ўстановы (Стаўка, Штаб Заходняга фронту, саюзы земстваў і гарадоў, армейскія штабы і інш.). Многія члены гэтых арганізацый падзялялі ідэі кадэтаў. Натуральна, кіраўніцтва кадэцкай партыі імкнулася арганізаваць іх і павесці за сабой. Не выпадкова ўжо ў сакавіку — красавіку 1917 г. з гэтай мэтай гарады Беларусі і Заходні фронт наведвалі прадстаўнікі Часовага ўраду, дэпутаты Дзяржаўнай думы, буйныя дзяржаўныя чыноўнікі, якія ўваходзілі ў склад партыі Народнай свабоды. У чэрвені 1917 г. у Віцебску і некаторых павятовых гарадах губерні пабываў лідэр партыі кадэтаў П. М. Мілюкоў, які выступіў з растлумачэннем праграмных устаноўкаў партыі. У паездцы яго суправаджаў адзін з кіраўнікоў Петраградскай кадэцкай арганізацыі інжынер У. К. Навіцкі. Восенню 1917 г. у Мінску, Бабруйску і іншых гарадах чытаў лекцыі доктар дзяржаўнага права, прафесар, член ЦК партыі кадэтаў з 1906 г. П. І. Наўгародцаў, які быў вылучаны кандыдатам у дэпутаты Устаноўчага сходу па Магілёўскай выбарчай акрузе⁷.

Такая палітыка кадэцкага кіраўніцтва адбілася на арганізацыйным і ідэйным умацаванні кадэцкіх арганізацый на Беларусі і Заходнім фронце. Камандыроўкі ў правінцыю ўпаўнаважаных ЦК партыі Народнай свабоды часта з'яўляліся штуршком да арганізацыі партыйных аддзелаў на месцах. Так, напрыклад, 22 ліпеня ў Рагачове пасля лекцыі ўпаўнаважанага ЦК П. І. Генры «Аб палітычнай і сацыяльнай праграмах партыі кадэтаў» прысутныя «выявілі жадаанне заснаваць аддзел партыі ў Рагачове». З гэтай мэтай лідэр рагачовскіх кадэтаў доктар П. Г. Фербер прызначыў на 23 ліпеня першы арганізацыйны сход⁸.

Хуткаму афармленню кадэцкіх арганізацый на Беларусі садзейнічала і тая акалічнасць, што пазіцыі іх галоўных палітычных праціўнікаў — бальшавікоў — адразу ж пасля Лютаўскай рэвалюцыі былі даволі слабыя. Тады на Беларусі і Заходнім фронце наогул не было якой-небудзь аформленай рэвалюцыйнай арганізацыі бальшавіцкага накірунку. Аб гэтым гаварылі многія мясцовыя бальшавіцкія лідэры. Адзін з іх Г. Г. Арыстаў адзначаў, што «адсутнасць дастаткова моцнай бальшавіцкай арганізацыі не давала магчымасці ўзяць у больш або менш арганізаванае рэчышча стыхійны рэвалюцыйны рух мас. Разам з тым гэта паслужыла вялікім аблягчэннем для нашых палітычных праціўнікаў»⁹. Такія абставіны, безумоўна, дапамаглі беларускім кадэтам выканаць дырэктыву партыі — пашырыць свой уплыў на Беларусі і Заходнім фронце.

Аднак найбольш важная прычына, якая паўплывала на колькасны рост кадэцкіх арганізацый на Беларусі ў паслялютаўскі перыяд, была звязана ў першую чаргу са зменай дзяржаўнага статусу, а з ім і тактычнай лініі самой кадэцкай партыі. Фактычна ператварыўшыся ў правячую партыю, кадэты сталі цэнтрам прыцяжэння ўсіх рэфармісцкі настроеных сіл, якія імкнуліся замацаваць у грамадстве правыя ліберальна-дэмакратычныя асновы, народжаныя рэвалюцыяй. Гэтаму садзейнічала і тактыка партыі Народнай свабоды, якая аказалася больш гібкая і абароне інтарэсаў уласніка, чым тактыка іншых буржуазных і памешчыцкіх партый. Усё гэта істотна паўплывала на пашырэнне базы кадэцкіх арганізацый у Беларусі. Тут кадэцкія шэрагі папаўняліся не толькі прадстаўнікамі звыклых для іх сацыяльных пластоў (ліберальнай буржуазіі, памешчыкаў, буржуазнай інтэлігенцыі, гарадскога чыноўніцтва і мяшчанства), але і выхадцамі з

найбольш дэмакратычных слаёў насельніцтва, перш за ўсё сялян. Пра гэта зазначаў вядомы кадэцкі дзеяч М. І. Іваноў: «Тактыка партыі Народнай свабоды да гэтай пары адпавядала пераважна інтэлігенцкаму сацыяльнаму складу партыі. Вызначаемая зараз жыццём тактыка грамадскага дзеяння павінна адпавядаць ужо іншаму складу партыйных мас, г. зн. яна павінна быць адначасна і тактыкай інтэлігенцыі і дзелавых асоб з шырокіх народных мас, якія магчыма не валодаюць вялікай адукаванасцю, але тым не менш здольныя прымаць удзел у грамадскім жыцці»¹⁰. Гэтым самым М. І. Іваноў даваў зразумець, што кіраўніцтва кадэцкай партыі было зацікаўлена ў прытоку «дзелавых людзей з шырокіх народных мас» — заможных сялян. Яны і павінны былі надаць кадэцкай партыі арганізацыйную ўстойлівасць на месцах.

Як сведчаць дакументы, заможнае сялянства, у пэўнай ступені, аказала сваю падтрымку кадэтам. Так, згодна паведамленням, якія паступілі ў ЦК з Гарадоцкага аддзела партыі кадэтаў, «акрамя горада камітэт партыі актыўна працаваў у павеце». З 21 воласці Гарадоцкага павета ў 6 сялянства па настрою было суцэльна кадэцкае. Камітэт партыі меў у павеце сваіх давераных асоб з ліку настаўнікаў, святароў, пажылых сялян, якія праводзілі агітацыйную работу ў вёсцы. У той жа час Віцебскі губернскі камітэт кадэтаў паведамляў, што заможнае і часткова сярэдняе сялянства працягваюць зацікаўленасць да партыі Народнай свабоды і па меры ўзнікнення на месцах яе арганізацый уліваюцца ў іх састаў. Паведамленні такога роду паступалі і з іншых рэгіёнаў Беларусі¹¹.

Характэрна, што найбольшую падтрымку кадэты мелі ў абласцях, дзе шырокае развіццё атрымалі хутары і адрубкі. Падтрымкі з боку сялян-абшчыннікаў кадэтам дабіцца не ўдалося. На абласным з'ездзе прадстаўнікоў кадэцкіх арганізацый паўночна-заходніх губерній, які праходзіў у ліпені 1917 г. у Петраградзе, кіраўнік віцебскай кадэцкай арганізацыі М. Г. Цітовіч заявіў: «Спачуваюць партыі наступныя элементы: зямельныя ўласнікі, група «Адзінства» і каталіцкае насельніцтва. Хутаране падтрымліваюць партыю, што ж датычыцца абшчыннікаў, то на іх надзеі мала»¹².

Але хоць кадэцкія арганізацыі на Беларусі колькасна выраслі, яны не былі ідэйна і арганізацыйна ўстойлівымі. Перш за ўсё гэта абумоўлівалася сацыяльным складам партыі, які па меры паглыблення рэвалюцый змяняўся. Калі на мірным этапе развіцця рэвалюцыі ў кадэцкай партыі пераважалі прадстаўнікі дэмакратычных слаёў насельніцтва, то ва ўмовах абвастрэння барацьбы за ўладу яе шэрагі папаўняліся галоўным чынам выхадцамі з маёмасных класаў. Меншавіцкая газета «День» у верасні 1917 г. падкрэслівала, што «калі да рэвалюцыі яшчэ можна было сумнявацца і спрачацца аб тым, якія сацыяльныя спадзяванні выражаюць кадэты, то ў працесе рэвалюцыі адбылося афармленне партыі. Яна з'яўлялася ідэялагам значных груп сярэдняй і дробнай буржуазіі; паколькі пад пагрозай «паглыблення» рэвалюцыі буржуазія ўтварае адзіны фронт, кадэты ідуць у нагу і з буйной фінансавай і прамысловай Расіяй»¹³. Гэта тэндэнцыя выразна праявілася і на Беларусі.

У кадэцкай партыі аб'ядналіся тыя сацыяльныя сілы, якія перш за ўсё выяўлялі інтарэсы ўласніка. Пасля Лютаўскай рэвалюцыі памешчыцкія арганізацыі, якія скампраметавалі сябе абаронай царскага ўрада, распаліся, а іх члены вымушаны былі далучыцца да кадэтаў. Больш таго, яны часта становіліся арганізатарамі кадэцкіх аддзелаў на месцах. Так, у кадэцкім «Вестнике» паведамлялася, што у маі 1917 г. у мястэчку Свенскаполле Магілёўскай губерні ўладальнікам маёнтка Палякова памешчыкам Густавам Вікенцевічам Валконскім быў створаны аддзел кадэцкай партыі. Памешчыкі выступалі ініцыятарамі стварэння кадэцкіх арганізацый і ў іншых рэгіёнах Беларусі. Кадэцкая прэса тлумачыла гэта так: «Буйныя ўласнікі, землеўладальнікі або гандляры далучаюцца часам да партыі Народнай свабоды... таму што спадзяюцца тут больш, чым у іншых, знайсці апору сваім класавым інтарэсам»¹⁴. Аднак дамагчыся дамінуючага ўплыву ў кадэцкіх арганізацыях памешчыкі не змаглі.

Па даным прафесара У. А. Куўшынава, у 1917 г. значную частку кадэцкіх арганізацый прадстаўляла інтэлігенцыя і чыноўнікі. Яны пераважалі і ў кадэцкіх арганізацыях Беларусі. Прадстаўнікі інтэлігенцыі і чыноўніцтва складалі кіруючае ядро Мінскага гарадскога, Магілёўскага і Віцебскага губернскіх камітэтаў партыі Народнай свабоды¹⁵.

Шырока вядомымі ў палітычных кругах Беларусі былі рэдактар газеты «Мінская жызнь» доктар Р. К. Янкоўскі, міравы суддзя С. А. Вінаградаў, старшыня Невельскага партыйнага камітэта Я. П. Сянькоўскі, член Магілёўскай арганізацыі ўрач М. П. Яцуцін, доктар філасофіі Ж. Э. Кодзіс, грамадскі дзеяч С. Ф. Балкавец, кіраўнік кадэцкай арганізацыі ў Горках гісторык С. Г. Цітовіч і інш.

На Беларусі кадэты атрымалі надзейную падтрымку і ў вайсковым асяроддзі. Напрыклад, пры Мінскім губернскім аддзяленні партыі дзейнічала вайсковая фракцыя, якую ўзначальваў генерал-маёр А. А. Меснер. Такая ж фракцыя функцыянавала і пры Магілёўскім губернскім камітэце, у склад якой уваходзілі Б. М. Пятніцкі (вайсковы чыноўнік), М. Г. Міхееў (капітан), К. Істомін, В. Зыкаў і Л. Шыманаўскі (вайсковыя чыноўнікі). Прадстаўнікі афіцэрства аказвалі моцны ўплыў і на Віцебскую гарадскую арганізацыю кадэтаў. Яе ўзначальваў паручнік С. Вейс¹⁶.

Працэс арганізацыйнага афармлення кадэцкіх арганізацый на Беларусі і Заходнім фронце закончыўся восенню 1917 г. Аб гэтым заявіў франтавы з'езд партыі Народнай свабоды, які праходзіў у Мінску 18—19 кастрычніка 1917 г. Акрамя дэлегатаў, якія прыбылі на з'езд ад армій фронту, на ім прысутнічалі прадстаўнікі кадэцкіх арганізацый з гарадоў і вёсак Беларусі. Дэлегатаў з'езда вітаў прадстаўнік вайскавай камісіі ЦК ПНС Б. Д. Плятнёў¹⁷. З'езд выказаў заклапочанасць нарастаннем рэвалюцыйнай барацьбы працоўных. Аднак, указавшы на небяспеку недаацэнкі сістэматычнай работы партыі сярод шырокіх народных мас, дэлегаты з'езда не змаглі выпрацаваць канструктыўнай праграмы выхаду з крызісу.

Кадэты, хоць і пашырылі сацыяльную базу партыі за кошт прыцягнення ў яе шэрагі прадстаўнікоў дэмакратычных пластоў насельніцтва, па сваіх памкненнях і класавай палітыцы заставаліся арганізацыяй ліберальнай буржуазіі. Палітыка кадэтаў вынікала з анексіянісцкіх памкненняў расійскага капіталу.

Партыя Народнай свабоды паўтарала памылку царскага самаўладдзя, не спяшаючыся з рашэннем найбольш вострых сацыяльных пытанняў, пастаўленых рэвалюцыяй. Такую ж палітычную лінію кадэты праводзілі і на Беларусі. Партыя не здолела дабіцца шырокай падтрымкі дэмакратычных слаёў насельніцтва, перш за ўсё рабочых і бяднейшага сялянства. Пасля перамогі Кастрычніцкай рэвалюцыі дзейнасць кадэцкіх арганізацый была забаронена. Паражэнне кадэцкай партыі было прадвызначана радыкалізмам народных мас, якія не прынялі дэмакратычную праграму кадэтаў па перабудове грамадства. Гэта выкарысталі ў сваіх інтарэсах бальшавікі, якія ўстаранілі кадэтаў з палітычнай арэны як найбольш небяспечнага канкурэнта ў барацьбе за ўладу.

¹ Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 г. Л., 1973. С. 184.

² ЦДАКР Расіі. Ф. 523, воп. 2, спр. 14, арк. 15.

³ Шелохаев В. В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии 1907—1914 гг. М., 1991. С. 10, 12.

⁴ Гл.: Думова Н. Г. // Наука и жизнь. 1990. № 10. С. 74; Кувшинов В. А. // Вопросы истории КПСС. 1991. № 8. С. 83.

⁵ Пры падліку выкарыстаны матэрыял «Весніка партыі Народнай свабоды» (ВПНС) за 1917 г., а таксама падрыхтаваныя ЦК партыі кадэтаў «Примерные маршруты для командировок в провинцию» — ЦДАКР Расіі. Ф. 579, воп. 1, спр. 809а, арк. 1, 2.

⁶ ВПНС. 1917. № 3. С. 17, 26—27; № 11—13. С. 36; № 17—18. С. 18; № 26—27. С. 17.

⁷ Там жа. № 8—10. С. 26, 29; 23; 28; 31.

⁸ Там жа. № 14—16. С. 35.

⁹ ЦГА РБ. Ф. 35, воп. 1, спр. 71, арк. 11.

¹⁰ ЦДАКР Расіі. Ф. 579, воп. 1, спр. 845, арк. 28.

¹¹ ВПНС. 1917. № 11—13. С. 36; № 17—18. С. 18.

¹² Там жа. № 11—13. С. 25—26.

¹³ День. 1917. 15 верасня. С. 1.

¹⁴ ВПНС. 1917. № 3. С. 18; № 6—7. С. 2.

¹⁵ Мінская жызнь. 1917. 24 кастрычніка. С. 2; ВПНС. 1917. № 17—18. С. 2; № 31. С. 21—22.

¹⁶ Мінская жызнь. 1917. 14 кастрычніка. С. 3; ВПНС. 1917. № 8—10. С. 26; № 26—27. С. 18.

¹⁷ Мінская жызнь. 1917. 25 кастрычніка. С. 3.

ПРАФСАЮЗНЫ РУХ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ ў 1926—1929 ГГ.

Прафсаюзы працоўных адыгрывалі значную ролю ў рабочым руху Польшчы і ў анексiраваных ёю Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны. На іх дзейнасць негатыўна ўплываў шэраг асаблівасцей, галоўнай з якіх можна лічыць адсутнасць арганізацыйнага адзінства. У пачатку 20-х гг. прафсаюзны рух выразна падзяліўся на дзве часткі: 1. Класавыя прафсаюзы, прадстаўленыя Саюзам прафесійных аб'яднанняў (ЗСЗ). У гэтых прафсаюзах мелі значны ўплыў сацыялістычныя і камуністычныя партыі. 2. Някласавыя прафсаюзы складаліся з левых і правых. Да левых адносіліся нацыянальныя прафсаюзы, якія ўваходзілі ў Польскае прафсаюзнае злучэнне (ЗЗП). Хаця ў сваёй праграме яны таксама прызнавалі класавую барацьбу, аднак на справе ў канфліктах паміж працоўнымі і працадаўцамі займалі пасрэдніцкую пазіцыю. ЗЗП знаходзілася пад уплывам Нацыянальнай рабочай партыі (НПР). Правымі лічыліся хрысціянскія прафсаюзы, праграма дзеяння якіх была заснавана на патрабаваннях да рабочага руху, выкладзеных у энцыкліцы Папы Леона XIII «*Regum vocatione*». Змест гэтай праграмы складала грамадска-хрысціянская дактрына, якая адмаўляла ўсялякую барацьбу ў грамадстве як не адпавядающую сацыяльнай роўнасці людзей; дазваляла працоўным аб'ядноўвацца ў прафесійныя арганізацыі, каб абараніць свае правы і падтрымліваць маральныя інтарэсы, выкарыстоўваючы шляхі згоды і супрацоўніцтва з працадаўцамі. Хрысціянскія прафсаюзы сваю дзейнасць узгаднялі з Хрысціянскай Дэмакратыяй (ХД).

Паміж усімі кірункамі прафсаюзаў увесь час вялася ўпартая барацьба за ўплыў на працоўныя масы.

У маі 1926 г. у выніку дзяржаўнага перавароту да ўлады ў Польшчы фактычна прыйшоў Пілсудскі. З дапамогай адданных вайскоўцаў ён звергнуў канстытуцыйны ўрад Хьено-Пяста. Каб атрымаць давер насельніцтва, Пілсудскі абяцаў у хуткім часе ўзняць Польшчу да стану вялікай дзяржавы. Гэтая палітыка атрымала назву санацыі, урады, якія яе ажыццяўлялі, санацыйных. Па сутнасці, гэта была спроба стабілізаваць эканамічнае жыццё краіны.

Майскія падзеі значна актывізавалі палітычнае жыццё Польшчы, што прывяло да паглыблення крызісу прафсаюзаў і з'яўленню разам з тым новых рысаў у рабочым руху. Сведчаннем крызісу быў працяг скарачэння радоў прафсаюзаў. Так, нацыянальныя прафсаюзы ў 1926 г. налічвалі 340 тыс. членаў, а праз тры гады толькі 202 тыс. З 120 да 101 тыс. членаў скараціліся хрысціянскія прафсаюзы¹. У той жа час узрасла колькасць класавых прафсаюзаў з 218 да 241 тыс. чалавек². Гэта было выклікана тым, што бескампрамісная пазіцыя класавых прафсаюзаў супраць націску працадаўцаў больш адпавядала працэсу радыкалізацыі працоўных мас пасля майскіх падзей.

У гады санацыі ў прафсаюзным руху сфармаваўся новы кірунак — праўрадавы. Яго ўзнікненне было вынікам пашырэння адміністрацыйнага і заканадаўчага ўмяшання дзяржавы ў адносіны паміж працай і капіталам, што стала агульнай тэндэнцыяй большасці капіталістычных краін пасля першай сусветнай вайны. У дзяржаве з аднапартыйным урадам, якой стала Польшча пасля захопу ўлады Пілсудскім, усебакова заахвочваліся толькі тыя прафсаюзы, якія падтрымлівалі палітыку гэтага ўрада.

У Заходняй Беларусі рост аўтарытэту класавых прафсаюзаў яскрава праявіўся ў выніках выбараў праўленняў павятовых кас хворых у Беластоку і Гродна, буйнейшых цэнтрах рабочага руху. Так, на выбарах праўлення касы хворых у Гродна ў 1926 г. ліст № 5, у які былі ўключаны кандыдаты ад рады класавых прафсаюзаў, атрымаў 19 мандатаў з 30³. Пад час першых выбараў у 1925 г. у Беластоку нацыянальныя і хрысціянскія прафсаюзы атрымалі разам 17 мандатаў. Класавыя прафсаюзы тады атрымалі 10 мандатаў. Выбары 1928 г. прынеслі вынікі, якія адлюстравалі новы расклад сіл. За класавыя прафсаюзы, якія знаходзіліся пад уплывам ППС, аддалі свае галасы 2672 выбаршчыкі, што дазволіла атрымаць ім палову ўсіх мандатаў — 15. Акрамя таго, 5 мандатаў атрымалі класавыя прафсаюзы, якія падтрымлівалі Бунд і Паалей-Цыён. У той жа час някласавыя праф-

саюзы, аб'яднаныя ў Польшкі дэмакратычны блок, атрымалі толькі 9 мандатаў.

Аб павышэнні ролі класавых прафсаюзаў Беластока сведчыла і колькасць уваходзячых у іх склад рабочых. У другой палове 1926 г. у акруговай камісіі класавых прафсаюзаў Беластока было 19 аддзелаў прафсаюзаў, якія аб'ядноўвалі 5500 членаў. Гэта складала 41,7 % усіх арганізаваных працоўных ⁴.

На тэрыторыі Палескага ваяводства цэнтрамі класавых прафсаюзаў сталі Брэст і Пінск. Так, у пачатку 1927 г. у Брэсце пад кіраўніцтвам мясцовай рады дзейнічаў 21 класавы прафсаюз, які аб'ядноўваў больш за 1500 чалавек, а рада класавых прафсаюзаў Пінска мела 22 прафсаюзы (1950 членаў) ⁵.

Найбольш значны рост класавых прафсаюзаў назіраўся ў Вільна, дзе ў 1926 г. іх рады налічвалі 1600 чалавек. Амаль праз тры гады, у канцы 1928 г., да прафсаюзаў, аб'яднаных акруговай камісіяй, ужо належыла 3585 чалавек. Да гэтай камісіі адносіліся і прафсаюзы мясцовай рады яўрэйскіх класавых прафсаюзаў, якая аб'ядноўвала 1767 членаў. Разам яны складалі палову ўсіх арганізаваных працоўных Вільна ⁶. Прычына такога паскоранага росту класавых прафсаюзаў крыецца ў іх актыўнай дзейнасці па абароне сацыяльна-эканамічных інтарэсаў працоўных Віленшчыны.

Адным з фактараў, які садзейнічаў працэсу ўзмацнення класавых прафсаюзаў у перыяд 1926—1929 гг., была іх большая, у параўнанні з другімі кірункамі прафсаюзаў, распаўсюджанасць і арганізаванасць.

Узмацненне ролі класавых прафсаюзаў, як правіла, адбывалася за кошт аслаблення някласавых прафсаюзаў. Найбольш значны спад у гэты перыяд перажывалі нацыянальныя прафсаюзы (ЗЗП). Яшчэ ў 1924 г. акруговыя рады гэтых прафсаюзаў у Беластоку і Гродна былі найбольш уплывовымі ў прафсаюзным руху і пры гэтым найбольш колькаснымі. Так, саюз працаўнікоў тэкстыльнай прамысловасці «Праца» налічваў 3 тыс. чалавек, а класавы прафсаюз толькі каля 500. Аднак 1926 г. стаў пачаткам канчатковага аслаблення аўтарытэту нацыянальных прафсаюзаў: ахоплены імі працоўныя складалі ўсяго 11,4 % аб'яднаных у прафсаюзы працоўных Беластока. У Гродна акруговая рада ЗЗП за 1926 г. страціла некалькі аддзелаў, у асноўным на карысць класавых. У снежні 1926 г. да рады класавых прафсаюзаў перайшоў найбольшы з гродзенскіх нацыянальных прафсаюзаў — аддзел прафсаюза дрэвапрацоўшчыкаў (у колькасці 350 чалавек), а ў лютым 1927 г. — аддзел польскага прафсаюза чыгуначнікаў ⁷. У 1929 г. спыніла сваё існаванне Беластоцкая акружная рада ЗЗП, астатнія прафсаюзы перайшлі да класавых і хрысціянскіх.

На аслабленне пазіцый нацыянальных прафсаюзаў паўплывалі не толькі знешнія фактары, але і некаторыя ўнутраныя прычыны. Па-першае, гэтаму садзейнічаў раскол у Нацыянальнай рабочай партыі ў 1926 г., у выніку якога ўтварылася НПР-лявіца. Новая партыя заявіла аб падтрымцы ўрада і імкнулася распаўсюдзіць свой уплыў на нацыянальныя прафсаюзы, а гэта, безумоўна, падрывала адзінства і зніжала актыўнасць апошніх. Па-другое, не садзейнічала іх аўтарытэту непаслядоўная тактыка. Па-трэцяе, адштурхоўвала працоўных і падтрымка з боку кіраўніцтва нацыянальных прафсаюзаў ідэалогіі антысемітызму.

У 1927—1929 гг. толькі чыгуначнікі былі той часткай працоўных, на якую нацыянальныя прафсаюзы ў значнай ступені захавалі свой уплыў. Аб'яднанне прафсаюза чыгуначнікаў (ЗЗП) і польскага прафсаюза чыгуначнікаў у адзінае Аб'яднанне чыгуначнікаў польскіх (ЗКП) у пачатку 1929 г. узмацніла гэты уплыў. Так, Віленская акруга ЗКП, дзейнасць якой распаўсюджвалася на тэрыторыю ўсіх паўночна-ўсходніх ваяводстваў, у 1929 г. налічвала 3500 чалавек ⁸.

Хрысціянскія прафсаюзы ў Заходняй Беларусі мелі найбольшае распаўсюджанне на Віленшчыне і Беластоцчыне, што тлумачылася значным уплывам на гэтай тэрыторыі клерыкальных арганізацый. У Палескім і Навагрудкім ваяводствах да хрысціянскіх прафсаюзаў належылі толькі некаторыя прафсаюзы чыгуначнікаў.

У рабочым руху Беластоцчыны ў 1926 г. хрысціянскія прафсаюзны кірунак займаў другое месца пасля класавога. У самім Беластоку акружны сакратарыят ХЗЗ аб'ядноўваў 31,7 % усіх арганізаваных працоўных. Такага стану сакратарыяту ўдалося дасягнуць дзякуючы падтрымцы з боку

часткі дзяржаўнай адміністрацыі і каталіцкага кліру, якіх задавальняла дзейнасць хрысціянскіх прафсаюзаў. Акрамя таго, хрысціянскія прафсаюзы ўдала выкарысталі спад актыўнасці нацыянальных прафсаюзаў і перацягнулі частку іх членаў пад кіраўніцтва сваіх сакратарыятаў у Беластоку і Гродна⁹.

Крызіс прафсаюзаў у большай ступені закрануў Віленшчыну. У адрозненне ад Беластока, у Вільні хрысціянскія прафсаюзы былі найбольш уплывовымі. Імі кіравала мясцовае незалежнае аб'яднанне — Цэнтральны саюз хрысціянскіх прафсаюзаў, якое ўзнікла яшчэ ў ліпені 1921 г. У 1926 г. з 70 прафсаюзаў Вільня 33 уваходзілі ў Цэнтральны саюз і налічвалі больш за 6000 членаў. Аднак за наступныя тры гады іх колькасць скарацілася да 3273¹⁰. Такое становішча было выклікана не толькі агульным скарачэннем колькасці працоўных у прафсаюзах Польшчы і Заходняй Беларусі і адыходам часткі членаў хрысціянскіх саюзаў да класавых, але і ўзнікненнем у рабочым руху новага кірунку прафсаюзаў — праўрадавага.

У Заходняй Беларусі станаўленне праўрадавых прафсаюзаў неадрыўна звязана з дзейнасцю Польскай сацыялістычнай партыі, былой рэвалюцыйнай фракцыі (ППС д ФР). Як самастойная палітычная сіла гэтая партыя з'явілася ў кастрычніку 1928 г. у выніку расколу ППС па прычыне розніцы поглядаў яе кіраўнікоў на адносіны партыі да ўрада і рэжыму санацыі. Кіраўнікі новай партыі, засведчыўшы сваю падтрымку ўраду і асабіста Пілсудкаму, пачалі змаганне за ўплыў на працоўныя масы, асабліва ў класавых прафсаюзах.

Найбольшую актыўнасць сацыялісты-фракцыянеры, нягледзячы на малы колькасны склад сваіх арганізацый, праявілі ў Беластоку. Звязана гэта было з тым, што да новай партыі перайшлі дзеячы, вядомыя сваім уплывам у ППС і класавых прафсаюзаў. У выніку расколу класавых прафсаюзаў Беластока ўзнікла 6 новых саюзаў, якія аб'ядналі ўтвораная ў другой палове 1929 г. акруговая рада. Такому хуткаму поспеху ў многім садзейнічала праведзеная ППС д ФР акцыя ў абарону рабочых ад выдачы заробковай платы талонамі.

У Гродна мясцовая рада праўрадавых прафсаюзаў аб'яднала прафсаюзы работнікаў хімічнай прамысловасці, хатняй службы, шафёраў, дворнікаў, будаўнікоў, лекараў. У адрозненне ад Беластока, тут у новыя саюзы ўвайшлі выхадцы з нацыянальных (будаўнікі) і хрысціянскіх (дворнікі і работнікі хатняй службы) прафсаюзах, а з класавых прафсаюзаў, якія знаходзіліся пад уплывам ППС і Бунда, — нязначная частка¹¹.

Узрос уплыў ППС-фракцыі і ў прафсаюзах Палескага ваяводства. Так, у канцы 1929 г. пад яе кіраўніцтвам было ў Брэсце 10, а ў Пінску 4 прафсаюзы, якія аб'ядноўвалі больш за 2000 чалавек¹².

У Вільні праўрадавыя прафсаюзы пачалі дзейнічаць пад назвай «гаспадарчыя». Узначалі іх вядомыя ў прафсаюзным руху дзеячы, якія раней належылі да ППС, Бунда і нават тыя, хто прытрымліваўся камуністычных поглядаў. У апошні год перад крызісам «гаспадарчыя» прафсаюзы ўжо аб'ядноўвалі каля 3000 членаў¹³.

Такі значны рост праўрадавых прафсаюзаў на тэрыторыі Заходняй Беларусі тлумачыўся актыўнай агітацыйнай працай, якую праводзілі іх арганізатары. Карыстаючыся падтрымкай мясцовых улад і многіх уладальнікаў прадпрыемстваў, яны абяцалі забяспечыць працай тых, хто яе ўжо згубіў, а працоўным давалі гарантыю ад беспрацоўя. Адчуваючы ціск надыходзячага крызісу, працоўныя былі вымушаны верыць гэтай агітацыі. У той жа час у працоўных масах назіралася некаторае расчараванне лозунгамі і радыкальнымі заявамі сацыялістычных партый і камуністаў.

Барацьба розных прафсаюзных аб'яднанняў за ўплыў на працоўных не засланяла ад іх уласных унутраных працэсаў. Маецца на ўвазе змаганне за ўплыў на дзейнасць прафсаюзаў унутры саміх гэтых аб'яднанняў з боку розных палітычных партый і аб'яднанняў. Калі някласавыя хрысціянскія і праўрадавыя прафсаюзы знаходзіліся пад эгідай адной Хрысціянскай Дэмакратыі і Беспартыйнага блоку супрацоўніцтва з урадам, то для класавых прафсаюзаў іх падлегласць была вельмі вострай праблемай, якая мела прамую сувязь з праблемай адзінства. Заклучалася яна ў знаходжанні пад уздзеяннем дзвюх процістаячых сіл: з аднаго боку — Польская сацыялістычная партыя і Агульнаяўраўскі рабочы саюз (Бунд), а з другога — Кампартыя Заходняй Беларусі. Кожная з гэтых сіл неаднойчы рабіла заявы аб падтрымцы адзінства класавых прафсаюзаў. Аднак у сапраўднасці

адзінства было немагчыма, таму што кожны з бакоў абвінавачваў другі ў расколе прафсаюзаў, а погляды на адзінства прафсаюзаў з боку сацыялістаў і асабліва камуністаў выключалі магчымасць адзінства. Сацыялісты прапанавалі камуністам распусціць свае арганізацыйныя структуры ў прафсаюзах («чырвоныя» фракцыі, левыя секцыі і фабрычна-заводскія камітэты) і змагацца за ўплыў дэмакратычным шляхам выбараў у іх кіруючыя органы. У камуністаў былі другія погляды. Аб гэтым пераканаўча сведчыць рэзалюцыя цэнтральнага прафаддзела КПЗБ з прапановамі Віленскаму акружнаму камітэту партыі ад 7 лютага 1929 г., у якой гаварылася, што «адзінства класавага прафружу ў нашым разуменні гэта было і ёсць адзінства найшырэйшых працоўных мас пад кіраўніцтвам кампартыі...»¹⁴.

Тое, што ніводны з супрацьлеглых бакоў не жадаў лічыцца з пазіцыяй другога, безумоўна, не спрыяла адзінству класавых прафсаюзаў у барацьбе за сацыяльна-эканамічныя інтарэсы і дэмакратычныя правы працоўных. Выхад з гэтай сітуацыі бачыўся ва ўзаемным кампрамісе, а далей — у адзіным рабочым фронце, які б гарантаваў узаемадзейнае розных палітычных сіл у інтарэсах абароны правоў працоўнага чалавека.

¹ Гл.: *Nass L.* // *Kwartalnik historii ruchu zawodowego*. 1981. № 3.

² Гл.: *Kowalski J.* *Zarys historii polskiego ruchu robotniczego w latach 1918—1939*. Warszawa, 1962. S. 364.

³ Гл.: Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. Ф. 17, воп. 1, спр. 142, арк. 186.

⁴ Гл.: *Ruch robotniczy na Białostocczyźnie: Studia i materiały*. Warszawa, 1987. S. 85, 101, 108.

⁵ Гл.: Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). Ф. 2, воп. 1, спр. 731, арк. 146—148.

⁶ Гл.: *Rocznik statystyczny m. Wilna 1921—1928*. Wilno, 1930. S. 176.

⁷ Гл.: *Ruch robotniczy...* S. 86—87.

⁸ Гл.: Дзяржаўны архіў Рэспублікі Літва (ДАРЛ). Ф. 53, воп. 23, спр. 1638, арк. 3.

⁹ Гл.: *Ruch robotniczy...* S. 87.

¹⁰ Гл.: ДАРЛ. Ф. 53, воп. 23, спр. 1638, арк. 56.

¹¹ Гл.: *Ruch robotniczy...* S. 138.

¹² Гл.: ДАБВ. Ф. 1, воп. 9, спр. 1376, арк. 13—15.

¹³ Гл.: Архіў КПБ. Ф. 242, воп. 1, спр. 225, арк. 116.

¹⁴ Там жа. Спр. 150, арк. 208.

Э. М. ЗАГОРУЛЬСКИЙ

О ЛЕТОПИСНЫХ «ПЛЕМЕНАХ» ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Широко распространено представление о раннем заселении восточными славянами территории Восточной Европы. Развитие восточнославянского этноса, как представлялось исследователям, шло по такой схеме. Сначала существовали первичные племена восточных славян. Затем они объединились в группы или союзы племен, имевшие свою культурную и этнографическую специфику. В процессе становления Древнерусского государства шло постепенное подчинение Киеву этих группировок. В условиях государственности они со временем утратили свою специфику и слились в единую общность — древнерусскую народность. Эта схема стала традиционной и вошла в современные школьные и вузовские учебники.

Однако такое представление пришло в противоречие с важнейшими фактами, относящимися к данной проблеме. Так, археологические материалы свидетельствуют, что на большей части будущей Руси славяне появились поздно: в IX и даже X в. Самые ранние слои в Новгороде, заселение славянами района Оки и, по мнению ряда исследователей, даже области северней Припяти датируются также X в.¹ Следовательно, основное массовое расселение их происходило тогда, когда уже возникло Древнерусское государство. Поэтому нет хронологической ниши, куда бы можно было поместить значительную часть так называемых племенных союзов. Далее, неславянскими оказались такие памятники, как длинные курганы и новгородские сопки, предшествующие эпохе Древней Руси, которые раньше отождествлялись соответственно с кривичами и ильменскими словенами. Следовательно, по археологическим данным уже невозможно проследить становление здесь названных восточнославянских группировок. Отмечу еще одно важное обстоятельство. Казавшаяся столь логичной практика

установления ареалов восточнославянских племен по различным типам височных колец, рассматривавшихся в качестве чуть ли не важнейшего этнически определяющего их признака, вызывает, мягко говоря, большие сомнения. Во-первых, число таких типов колец почти в три раза меньше, чем количество летописных восточнославянских «племен». Во-вторых, и это особенно существенно, обычай носить височные кольца наибольшее распространение получил у восточных славян в XI—XII вв.², т. е. в период феодальной раздробленности Руси, когда племен как таковых уже и не было. И трудно объяснить, почему у самих племен таких колец или даже их прототипов не было раньше. Все это заставляет поставить вопрос о реальности или сущности тех, условно говоря, летописных групп или группировок, которые принято называть восточнославянскими племенами.

Основным письменным источником сведений об этих «племенах» остается «Повесть временных лет», автор которой, кстати, зная термин «племена», ни разу не употребил его по отношению к славянам. «Повесть» рассказывает, что в Восточную Европу славяне пришли относительно поздно. До этого они жили по Дунаю, «где теперь земля Венгерская и Болгарская», и представляли собой единый народ. Оттуда они позже разошлись по земле и «прозвались именами своими, где кто сел, на каком месте»³.

Севшие по Днепру, прозвались полянами, расселившиеся между Припятью и Западной Двиной стали называться дреговичами («потому что сели в лесах»). Те, что сели на Двине, — полочанами («по речке, которая впадает в Двину и носит название Полота»), на Буге — бужанами, позже известными как волыняне. В Посожье, по словам летописца, расселилась группа славян, связанная с родом «ляхов». Она получила название радимичей по имени своего предводителя Радима. От имени его брата Вятки получили название вятичи на Оке. Летопись называет 14 таких славянских групп, расселившихся на территории будущей Руси⁴.

Летопись крайне скупо освещает этот период в истории славян, ограничившись лишь замечаниями об отдельных различиях в их обычаях и нравах. Между некоторыми событиями и записью о них прошло 200 и больше лет. Поэтому, кроме ошибок и неточностей, в ней содержатся и просто вымыслы, сочиненные ее составителями и редакторами в соответствии с их политическими концепциями. Особенно пострадали, по мнению исследователей, как раз описания событий начальной истории Руси⁵. Недократные редактирования начальной русской летописи привели к тому, что, например, упоминания о полочанах и новгородцах появились здесь позже. Поздней вставкой оказался и рассказ о завоевании Олегом северян в 884 г. Не было в Начальном своде упоминания о происхождении радимичей «от рода ляхов» и т. д.⁶ Возможно также, что одни и те же племена имели несколько названий (например, дулебы, бужане, волыняне — это разные названия одной славянской группы). Так что, действительное их количество было иным.

Но Русская летопись — не единственный источник по восточным славянам. Наиболее ранние известия о них мы, наверное, найдем у арабов, знавших в IX в. дулебов (дулаба) и волынян (валинана). Называемые ими другие этнонимы не могут быть отождествлены напрямую с восточными славянами, известными по другим источникам. Арабы, в принципе, называют те же регионы обитания славян, которые, судя по новейшим археологическим данным, стали местом их наиболее ранней миграции и откуда они еще не успели расселиться по просторам Восточной Европы. Все это наводит на мысль, что известные по летописи названия восточных славян возникли либо накануне образования древнерусского государства, либо уже в период его существования для обозначения территориальных, но не этнических образований.

Конец IX в. датируется следующее по времени, очень раннее упоминание о восточнославянских племенах у анонимного западноевропейского автора — Географа Баварского. Среди множества племен, названия которых так же трудно отождествить с появляющимися позже в русской летописи именами восточных славян, он называет волынян (Velunzani-велунчане), бужан (Vuzani-бузане), северян (Zuirepni-цвириане), уличан (Unlizi). Все они, по его словам, обитали где-то севернее Дуная⁷. Как видим, здесь отмечена небольшая группа из известных по более поздним источникам племен, занимавшая относительно компактную территорию и, если исключить северян (?), то в основном их ареал совпадает с территорией культуры

пражского типа и ее непосредственных преемников. Упоминание северян, возможно, свидетельствует о начале распространения славян и на левобережье Днепра в Подиссенье.

География восточнославянских племен, по этим источникам, соответствует в целом археологической карте того времени. И, по-видимому, не случайно в них не отмечены такие более северные племена, как кривичи, ильменские словене и даже радимичи.

Археологическое изучение славянских памятников, а также данные лингвистики позволяют прийти к заключению, что начало широкому славянскому расселению было положено племенами пражской археологической культуры, распространенной во всех исторически зафиксированных славянских землях, там, где славян застаёт раннесредневековая история. К VI—VII вв. н. э. славяне освоили земли северной Украины и южной Белоруссии до Припяти. Эта область стала местом первой славянской миграции на восток. Есть основания предполагать, что именно здесь сложилось ядро восточного славянства, откуда началось его дальнейшее расселение по пространствам Восточной Европы⁸.

За период почти четырехсотлетнего пребывания на этой относительно компактной территории здешние славяне эволюционировали в новую (восточную) ветвь славянства. Произошло окончательное слияние различных славянских групп (возможно нескольких первичных племен) и нивелировка их культурных специфических черт, если они до этого имелись. Во всяком случае, археология их не обнаруживает. Письменные источники тоже не фиксируют этого процесса. Известны лишь различные этнонимы (дулебы, вольняне, бужане, поляне), которые представляют собой либо общее название всей этой группы (дулебы), либо территориальные групповые обозначения, возникшие позже.

Есть основания говорить, что именно на этой территории под эгидой полян формируется и первое государство восточных славян. Переданная летописью легенда о киевском князе Кие, принятом византийским императором с соответствующими его положению почестями, отразила реальный факт. Точно такой сюжет описан в армянском источнике VIII в.⁹ В этом регионе были заложены основы восточнославянских языков. Может быть, тогда уже началось формирование общего этнического самосознания восточных славян, появилось название Русь, обозначающее как страну, так и народ, населявший ее¹⁰. Не случайна, видимо, запись в летописи о том, что Русь и поляне — одно и то же. Не случайно также и то, что именно эта территория становится центром Руси IX и последующих веков. Этот восточнославянский центр известен и арабам под названием Куяба¹¹. Таким образом, сложились все условия для появления уже в этот период нового типа этнической общности — восточнославянской, или древнерусской, народности.

Новое расселение уже из этого региона началось поздно и проходило в иной ситуации и при иной качественной характеристике восточнославянского этноса, уже оставившего далеко позади племенное состояние.

Мысль об относительно позднем расселении славян в Восточной Европе не является в научной литературе новой. Вслед за летописцем ее отстаивали В. О. Ключевский, А. А. Шахматов и др. С. М. Сердонин, например, считал, что северные районы восточнославянских земель были заселены накануне образования древнерусского государства. Кривичей и новгородских словен он рассматривал в качестве территориальных союзов, объединявших славянских переселенцев из разных областей и поэтому не составлявших этнических общностей («приходившие сюда восточные славяне давно вышли из племенного строя»)¹².

Что же представляли собой в действительности летописные восточнославянские группировки? Как уже отмечалось, в литературе они определяются по-разному: как племенные объединения, группировки, союзы племен, племенные княжения, преднародности или протонородности.

Сам летописец не раз повторял, что различные обозначения славян появились позже, уже после и в результате расселения, а до этого они назывались все просто славянами. В качестве особых этнических групп рассматривались «племена» «Повести» Шахматовым, археологом Спицыным и другими. Правда, Шахматов в этом плане делает достаточно осторожный вывод, основывая его на наблюдении о своеобразии и частичном совпадении ареалов диалектов средневекового славянства с предполагаемой территорией племен Начальной летописи. Предполагается наличие известной за-

всисмости между этими двумя явлениями, что, по его мнению, может указывать на этническую специфичность отдельных летописных славян¹³. Мне неизвестны лингвистические материалы, которые позволили бы получить представление о языке различных восточнославянских группировок того времени. Ретроспективные наблюдения на этот счет нуждаются в объяснении и, несомненно, допускают варианты таких объяснений. Известно, что своеобразные черты в языке тех или иных этнических групп могут иметь различное происхождение, в том числе и быть связанными с явлениями субстратного порядка, развившимися уже после расселения славян на новых землях.

П. Н. Третьяков рассматривал летописные «племена» как «древнее и этнически своеобразное объединение восточного славянства — прочный союз исторически и этнически родственных племен»¹⁴. Наряду с этим он допускал и существование у восточных славян простых территориальных объединений, названия которых можно найти и в летописи. Так, полочане, по его мнению, не были этническим объединением. Подобно некоторым другим, они представляли одно из новых территориальных объединений, возникших, однако, не в результате расселения славян, а вследствие распада у них первобытнообщинного строя¹⁵. Таких территориальных этнонимов в летописи встречается немало (пищанцы, куряне, новгородцы и др.).

Вывод о связи летописных этнонимов с группировками, являвшимися этническими единицами, делался не без помощи археологии. Доказывалось, что на территории Восточной Европы имеются древние археологические памятники, предшествующие образованию древнерусского государства, которые можно соотнести с восточнославянскими племенами. Так, с памятниками кривичей, как отмечалось, связывали длинные курганы, что давало основание начинать историю кривичей чуть ли не с IV в.¹⁶

Известно, что культура длинных курганов занимает область, в которую летописец поместил кривичей. Это стало решающим доводом в пользу признания культуры кривичской. Хотя, справедливости ради, следует заметить, что и раньше далеко не все соглашались с этим. В самом деле, и территория, и предлагавшиеся даты культуры (IV—X вв.), казалось, давали основания для таких заключений. Последующие раскопки позволили, однако, уточнить как нижнюю, так и верхнюю хронологические границы культуры, что стало одной из причин пересмотра и этнической атрибуции длинных курганов. И, конечно, имеются достаточно убедительные данные, указывающие на глубоко местные корни этой культуры, не связанные с миграцией сюда славян. В белорусском регионе они достаточно хорошо просматриваются в несомненно местной и балтийской по этнической природе культуре банцеровского типа. То же можно сказать и о Смоленщине¹⁷.

В. О. Ключевский в своем понимании ранней истории восточных славян следует за летописью и выводит их из прикарпатской прародины, где они жили, по его словам, первобытно-родовыми союзами. Но последующая «колонизация и свойства края, куда они направлялись, разрушали совместную жизнь родичей»¹⁸. На наш взгляд, замечание Ключевского очень важно. Идея о разрушении у славян прежних родовых основ в процессе расселения сама по себе исключает возможность образования на новых местах племенных этнических новообразований. Ирония П. Н. Третьякова по этому поводу, бросившему в адрес Ключевского упрек в приверженности того «пресловутой» теории карпатской прародины славян, не может быть принята.

Еще определеннее эту мысль выразил С. М. Сердонии: «Из местных названий XI в. летопись сделала «племена» восточного славянства». И далее: «Сравнительно небольшими группами, часто отдельными семьями славянские племена расползались по великой Восточноевропейской равнине. Вследствие этого постоянно изменялись границы Русской земли, распадалась прежние союзы, на их месте образовывались новые, которые уже нельзя считать союзами лиц, связанных единством происхождения»¹⁹. Сходные идеи высказывали А. Е. Пресняков и некоторые другие историки.

Следовательно, условия достаточно поздней миграции не благоприятствовали сохранению прежнего племенного членения и родовой организации восточных славян, если вообще они к тому времени у них еще сохранялись. Основания для таких сомнений имеются.

Начавшееся в IX—X вв. расселение восточных славян из своей волинской прародины привело, как это явствует и из летописи, к появлению той

группы новых названий, которую и отождествляют с восточнославянскими «племенами». И первое, что следует подчеркнуть, — новые восточнославянские группировки появились после расселения. Маловероятно, что с такими названиями (а их 13—14) они могли концентрироваться до расселения в пределах ограниченного пространства. Об этом прежде всего свидетельствует этимология самих названий, которую летописец совершенно оправданно, опираясь на свои представления о происхождении этнонимов, связал с разным характером местности, в которой они оказались. Такое положение естественно только для больших пространств.

Я не исключаю, однако, того, что по отношению к другим славянам Европы они могли иметь свои этнонимы, называться волынянами или бужанами в соответствии с географией размещения. Впрочем, об этом свидетельствуют арабские и западноевропейские источники IX в., знавшие дулебов (арабский источник), волынян и бужан (арабский и западноевропейский источники).

Так называемые летописные племена в своем большинстве не могли быть этническими образованиями, предшествовавшими древнерусской эпохе. Ко времени нового расселения из восточнославянской прародины славяне уже смогли сформироваться в более высокий тип этнической общности, близкой к народности. Их расселение проходило в условиях появившейся государственности и носило характер колонизационного движения достаточно однородного этноса. Говорить в этом случае о племенах кривичей, радимичей и пр. — значит попытаться вернуть восточных славян в то историческое состояние, которое они давно миновали.

Однако, расселившись в новых местах, в среде иноязычного и инокультурного населения, восточные славяне не могли не испытать на себе воздействия со стороны местных этносов. В результате ассимиляционных и миксационных процессов у различных групп славян появились некоторые специфические черты в культуре, обычаях, нравах, верованиях, о чем, кстати, говорится и в летописи. Возможно, этим и обусловлено появление диалектов. Условия для этого были налицо: не только размеры освоенной славянами территории, но и влияние местных субстратов. Такие факторы всегда способствуют дифференциации. Не случайно туда, где до славян обитали балтийские племена с культурой длинных курганов, летописец позже поместит кривичей, а туда, где были распространены сопки, — новгородских словен. Смешение славян с местным, балтийским, населением хорошо прослеживается археологически по материалам тех же длинных и удлиненных курганов²⁰. В целом же расчлененность восточных славян на отдельные летописные группировки, вероятно, отразила этническую картину, какой она была здесь до их прихода.

Значит, летописные группировки не предшествовали Руси, а были результатом ее последующего этнического развития. Хотя летописец объясняет возникновение особых названий различных групп славян особенностями географической среды, лингвисты не исключают возможности заимствования некоторыми из них своих названий у местных неславянских племен. Так, на основе балтийских названий могут быть объяснены этнонимы кривичей, дреговичей, радимичей, северян²¹. Если это справедливо, то мы можем в какой-то степени представить себе этнонимическую дославянского населения и соотнести ее с культурами железного века.

Атрибутирование археологами в качестве этноопределяющих признаков восточнославянских племен некоторых типов височных колец, похоже, оказалось долгим заблуждением. Эти кольца характерны для сельских курганов XI—XII вв., т. е. для Руси периода раздробленности, а, отнюдь, не для эпохи племенного строя, когда их можно было бы связать с отдельными племенами. Этот факт археологи почему-то предпочитают не замечать. Появление на Руси разных типов височных колец, по-видимому, есть результат, в одних случаях, возникновения деревенских производственных центров, в других — заимствований у коренного населения. Выяснилось, что некоторые типы деревенских височных колец имеют более древние местные, неславянские, прототипы (например, вятичское кольцо).

¹ См.: Колчин Б. А. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1956. № 55; Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961; Кухаренко Ю. В. Полесье и

его место в процессе этногенеза славян // I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968. Т. 1. S. 246.

² См.: Левашова В. П. Височные кольца // Труды ГИМ. М., 1967. Вып. 43.

С. 7.

³ Повесть временных лет Ч. I. М.; Л., 1950. С. 207.

⁴ Там же.

⁵ См.: Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964. С. 139—140.

⁶ См.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

⁷ См.: Шафарик П. И. Славянские древности. М., 1848. Т. 2. Кн. 3. Приложение XIX. С. 70.

⁸ См.: Загорульский Э. М. // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3. 1991. № 2. С. 16.

⁹ См.: Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 7.

¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹ См.: Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 276—277.

¹² Сердонин С. М. Историческая география. Пг., 1916. С. 141.

¹³ См.: Шахматов А. А. // Журнал министерства народного просвещения. 1899. № 4; Его же. Введение в курс русского языка. Ч. 1. Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пг., 1916.

¹⁴ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953. С. 234.

¹⁵ Там же. С. 222.

¹⁶ Там же. С. 233.

¹⁷ См.: Загорульский Э. М. Древняя история Белоруссии. Мн., 1977; С. 74; Шмидт Е. А. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1963. Вып. 5. С. 85.

¹⁸ Ключевский В. О. Курс русской истории. 1937. Ч. 1. С. 100.

¹⁹ Сердонин С. М. Указ. соч. 152, 134.

²⁰ См.: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 108.

²¹ См.: Хабургаев Г. А. Этнонимика «Повести временных лет». М., 1979. С. 196—197; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 106.

И. Л. КАЧАЛОВ

ТЕОРИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ: К ПРОБЛЕМЕ АВТОРСТВА

Идеологией российского самодержавия с начала 30-х и до середины 50-х гг. XIX в. являлась так называемая «теория официальной народности». Это была относительно цельная система взглядов, идей, представлений, призванных обосновать незыблемость существовавшего государственного и общественного строя. Сущность ее заключалась в трех неразрывно связанных понятиях: православие, самодержавие, народность. Традиционно автором теории официальной народности считают С. С. Уварова, а ее сторонниками и пропагандистами — историков М. П. Погодина и Н. Г. Устрялова, литературоведов С. П. Шевырева и О. И. Сенковского, журналистов Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина, писателей Н. В. Кукольника и М. Н. Загоскина. Сюда же, с некоторыми оговорками, относят В. А. Жуковского, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Объединение в одном лагере людей разного уровня интеллекта, образования и общественной активности ставит перед исследователями официальной народности проблему определения ее подлинных теоретиков, т. е. тех лиц, чьи идеи были положены в основу создания и развития этой теории.

Наиболее активными и деятельными приверженцами уваровской триады были Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин, О. И. Сенковский, М. П. Погодин и С. П. Шевырев. Именно на их работы чаще всего ссылаются при характеристике идейного содержания теории официальной народности. При этом, как правило, не обращается внимание на взаимоотношения между Погодиным и Шевыревым, с одной стороны, и Гречем, Булгариным и Сенковским — с другой. А отношения эти были совершенно не похожи на отношения союзников и, тем более, единомышленников.

Еще в апреле 1822 г., ознакомившись с только что вышедшей из печати работой Н. И. Греча о русской литературе, М. П. Погодин записывает в дневнике: «Такая неосновательность, бестолочь, сумасбродство, какого можно ожидать только от неумного человека»¹. Согласимся, что это не очень лестный отзыв о будущем «соавторе». Издавая в 1827—1830 гг. «Москов-

ский вестник», М. П. Погодин и С. П. Шевырев столкнулись с редакторами «Северной пчелы». «С петербургскими издателями открылась у нас жесточайшая война», — вспоминал М. П. Погодин. Причиной тому был «громоздкий разбор» С. П. Шевыревым «нравственно-описательных сочинений» Ф. В. Булгарина, напечатанный в первом номере журнала за 1828 г. В 1835 г., приняв активное участие в издании В. П. Андросовым «Московского наблюдателя», С. П. Шевырев «сильно вооружился против Сенковского и нашел себе нового врага»². Наконец, с 1841 г. М. П. Погодин и С. П. Шевырев начали издавать журнал «Москвитянин», который, по их замыслу, должен был противостоять «торговому направлению» и журнальному триумvirату Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча и О. И. Сенковского.

Таким образом, разногласия носили явно принципиальный характер, и потому можно с полной уверенностью утверждать, что М. П. Погодин и С. П. Шевырев вместе с Н. И. Гречем, Ф. В. Булгариным и О. И. Сенковским не могли создать и развивать общую для них теорию. Чьи же взгляды тогда следует считать собственно теорией официальной народности? Главным критерием здесь может служить, на наш взгляд, отношение к указанным лицам С. С. Уварова. Автору формулы «православие, самодержавие, народность», на протяжении многих лет проводившему свою идеологическую программу в жизнь, нужны были верные помощники. А ими могли стать только те, кто разделял его взгляды, или, по крайней мере, точно выполнял его указания.

Ни Н. И. Греч, ни Ф. В. Булгарин, ни О. И. Сенковский какой-либо симпатии у министра народного просвещения не вызывали. Об этом, в частности, свидетельствует запись А. В. Никитенко в дневнике за 8 августа 1835 г., в которой он воспроизводит монолог С. С. Уварова, где тот высказывается по поводу своей программы. Там, в частности, есть следующие слова: «Я знаю, чего хотят наши либералы, наши журналисты и их клеветы: Греч, Полевой, Сенковский. Но им не удастся бросить своих семян на ниву, на которой я сею и которой я состою стражем — нет не удастся»³. Это довольно категоричное заявление говорит о том, что С. С. Уваров не считал ни Н. И. Греча, ни О. И. Сенковского союзниками в своем деле.

То, что М. П. Погодин и С. П. Шевырев пользовались особым расположением С. С. Уварова — факт хорошо известный. Рассмотрим научную и литературно-издательскую деятельность М. П. Погодина и С. П. Шевырева в непосредственной связи с формированием ключевых идей теории официальной народности.

Знакомство С. С. Уварова с работами М. П. Погодина произошло, по-видимому, еще в середине 20-х гг. Так, биограф Погодина Н. П. Барсуков приводит переписку М. П. Погодина с П. И. Кешпеном, датированную октябрём — декабрём 1826 г. Последний в одном из писем просит М. П. Погодина прислать свои сочинения для С. С. Уварова, а в следующем письме сообщает: «Сочинения ваши и переводы я представил С. С. Уварову, который принял их очень благосклонно»⁴.

Важным событием в судьбе М. П. Погодина и С. П. Шевырева стал приезд в Москву осенью 1832 г. С. С. Уварова, который, только что став товарищем министра народного просвещения, прибыл для ревизии университета. Посещая лекции профессоров и преподавателей, он присутствовал и на лекции М. П. Погодина по русской истории, которой остался очень доволен. Об этом свидетельствуют как дневниковая запись М. П. Погодина, так и сам С. С. Уваров, назвавший в своем отчете адъюнкта М. П. Погодина в числе преподавателей, стоящих «на степени желаемого образования по своей науке» и владеющих «способностью передавать свои познания»⁵.

Узнав, что на лекции Погодина присутствовал С. П. Шевырев, только что вернувшийся из-за границы, Уваров «выразил желание», чтобы тот был ему представлен. (По всей вероятности, С. С. Уваров уже был знаком с работами С. П. Шевырева, и они привлекли его внимание). Желание товарища министра исполнил М. П. Погодин, отметивший в своем дневнике, что «это представление было для Шевырева весьма благоприятно». С. С. Уваров предложил С. П. Шевыреву стать адъюнктом по кафедре русской словесности⁶. С этого времени начинается покровительство Уварова М. П. Погодину и С. П. Шевыреву, продолжавшееся до самой смерти С. С. Уварова. Это покровительство нельзя объяснить иначе, как желанием С. С. Уварова привлечь М. П. Погодина и С. П. Шевырева к совместной деятельности.

Как известно, впервые свою программу, лозунгом которой стали православию, самодержавию, народности, С. С. Уваров изложил в отчетном до-

кладе, представленном Николаю I после ревизии Московского университета. Суть ее сводилась к следующему. «Дух и расположение умов молодых людей ожидают только обдуманного направления». Поэтому необходимо лишь удержать равновесие «между понятиями, заманчивыми для умов незрелых и... теми твердыми началами, на коих основано не только настоящее, но и будущее благосостояние отечества». Для достижения этого надо «постепенно завладевши умами юношества... привести оное почти нечувствительно к той точке, где слиться должны к разрешению одной из труднейших задач времени, — образование правильное, основательное, необходимое в нашем веке, с глубоким убеждением и с теплою верой в истинно-русские хранительные начала православия, самодержавия и народности...» С. С. Уваров считал, что молодым людям нужно доказать необходимость «быть русским по духу прежде, нежели стараться быть европейцем по образованию»⁷.

Идеи, высказанные С. С. Уваровым в своем отчете, во многом созвучны с лекцией М. П. Погодина, на которой он присутствовал, будучи в Москве. В этой лекции (она называлась «Взгляд на русскую историю»)⁸ М. П. Погодин обосновывал мысль о том, что «вся история наша до малейших общих подробностей представляет совершенно иное зрелище», чем история западноевропейских государств. Особый исторический путь России был предопределен, по мнению М. П. Погодина, еще в самом начале образования русского государства, когда на Русь пришли «добровольно избранные» варяги и принята христианская вера от Византии. Отсюда самодержавная власть и православная вера становятся «истинно-русскими началами». Слово «народность» М. П. Погодин не употребляет, но о том, что этим словом обозначали, он говорит, и особенно применительно к новейшему времени. Исходя из различия исторических судеб России и Западной Европы, М. П. Погодин противопоставляет требованию тех или иных нововведений в России тезис о том, «что всякое постановление должно непременно иметь свое семя и свой корень, и что пересаживать чужие растения, как бы они ни были пышны и блистательны, не всегда бывает возможно или полезно». Это и есть не что иное, как призыв к соблюдению принципа народности в тогдашнем понимании значения этого слова⁹.

Из сходства содержания программы С. С. Уварова и лекции М. П. Погодина, конечно, не следует делать вывод о прямом заимствовании С. С. Уваровым идей М. П. Погодина. Более вероятной представляется такая логика событий. Взгляды М. П. Погодина и С. П. Шевырева отражали одно из направлений русской общественной мысли. Это направление не шло в разрез с интересами самодержавия и имело достаточно много сторонников, в чем С. С. Уваров еще раз убедился, побывав в Московском университете. К тому же оно возникло вне государственных структур и не было связано с официальной властью. С. С. Уваров, как опытный государственный деятель и человек, несомненно, умный, прекрасно понимал, что в обществе гораздо легче распространяются идеи, зародившиеся в нем самом, чем навязанные сверху. Решив выступить со своей программой уже от лица правительства, он подкрепляет действительно исконные принципы православия и самодержавия именем народности — понятием новым и сильно занимавшим умы молодого поколения. Тем самым получалось, что власть не навязывает свои взгляды, а, напротив, выступает как бы гарантом того направления в развитии России, какого желает общественное мнение. М. П. Погодина и С. П. Шевырева С. С. Уваров мог рассматривать как главных идеологов такой политики. Дальнейшая их деятельность подтверждает наш вывод.

С 1834 г. начал выходить «Журнал министерства народного просвещения» («ЖМНП»), основанный по инициативе С. С. Уварова. Журнал был официальным изданием, не подлежал цензуре, и контроль за его содержанием осуществлял сам С. С. Уваров. Исходя из этого, «ЖМНП» можно рассматривать как орган пропаганды теории официальной народности. М. П. Погодин и С. П. Шевырев приняли активное участие в издании министерского журнала. Они печатали там свои статьи, лекции, путевые заметки, письма. Так, самый первый номер журнала вышел с лекцией М. П. Погодина «О всеобщей истории», где получила развитие идея о несхожести исторического пути России и Западной Европы. С. П. Шевырев «за деятельное участие и труды» в издании «ЖМНП» дважды, в 1835 и 1836 гг., получал благодарность от министра народного просвещения¹⁰. Характерно, что в «ЖМНП» ни разу не печатались работы Н. И. Греча, Ф. В.

Булгарина и О. И. Сенковского. Более того, их деятельность иногда подвергалась критике на страницах «ЖМНП». Это еще раз доказывает, что Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин и О. И. Сенковский не входили в команду С. С. Уварова и их нельзя считать теоретиками официальной народности.

Задумав издание «Москвитянина», М. П. Погодин и С. П. Шевырев получили от С. С. Уварова серьезную поддержку. «Вы можете быть уверены в моем содействии более нежели официальном: в моем душевном участии и в моей готовности споспешествовать изданию журнала, соответствующего положению умов и видам правительства», — писал С. С. Уваров М. П. Погодину¹¹. Когда вышел первый номер «Москвитянина», М. П. Погодин попросил С. С. Уварова представить журнал императору. Выполняя эту просьбу, С. С. Уваров «счел долгом» обратить особое внимание Николая I на две статьи: «Петр Великий» и «Взгляд русского на образование Европы». Первая принадлежала М. П. Погодину, вторая — С. П. Шевыреву. Примечательно, что С. С. Уваров обратил внимание императора именно на эти статьи, написанные в духе православия, самодержавия, народности и носившие явно программный характер. О самом же «Москвитянине» он писал: «Желательно, чтобы это новое периодическое издание, продолжая идти стезею благородного направления, могло некоторым образом служить и образцом для русской журналистики, к сожалению, столь мало соответствующей доселе собственной цели и общей пользе»¹². Эти слова С. С. Уварова свидетельствуют о том, что он достаточно высоко оценивал деятельность М. П. Погодина и С. П. Шевырева, возлагал на них большие надежды.

Таким образом, главными теоретиками официальной народности, помимо С. С. Уварова, следует считать М. П. Погодина и С. П. Шевырева. Теория официальной народности возникла, развивалась и пропагандировалась благодаря их научной, литературной и издательской деятельности. М. П. Погодин и С. П. Шевырев выражали взгляды одного из течений общественно-политической мысли России второй четверти XIX в. Именно среди их друзей и единомышленников нужно искать и других сторонников этой теории. Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин и О. И. Сенковский, несмотря на активную поддержку существовавшего строя, к созданию и развитию теории официальной народности не имели прямого отношения. Поэтому их взгляды никак нельзя отождествлять непосредственно с теорией официальной народности.

¹ РО ГВЛ. Ф. 231/1, к. 30, д. 1, л. 179; См. также: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888. Кн. 1. С. 152—153.

² Погодин М. Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве. СПб., 1869. С. 15, 21.

³ Никитенко А. В. Записки и дневник (1804—1877). СПб., 1905. Т. 1. С. 267.

⁴ Цит. по: Барсуков Н. Указ. соч. СПб., 1889. Кн. 2. С. 9.

⁵ Там же. СПб., 1891. Кн. 4. С. 78—79.

⁶ Там же. С. 87.

⁷ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. 2. С. 511.

⁸ См.: Погодин М. П. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 1 и далее.

⁹ См.: Качалов И. Л. // Весн. Белорус. ун-та. Сер. 3. 1991. № 3. С. 15.

¹⁰ См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета. СПб., 1855. Ч. 2. С. 613.

¹¹ Русский архив. 1871. Т. 2. С. 2081.

¹² РО ГВЛ. Ф. 213/2, к. 34, д. 4, л. 4—5; См. также: Барсуков Н. Указ. соч. СПб., 1892. Кн. 6. С. 22—23.

Л. М. ШНЕЕРСОН

СИТУАЦИЯ В ЮЖНОЙ ГЕРМАНИИ НАКАНУНЕ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ 1870—1871 ГГ. В ОЦЕНКЕ ФРАНЦУЗСКИХ ДИПЛОМАТОВ

С начала 1870 г. обстановка на юге Германии приобретала все более сложный и противоречивый характер в связи с нарастанием реальной угрозы войны между Пруссией и актуализацией на этом фоне проблемы объединения Германии. Активизировалась сепаратистская оппозиция прус-

ским планам объединения в лице большей части дворянства, чиновничества, династических кругов и руководства католической церкви, обеспокоенных судьбой своих социальных и политических привилегий в случае централизации страны. Антипруссские настроения преобладали и в среде мелкобуржуазной демократии, проповедовавшей объединение Германии на федералистской основе.

К началу 1870 г. назрел политический кризис в Баварии. Под ударом антипруссских сил пошатнулось правительство Гогенлоэ, выступавшее за установление связи южногерманских государств с Северогерманским союзом в форме «союза государств» с сохранением южными государствами значительной автономии и, прежде всего, самостоятельности во внешней политике.

Выборы в баварский ландтаг в ноябре 1869 г. принесли успех консерваторам¹. Исход выборов и общая ситуация в стране побудили правительство Гогенлоэ подать коллективное прошение об отставке. Но король категорически заявил Гогенлоэ, что решил не отказываться от его услуг в современных условиях (26, № 7803).

Французский посол Бенедетти в это время сообщал из Берлина, что результаты баварских выборов произвели здесь тяжелое впечатление, хотя, не считая отставку Гогенлоэ неизбежной, министерство иностранных дел и официальная пресса комментирует их очень осторожно (26, № 7793).

Сильную озабоченность правительств и общественных кругов Южной Германии вызвала тронная речь баварского короля в парламенте 17 января 1870 г. В этой речи, сообщил французский посланник Кадор, «король выразил свои взгляды относительно будущего Германии несколько неопределенно, в противоположность четкости его прошлых заявлений. Сказав, что не даст никогда своего согласия на создание Германии, способной нанести ущерб независимости Баварии, он вместе с тем заявил, что восстановление национальной связи между германскими государствами является предметом их желаний и надежд. Речь была воспринята с удовлетворением прогрессистами, — продолжает Кадор, — которые опасались более резкой и энергичной манифестации баварского национального духа, и в то же время произвела небольшой эффект в среде консерваторов, увидевших в ней лишь подтверждение политики, которой правительство следовало до настоящего времени» (26, № 7878).

Гогенлоэ заявил Кадору, будто король имел в виду его (Гогенлоэ) идею «союза государств» в духе, предусмотренном 4-й статьей Пражского мира. Но баварский премьер тут же оговорился, что политика Пруссии в настоящий момент не позволяет надеяться на результат, соответствующий интересам Баварии, и у нее остается только один выход — придерживаться статус-кво, как ни печально положение государств Юга, определенное договорами с Пруссией (26, № 7885).

Кадор, кстати, был невысокого мнения о степени продуманности политики Гогенлоэ. Он писал по этому поводу, что у Гогенлоэ вообще отсутствует какой-либо план и принципы. «Кажется, он имеет только одну цель: сохранить власть, и это соображение у него доминирует над всеми другими» (26, № 7753).

Похожим образом прокомментировал эту речь и французский посланник в Вюртемберге граф Сен-Валье. «Выражая хорошо известные идеи князя Гогенлоэ, — писал он, — эта речь, кажется, имеет целью в равной степени не ущемить обе партии, представленные в палате» (26, № 7885).

Ход политических прений в баварском парламенте выявил нарастающее недовольство политикой Гогенлоэ. Хотя король несколько раз демонстративно заявлял, что решения палаты для него не указ, ибо Бавария не парламентская монархия, ему пришлось считаться с этим и принять в конце концов отставку Гогенлоэ, возобновившего свою просьбу 14 февраля 1870 г. Французский министр иностранных дел Дарю в своем письме послу Бенедетти в этой связи с удовлетворением отмечал, что «в самом значительном государстве южной Германии партия, представляющая автономистские тенденции, программа которой предполагает, в первую очередь, сопротивление унитарным доктринам, добилась заметного превосходства. Завоеванное ею влияние может существенно изменить направление политики мюнхенского кабинета, которой он следует после событий 1866 года» (26, № 7935).

Новый кабинет возглавил граф Брей. Французский поверенный в делах в Мюнхене Тибу, сообщая об этом, писал, что, по единодушному мнению,

это человек умеренный, расположенный к примирению, его предпочтением пользуется партия патриотов, однако полагают, что он не будет стараться придать баварской политике какое-то строго определенное направление, а, скорее, будет стараться руководствоваться обстоятельствами и следовать движению мнения» (27, № 8000).

В своей программной речи в верхней палате ландтага Брей заявил, что договоры, заключенные с Пруссией, образуют базу отношений между Севером и Югом, но, в отличие от Гогенлоу, он поставил на этом точку и воздержался от всяких намеков на поиски каких-либо новых связей с Северогерманским союзом. «Мы останемся верны договорам с Пруссией, — сказал он, — но мы заинтересованы в статус-кво и не намерены выходить из него» (27, № 8015).

Хотя Берлин прямых заявлений по этому поводу не делал, о его позиции было легко догадаться по утверждениям официальной берлинской прессы, что прусский король, принимая в случае войны верховное командование союзными войсками, становится единственной или, по крайней мере, последней инстанцией, решающей вопрос об обязательствах сторон в этой войне (26, № 7930). Было ясно, что прусский кабинет не намерен идти ни на какие уступки в отношении договоров, сроки действия которых истекали, кстати, в 1871 г. Правительства Юга знают, как сообщал из Штутгарта Сен-Валье, «что Пруссия располагает оружием, которое угрожает им как домоклов меч — деансация Таможенного союза. Каждый раз, когда по ту сторону Майна раздаются голоса недовольства договорами, официальные органы Бисмарка спешат заявить, что Таможенный союз — это, якобы, другая сторона договоров и отказ от них немедленно повлечет разрыв таможенного соглашения» (26, № 7940).

Негативное впечатление произвела в Париже тронная речь прусского короля на открытии сессии Северогерманского рейхстага 14 февраля. При встрече с прусским послом Вертером Дарю высказал недовольство той частью речи, где прусский монарх коснулся отношений Северогерманского союза и южногерманских государств. «Мы были, — сказал он, — особенно поражены тоном короля относительно 4-й статьи Пражского договора... Его величество упустил добавить, что эта статья оговаривает для южных государств независимое международное положение и это, конечно, придает его словам значение, мало соответствующее духу соглашений 1866 года» (26, № 7953). Независимость южно-германских государств, добавил французский министр, является в настоящий момент гарантией европейского равновесия.

Не очень успокоило французских политиков и последовавшее через несколько дней выступление в рейхстаге Бисмарка, высказавшегося против удовлетворения просьбы Бадена о присоединении к Северогерманскому союзу, поскольку, по словам канцлера, наступит день, когда он не поколеблется присоединить все южногерманские государства к федеральному (или унитарному) центру. Однако от официальных протестов французское правительство воздерживалось. «Мы должны соблюдать большую осторожность во всем, что касается германских дел, — инструктировал Дарю посла в Берлине. — Крайне важно не давать берлинскому кабинету нашими демаршами или словами никаких предлогов для возбуждения национальных чувств» (27, № 7997).

Бюртембергский король, когда Сен-Валье проинформировал его о разрыве Дарю с Вертером, выразил удовлетворение позицией Франции в германском вопросе. Ему бы очень хотелось избежать повторения ситуации 1866 г.: тогда великие державы сыграли роль «сообщников Пруссии... Говоря, великие державы, — пояснил он, — я имею в виду только две: Францию и Россию. Первая пересмотрит, я надеюсь, свое заблуждение 1866 года, что касается императора Александра, я лишь себя надеждой, может быть, напрасной, что состояние балтийских провинций откроет ему глаза на единственную внешнюю опасность, которая ему угрожает» (26, № 7985).

Надо отметить, что Оливье, глава французского правительства с января 1870 г., бывший республиканец, выступавший с пацифистскими декларациями, счел необходимым отмежеваться от заявления Дарю Вертеру, объяснив его в интервью газете «Кольнише Цайтунг» выражением личной точки зрения министра, а не правительства (27, при. к № 8013). Он расценил даже такое, сделанное с оговорками, заявление как угрожающий демарш. На

этом фоне лишенной логики представляется замена французским правительством Дарю на посту министра иностранных дел герцогом Грамоном, известным своими тесными связями с наиболее воинствующим крылом бонапартистов. Таковы были гримасы кризиса, переживаемого Второй империей.

В связи с намеченной на 21 апреля созывом сессии Таможенного парламента внимание французской дипломатии привлекли отклики баварской прессы на это событие, ее оценки роли союза в германских делах. Тибу сообщил из Мюнхена, что одна из наиболее влиятельных местных газет с удовлетворением выразила убеждение, что это учреждение не только не оправдало прусских политических расчетов, но, скорее, стало препятствием для экспансии Пруссии, действия которой оно направляет в строго определенные пределы. Даже в своей узко специальной области Таможенный союз не раз оказывал, пишет газета, сопротивление финансовым комбинациям Бисмарка (27, № 8090).

Беспокойство вызвали сведения о планах Берлина присвоить прусскому королю вместо звания президента Северогерманского союза титул императора. Однако в Мюнхене и Штутгарте отрицали факт предъявления им подобных претензий и заверили, что если бы подобные проекты существовали, они, вне всякого сомнения, были бы отклонены. Берлинский кабинет слишком опытен, высказывал свое мнение французский посланник в Мюнхене, и хорошо осведомлен о состоянии умов на Юге, «чтобы рисковать предложениями, способными усилить возбуждение страны, толкнуть колеблющееся правительство баварского короля в объятия противников Пруссии» (27, № 8216). Отрицали этот факт и в Берлине (27, № 8158).

Много предположений возникло в связи с поездкой принца Гессенского в Берлин в 20-х числах апреля. Бенедетти было направлено указание выяснить цели этой поездки. Гессенский посланник в Берлине Гофман, с которым Бенедетти встретился 19 апреля, признал, что раздвоенность Гессена, северная часть которого (по ту сторону Майна) входила в Северогерманский союз, ставит его в весьма трудное положение, которое не может продолжаться бесконечно. Но настоящий визит его монарха в Пруссию, заверил он, не имеет ничего общего с этой проблемой, а является актом чистой вежливости. В Дармштадте предпочитают терпеть существующее положение так долго, как позволят обстоятельства, сказал он. Попутно он высказал мнение, сложившееся у него как члена Союзного совета, что и Бисмарк больше склонен сейчас к консолидации конфедерации такой, как она есть, чем к расширению ее пределов. Канцлер, как ему кажется, полагает, что присоединение южной Германии обеспечит второстепенным государствам и либеральной партии в парламенте влияние, которое нейтрализует решающий голос Пруссии. Предвидя это, «он считает предпочтительнее не спешить с такой возможностью, по крайней мере, до возникновения обстоятельств, которые позволят совершить это, сохраняя высшую и абсолютную власть, приобретенную Пруссией» (27, № 8092).

Но в то же время французский посланник в Дармштадте был убежден, что Гессен под угрозой Пруссии аннексировать его верхний Гессен (часть, входящую в Северогерманский союз), конечно, вступит в Северогерманский союз (27, № 8097).

Южногерманские государства ослабляло наличие между ними, особенно между Баварией и Вюртембергом, взаимной подозрительности и недоверия. Апрельский визит баварского премьера Брея в Вюртемберг возбудил в Париже надежды на сплочение этих крупнейших государств Юга. Тем более, что баварский премьер выразил удовлетворение результатами своего визита в Штутгарт. Он проинформировал французского посланника, будто вюртембергский король выразил полное согласие с программой, изложенной им, Брейем, в верхней палате. По другой информации, в Штутгарте речь шла о согласовании шагов, которые оба правительства намерены предпринять по отношению к Северогерманскому союзу в связи с предстоящим заключением с ним, договоров, аналогичных уже подписанному Баденом (27, № 8038).

Однако французская дипломатия допустила грубые просчеты, которые Пруссия умело использовала, чтобы вынудить правительство Наполеона III взять на себя инициативу военной развязки в июле 1870 г. А это позволило Бисмарку придать войне в глазах немцев национальный характер, что

заглушило оппозицию государств Южной Германии и предрешило их вступление в войну на стороне Пруссии.

¹ Les Origines diplomatiques de la guerre de 1870/71. Recueil de documents publiés par le ministère des affaires étrangères. Paris, 1932. Т. 26. № 7793. Дальнейшие ссылки даются в тексте статьи. В скобках указан том и номер документа публикации.

Г. В. ВАСЮК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ОБСТАНОВКА В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В 80—90-е гг. XVI в.

Конец XVI в. — один из важнейших периодов в социально-экономическом, политическом и духовном развитии Речи Посполитой.

В социально-экономической области наряду с ростом городов, зарождением капиталистического уклада усиливалось развитие фольварочно-барщинного хозяйства, росла феодальная эксплуатация крестьянства.

В политической области в это время более четко определилась наметившаяся после Люблинской унии тенденция к ослаблению центральной государственной власти и росту феодального партикуляризма. Власть в государстве постепенно переходит в руки крупных магнатов, имевших огромные латифундии на территории Великого княжества Литовского. Рост влияния крупной знати вносит элементы анархии в политический строй страны ¹. Этому способствовало и возрастание роли повятовых сеймиков шляхты, особенно реляционных, ведущих к падению роли вального сейма. Кроме того, с 1589 г. либерум вето было признано обязательным условием принятия сеймовых постановлений ².

В развитии духовной культуры конец XVI в. — это период позднего Возрождения, контрреформации и барокко. В сознании шляхты, господствующего сословия тогдашней Речи Посполитой, мощь и процветание государства все более связывается с католической церковью. Как следствие этого усиливается религиозная нетерпимость, которая углубляет раскол среди ведущих конфессий Речи Посполитой.

Католическая церковь к концу XVI в. прошла большой путь внутренних изменений и подтвердила свое главенствующее положение среди других конфессий. Уже в 70-е гг. окончательно ушла в прошлое идея национальной церкви с попыткой выборов духовенства шляхтой и передачи высшей церковной власти в государстве от папы королю, а также ликвидации celibата духовенства и причащения мирян хлебом и вином ³. В 1577 г. Петровский синод признал постановления Тридентского собора обязательными для католической церкви Речи Посполитой. В соответствии с ним был проведен ряд реформ, укрепивших церковную дисциплину и способствовавших росту интеллектуального уровня католического духовенства. Так, в конце XVI в. среди высшей католической иерархии 21% составляли священнослужители с высшим образованием. Ни до, ни после данного периода такого большого количества высокообразованных священников здесь не было. В середине XVI в. этот показатель был в несколько раз меньше.

К концу XVI в., пользуясь падением роли центра, католическая церковь еще более усилила свои позиции в государстве. Польский король и великий князь Литовский по традиции оставался католиком, католические епископы занимали ведущие места в сенате. Возросло представительство католической знати в высших органах государственной власти. В периоды бескорольевья примас выступал в качестве интеррекса. В Великом княжестве Литовском важнейшее место в органах государственного управления по традиции занимал виленский епископ ⁴.

Реформация не смогла подорвать экономическую мощь католической церкви. В очень ограниченных размерах была проведена секуляризация владений католического духовенства. Они в целом оставались довольно большими, особенно на территории Короны. Однако здесь имела место дифференциация церковных владений по воеводствам. Так, в Люблинском воеводстве духовенство имело 7% от общего числа деревень, тогда как в

Краковском 23% ⁵. В целом же польская католическая церковь владела 12% всех вотчин.

В Великом княжестве Литовском владения католической и православной церкви составляли 5%, а по некоторым данным 10% освоенных земель ⁶. Крупным земельным собственником был виленский епископ. Так, уже в середине XVI в. ему принадлежало 300 деревень, 16 местечек, 6 тыс. «дымов», в которых проживало 40 тыс. человек ⁷. На территории Виленского епископства было меньше парафий по сравнению с другими епископствами Речи Посполитой, что позволяло отдельной парафии получать больше доходов.

Существенно усилило католическую церковь укрепление на территории Речи Посполитой Ордена иезуитов, число членов которого быстро росло. Так, в период правления Сигизмунда III в Речи Посполитой насчитывалось свыше 1000 членов данного Ордена, из них 720 действовало в Великом княжестве Литовском.

По сравнению с католической церковью две другие христианские конфессии на территории Речи Посполитой — православие и протестантизм — находились в положении обороняющихся перед наступлением контрреформации. Что касается протестантизма, то времена его расцвета уже прошли. Со времени заключения Люблинской унии ему все более и более угрожала контрреформация. Положение осложнялось и тем, что в лагере протестантов не было единства. Не прекращалась борьба между кальвинистами и лютеранами, с одной стороны, и антитринитариями, с другой. При этом и в среде ариан возникали различные секты. Все больше представителей привилегированных сословий, испугавшихся общественного и доктринального радикализма литовских и польских «братьев» под воздействием католической пропаганды, оставляли лагерь реформации. Кроме того, магнатерия и шляхта, которые трактовали реформационное движение как средство достижения экономических и политических целей, после их частичной реализации постепенно отходили от реформации. Реформационное движение утрачивало свою важнейшую социальную опору.

Однако протестантизм, понесший к концу XVI в. серьезные потери, представлял еще большую силу. Особенно сильное его влияние было на территории Великого княжества Литовского. Под конец XVI в. число кальвинистских сборов составляло здесь около 180, из них около 140 приходилось на воеводства Новогрудское, Виленское, Троцкое и Жмудь. В Минском воеводстве было 11, Брестском — 8, Витебском — 7, Полоцком — 5, Мстиславльском — 2 сбора ⁸. Кальвинисты имели четкую структуру. В организационном плане на территории Великого княжества Литовского она состояла из 6 дистриктов. Протестантизм здесь пользовался мощной поддержкой Радзивиллов биржанской линии. Кроме того, протестанты сохраняли свое влияние в органах государственной власти. Так, в 1569 г. в Великом княжестве Литовском из 21 светского сенатора 14 были протестантами. В 1596 г. их было десять, а католиков девять ⁹.

Православие на территории Речи Посполитой в отличие от протестантизма имело длительную историю и традиции. К концу XVI в. его исповедовало подавляющее большинство населения Великого княжества Литовского и земель Короны, расположенных на Украине. В организационном плане православная иерархия после раскола в 1458 г. единой древнерусской митрополии на две — Московскую и Киевскую — подчинялась константинопольскому патриарху.

К концу XVI в. на территории Речи Посполитой насчитывалось 10 православных епископий. Крупными центрами православия наряду с Киевом были Вильно, Полоцк, Львов, Луцк.

Православная церковь не обладала обширными земельными владениями. Однако большие вотчины православных епископов находились на территории Западной Украины. Крупным земельным собственником был Киево-Печерский монастырь. В конце XVI в. ему принадлежал город Васильков с замком, местечко Радомысль с замком, 50 сел, пять селищ, три приселка, пять усадеб, два рыбных ухода, рудокопальня, пасеки ¹⁰. Ежегодно монастырь получал несколько сот пудов медовой дани.

Высшая православная иерархия никогда не имела доступа в сенат. Это ослабляло ее влияние на ход государственных дел. Имеются крайне редкие

свидетельства о ее участии в деятельности органов местного управления.

В конце XVI в. православная церковь переживала глубокий кризис, который выразался в крайнем падении внутрицерковной дисциплины и интеллектуального уровня духовенства.

Таким образом, в 80—90-е гг. XVI в. на общем фоне ослабления королевской власти и усиления децентрализаторских тенденций в Речи Посполитой происходят важные изменения в конфессиональной ситуации. В экономической и политической структуре государства все более укреплялись позиции католической церкви, что привело к усилению движения контрреформации.

¹ См.: O s h m a ñ s k i J. Historia Litwy. Warszawa, 1982. S. 137.

² См.: Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Мн., 1989. С. 497.

³ См.: T a z b i g J. Historia kościoła katolickiego w Polsce. Warszawa, 1969. S. 46.

⁴ См.: Л а п п о И. И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586). СПб., 1901.

⁵ См.: S z a p l i n s k i W. // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. 1969. Т. XIV. S. 9.

⁶ См.: Д м и т р и е в М. В. Православие и реформация. М., 1990. С. 41.

⁷ См.: М а р а ш Я. Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии. Мн., 1971. С. 112.

⁸ См.: К о с м а н М. Historia Białorusi. Wrocław, 1979. S. 134.

⁹ См.: L u l e w i c z H. // Przegląd historyczny. 1977. № 3. S. 427.

¹⁰ См.: С а в и ч А. Нариси з історії культурних рухів на Україні та Білорусі в XVI—XVII стст. Київ, 1929. С. 25.

В. Ф. БЕРКОВ

АРГУМЕНТАЦИЯ И ВОПРОС

Задача данной статьи — рассмотреть малоизученную проблему соотношения аргументации и вопроса в логико-коммуникативном плане. Обоснование необходимости такого рассмотрения будет дано по ходу изложения. Сначала остановимся на понятии аргументации. В последнее время термин «аргументация» становится весьма популярным. Говорят о необходимости более корректной и эффективной аргументации в науке и пропаганде, при ведении дискуссий, выработке убеждений, в юридической, педагогической практике и т. д. И это не случайно. Веской причиной возрастающего интереса к аргументационным процессам является освобождение от субъективизма в самых разнообразных областях нашей жизни.

История учит, что непомерно широкое использование термина грозит опасностью его девальвации, и действенным средством от этой болезни может стать вовремя проведенный логико-методологический анализ. Для аргументации не может быть исключения из общего правила. Дело усугубляется отсутствием единства при истолковании и употреблении данного термина в современной литературе. Поэтому уточним, что следует понимать под аргументацией.

Иногда аргументация отождествляется с доказательством. Ее определяют как логический процесс, в ходе которого истинность какого-то положения выводится из истинности аргументов¹. В других случаях термину «аргументация» придается более широкое значение, и в объем понятия аргументации, наряду с доказательством, включают другие виды обоснования, различая, вследствие этого, доказательственную и недоказательственную аргументацию. Соответственно квалифицируются и ошибки в аргументации. В частности, использование не полностью обоснованного аргумента является ошибкой в доказательстве и не является ошибкой в недоказательственной аргументации, использование же явно ложного аргумента делает ошибочной любую аргументацию, а использование недемонстративного рассуждения может быть ошибкой в доказательстве и допустимым способом рассуждения в недоказательственной аргументации².

Такие рассуждения наводят на мысль о том, что более правомерным было бы отождествление аргументации не с доказательством, а с обоснованием, имея в виду тот факт, что последнее охватывает весьма широкий круг построений не только дедуктивного характера. Их общим свойством является наличие множеств аргументов и тезиса, согласованных между собой таким образом, что первое выступает предпосылкой и опорой (нередко мнимой и ненадежной) второго.

Однако против такого понимания восстает, по крайней мере, одно существенное обстоятельство, выявившееся в ходе развития символической логики, становления и совершенствования логических формализмов. Замечено, что сложные знаковые конструкции, последовательности абстрактных формул, используемые в символической логике в качестве заменителей человеческих рассуждений, могут быть поняты и выполняющими свою коммуникативную функцию лишь для весьма узкого круга специалистов, но в целом же не способны служить эффективным средством «при-

ведения неочевидного к очевидному»³. Они не учитывают специфику функционирования знаний в различных социально-информационных системах, игнорируют суггестивные моменты процесса трансляции мыслей и т. д. Поэтому возникла потребность в выходе за рамки формальных теорий рассуждений, в выделении и построении теории, более конкретной по отношению к науке и практике, приближенной к удовлетворению живого, нерафинированного мышления и общения. Именно таковой стала бурно развивающаяся в настоящее время теория аргументации — коммуникативного процесса, служащего обоснованию точки зрения одного человека с целью ее понимания и (или) принятия другим человеком. Выходя за рамки чисто логических теорий рассуждений, но не отрываясь от них, теория аргументации выступает таким образом составной частью теории коммуникации. И если теперь поставить вопрос о соотношении аргументации и обоснования, то его решение следует искать не на пути отождествления или различения объема этих понятий, а на пути разведения по двум линиям — коммуникативно-языковой и логической: подобно тому как слово фиксирует, выражает и сообщает другому человеку понятие, а предложение — суждение, аргументация является непосредственной действительностью обоснования (доказательства, подтверждения, объяснения, оправдания, интерпретации и т. д.).

Аргументация — лишь некоторый момент коммуникативного процесса, и чтобы действительно знать, что она собой представляет, необходимо рассматривать ее не саму по себе, а в соответствии с диалектико-логическими принципами развития и всесторонности — в органической связи с другими моментами этого процесса. Представляется, что среди многообразия отношений, в которые вступает аргументация как особая логико-языковая структура, на одно из первых мест следует поставить ее связь с вопросом.

В исследованиях по теории аргументации эта связь незаслуженно обходится. Видимо, это не случайно. В рамках господствующей до сих пор пропозициональной логики, на которую методологически сориентировано большинство исследователей в этой области, иной путь является попросту невозможным, ибо здесь для вопроса нет места. Однако возникающая на этой основе теория аргументации теряет нечто весьма существенное, подобно тому как страдает ограниченностью теория мышления вообще, принимая в расчет лишь его утвердительные аспекты.

На заре современного естествознания Ф. Бэкон был, пожалуй, первым, кто предпринял практические шаги, чтобы освободить учение о мышлении от указанного недостатка, хотя вопрос о вопросе как необходимом элементе в структуре развивающегося знания в наиболее явной форме в новое время впервые ставит Р. Декарт. Однако попытки Ф. Бэкона и Р. Декарта не оказали серьезного влияния на генеральную линию развития логики, и лишь в наши дни их идеи приобретают «второе дыхание».

Уместно вспомнить о проекте Р. Коллингвуда, в соответствии с которым на смену пропозициональной должна прийти логика интеррогативная, в которой подлинной «единицей мысли» выступит комплекс вопроса и ответа. «Свод знаний, — писал Р. Коллингвуд, — состоит не из «предложений», «высказываний», «суждений» или других актов утвердительного мышления... и того, что ими утверждается... Знание состоит из всего этого, вместе взятого, и вопросов, на которые оно дает ответы. Логика же, обращающая внимание только на ответы и пренебрегающая вопросами, — ложная логика»⁴.

Мысль Р. Коллингвуда как бы продолжается М. М. Бахтиным, вскрывающим в вопросе-ответном отношении новые грани. Особенно ценной представляется его идея о природе и характере смысла, который, как проципательно замечает М. М. Бахтин, приобретает высказыванием лишь при сопоставлении с некоторым вопросом. «Смыслами, — пишет он, — я называю ответы на вопросы. То, что ни на что не отвечает, лишено для нас смысла»⁵.

Важнейшими категориями интеррогативной логики являются понятия вопроса, ответа и предпосылки вопроса. Вопрос есть обращение, требующее выбора одного или более высказываний из множества, удовлетворяющего условиям, которые сообщаются самим вопросом. Это высказывание (высказывания) называется ответом. Ответ является прямым, если и только если он строится в соответствии со схемой построения вопроса. В противном случае он является косвенным.

Полный ответ допустимо определить как высказывание, из которого следует хотя бы один прямой ответ, а частичный — высказывание, не эквивалентное прямому ответу, но логически вытекающее из него на основе принятых положений. Исчерпывающий ответ определяется тогда как полный истинный ответ. Совокупность прямых, полных и частичных (т. е. прямых и косвенных) ответов образует класс допустимых ответов на вопрос. Недопустимые ответы образуют дополнение к этому классу.

Особую роль играют предпосылки вопроса — совокупность знаний и представлений, на которых вопрос возникает и которые предопределяют его разрешение. Выделяют прежде всего позитивную и негативную предпосылки. Позитивная предпосылка — это высказывание, в котором констатируется, что, по крайней мере, один прямой ответ на вопрос является истинным. Негативная предпосылка констатирует, что, по крайней мере, один из прямых ответов не является истинным. Истинность предпосылок является достаточным условием правильной постановки вопроса. Неистинность предпосылок может привести к неправильной постановке вопроса, который, следовательно, должен быть отвергнут.

Можно выделить также первичные и вторичные предпосылки. Вторичной называется предпосылка, следующая из других предпосылок вопроса (но не наоборот). Первичной называется предпосылка, не являющаяся вторичной. Анализ вторичных предпосылок показывает, что они, сообщая нечто об объективном положении дел, постулируют вместе с тем существование тех или иных объектов и наиболее общие отношения между ними (онтологические допущения).

Теперь перейдем к установлению связи между понятиями интеррогативной логики и логической теории аргументации. В логической теории аргументации основополагающими являются понятия тезиса (положение, которое требуется аргументировать), довода (положение, с помощью которого аргументируется тезис) и демонстрации (логическая связь тезиса с доводами). С коммуникативной точки зрения аргументация невозможна без аргументатора и адресата и представляет собой фрагмент диалога между ними. В этом фрагменте преобладает однонаправленность сообщения — от аргументатора к адресату. При этом первый не просто информирует другого. Он побуждает его понять и, возможно, принять те или иные положения.

Успех аргументатора зависит от многих обстоятельств — не только от внутреннего совершенства аргументации, убежденности аргументатора в истинности своих высказываний. Важнейшее значение имеют установки, предпочтения, мнения, убеждения адресата, совокупность которых можно было бы назвать его коммуникативно-эпистемическим полем. Его игнорирование может обречь на неудачу любую, даже самую безупречную, с точки зрения логики, аргументацию. Поэтому аргументационный процесс не есть пассивное восприятие и усвоение адресатом высказываний аргументатора. Реакция адресата нередко непредсказуема.

В структуре коммуникативно-эпистемического поля адресата центральное место принадлежит вопросам. Если допустить, что коммуникативно-эпистемическое поле представляет некоторую систему, то вопросы есть то, что обеспечивает разомкнутость этой системы, ее обращенность к внешнему миру и контакт с ним. Система самоорганизуется и «живет» в этом мире благодаря своей способности ставить разумные вопросы. В свою очередь, эффективность аргументации всецело зависит от ее способности поставлять ответы на вопросы системы. Аргументация «бьет» мимо цели и теряет смысл, если не отвечает на вопросы системы.

Механизм связи аргументатора и адресата становится более отчетливым, если понятия теории аргументации проинтерпретировать в понятиях интеррогативной логики. Сделать это нетрудно. В самом деле, тезис аргументатора есть не что иное, как прямой ответ на вопрос адресата. Найти подходящий довод для тезиса — это значит дать либо полный, либо частичный ответ на вопрос адресата. Подходящий довод является достаточным тогда и только тогда, когда он есть одновременно исчерпывающий ответ на соответствующий вопрос. С этой точки зрения, такие эристические приемы, как «довод к личности», «довод к публике», «довод к авторитету», сообщая подходящие доводы, не могут обеспечить достаточными аргументами, однако, будучи дизъюнктивно присоединенными к процессу аргументации, усиливают ее убеждающий эффект.

Аргументация невозможна без взаимопонимания между аргументатором и адресатом. Точно так же взаимопонимание требует аргументации. Можно

сказать, что установление взаимопонимания — ее первейшая функция. В исследованиях по теории аргументации эта функция обычно обходится стороной. Обращается внимание прежде всего на то, что в процессе аргументации формируются убеждения. Однако в ряде случаев (например, при разъяснении) аргументация не преследует этой цели.

Чтобы адресат понял аргументатора, достаточно (но не необходимо) тезису и доводам быть допустимыми ответами на вопрос адресата. Следовательно, если адресат не понимает аргументатора, то таковыми тезис и доводы не являются. При этом не имеет значения истинность тезиса и доводов, как и правильность предшествующих аргументации вопросов. Важно, чтобы между высказываниями аргументатора и предпосылками вопроса адресата была необходимая связь, в частности, чтобы из прямого ответа, или тезиса, логически следовала позитивная, а из его отрицания, или антитезиса, — негативная предпосылка вопроса, либо высказывания аргументатора противоречили предпосылкам вопроса.

Если адресат не в состоянии понять высказывания аргументатора, то он не может также и принять их, хотя не все понятое принимается. Принятие понятого во многом зависит от того, в какой мере оно подтверждается доводами, которые приняты за истинные. При этом решающая роль принадлежит нормам принятия, которые, как правило, различны в различных социокультурных условиях.

В научных сообществах, например, высказывание, несущее новое знание, принимается, если оно логически вытекает из высказываний, уже принятых за истинные, при условии, однако, что оно прямо или косвенно включается в коммуникативно-эпистемическое поле сообщества. Если же данное условие не выполняется, то имеет место сопротивление сообщества новой идее, даже если она хорошо аргументирована объективными данными. При этом исключительно важная роль принадлежит вторичным предпосылкам вопросов, аккумулирующим в себе знания и представления мировоззренческого, ценностного, методологического характера.

Вопрос с верной предпосылкой не может оказать отрицательного влияния на достижение истины при аргументации, за исключением, быть может, случаев, когда его содержание догматизируется, а значение (роль) абсолютизируется. Напротив, он способствует движению от знания ограниченного, неопределенного, приблизительного к более глубокому, точному, всеобщему. Вместе с тем вопрос с ложной предпосылкой не ведет автоматически к заблуждению, хотя и может направить процесс аргументации по ложному пути. Известно немало случаев, когда объективно истинные результаты были получены при ложных мировоззренческих установках, консервативных общественных идеалах и т. д. Такого рода факты пока не нашли обстоятельного анализа и достаточно убедительного объяснения в философско-методологической литературе.

Примечательным свойством отличаются открытые вопросы, которые обладают неоднозначным смыслом, не связывают отвечающего строгими рамками и позволяют давать ответы в свободной форме. Отсутствие точности, однозначности при формулировке таких вопросов, «размытость» их границ позволяют аргументатору варьировать тезисы в соответствии со своими желаниями и возможностями, вовлекать в сферу аргументации новые объекты, перенося смыслы с одной логической нити на другую, полностью или частично замещая элементы одного структурного образа элементами другого. Это означает, что происходит метафоризация аргументации — процесс, без которого вряд ли возможно творчество в науке, технике, литературе и т. д. Во всяком случае, открытые вопросы предоставляют человеческой фантазии больший простор, чем закрытые.

Итак, вопрос направляет аргументационный процесс, ставит его в определенные рамки, в общем плане предопределяет содержание аргументации, придает ей смысл. Аргументация служит обоснованию положений, являющихся прямыми ответами на некоторый вопрос, с целью их понимания и (или) принятия вопрошающим. Рассмотрение вопроса и аргументации как единого комплекса открывает перспективы для создания теории, более адекватной логико-коммуникативным процессам, чем это возможно в рамках традиционных подходов.

¹ См.: Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 49, 159.

² См.: Войшвилло Е. К., Ивлев Ю. В. // Вопросы философии: Межвуз. сб.

науч. трудов. Вып. 6—7. Ереван, 1988. С. 202.

³ Брутян Г. А. Аргументация. Ереван, 1984. С. 9.

⁴ Коллингвуд Р. Идея истории: Автобиография. М., 1980. С. 339.

⁵ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 350.

Т. І. ГЛУШАКОВА

БЕЛАРУСКАЕ НАЦЫЯНАЛЬНАЕ АДРАДЖЭННЕ XVI СТ. ЯК ФАКТАР КУЛЬТУРНАГА ПЛЮРАЛІЗМУ І ТАЛЕРАНТНАСЦІ

Трагедыі і тупікі сучаснай цывілізацыі падводзяць нас да неабходнасці асэнсавання праблем дыялогу і суіснавання розных культур. Менавіта канец стагоддзя можа даць сучаснаму чалавеку рэдкаю магчымасць — жы-вучы на сутыкненні эпох, паспрабаваць утварыць нейкую адзіную культурную прастору, у якой, у складаных дыялагічных адносінах адзін з другім, феномены культуры набудуць новы сэнс, магчымасць даваць адказы на пытанні і сумненні хворага чалавецтва. Наш зварот да «пошукаў у культуры» і тыя надзеі, якія звязваюцца з гэтым шляхам, павінны пачынацца з распрацовак праблем нацыянальнай культуры ў кантэксце яе сустрэч і ўзаемадзеяння з іншымі культурамі.

Філасофскае асэнсаванне праблем кантактаў культуры можна знайсці ўжо ў кнізе Быцця, дзе распавядаецца гісторыя Вавілонскай вежы¹. Бог, пакараўшы людзей, не адказаў ім у сваёй дапамозе. Ён проста даў ім другую перспектыву. Ступіўшы на цяжкі шлях расейвання і дыферэнцыяцыі былога культурна-моўнага адзінства, замкнуўшыся на сваёй мове і сваёй культуры, людзі павінны былі зразумець і палюбіць гэтае «сваё», убачыць у гэтым «сваім», як у люстэрку, акружаючы іх свет, саміх сябе і, нарэшце, «другіх», адметных ад іх па мове і па культуры людзей. «Галоўны ўрок біблейскай гісторыі Вавілонскай вежы патрэбна бачыць у выбары культурна-моўнага плюралізму як новага шляху чалавека, у вылучэнні ідэі ўтварэння новага адзінства (ужо не прыродна-эмпірычнага) у разнастайнасці, новага брацтва людзей. І на гэтым шляху самым галоўным стала, помнячы аб «сваім», знаючы яго і прадаўжаючы паглыбляць гэтыя веды і тварыць новыя духоўныя каштоўнасці, зразумець «другога», аданіць яго, навучыцца жыць разам, абменьвацца «сваім» і «чужым», звязаць тое і другое арганічна і натуральна»². Няцяжка зразумець, што першапачатковае сутыкненне, сустрэча дзвюх, ці болей культур і моў, заўсёды ў гісторыі чалавецтва былі вельмі неперадказальнымі і выніковымі. Больш таго, такія сустрэчы заўсёды былі правакаю на чалавечнасць. На жаль, гісторыя ведае нямала сумных прыкладаў, калі прадстаўнікі адной культуры знішчалі носьбітаў другой, не даючы ім выказаць сваю правату, магчымасці ўглядзецца адзін у другога, устанавіць кантакт і паспрабаваць зразумець другі бок.

Парадоксаў у лёсе нашай нацыянальнай культуры было шмат. Найглыбейшы з іх заключаўся ў тым, што Беларусь адна з першых сярод іншых славянскіх народаў памкнулася да свайго нацыянальнага самавызначэння і амаль што апошняй, з вялікімі цяжкасцямі, спрабуе гэты працэс давесці да лагічнага завяршэння. У гэтай супярэчліvasці нацыянальна-культурнага лёсу нашай Беларусі ёсць багата старонак з найяскравейшымі прыкладамі натуральнага эксперыменту сустрэч двух тыпаў культур, які здзейсніўся гісторыяй і з якога вынікае шмат павучальных урокаў, не толькі дзеля саміх удзельнікаў гэтага грандыёзнага эксперыменту і іх нашчадкаў, але і дзеля ўсяго чалавецтва.

Нягледзячы на тое, што XVI ст. у жыцці краіны было вельмі складаным перыядам, у той жа час ён быў адным з найбольш цікавых і важных. Гэта быў той час, калі народ Беларусі актыўна і вынікова пачынае далучацца да агульнаеўрапейскага жыцця і асабліва да яго духоўнай культуры.

Сваеасабліvasць культуры эпохі Адраджэння на Беларусі была абумоўлена цэлым шэрагам фактараў. І не ў апошнюю чаргу тымі абставінамі, што беларускі рэгіён на працягу стагоддзяў падвяргаўся ўздзеянню з боку магутнейшых і, у дадатак, палярных культур: з Усходу — грэка-візантыйскаму ўплыву (ці праваслаў'ю), а з Захаду — уплыву культурна-рэлігійных фармацый, узгадаваных пад знакам каталіцызму. Насельніцтва

Беларусі не зрабілася народам Усходу, але і не прыняло цалкам культуры Заходняй Еўропы. Шматвекавое ваганне паміж дзвюма культурамі, нарэшце, у XVI ст. прывяло да стварэння свайго, адметнага, асаблівага тыпу культуры.

XVI ст. — гэта час, калі працэсы этнагенезу беларусаў выйшлі на прамы шлях да свайго лагічнага завяршэння. І менавіта на гэты перыяд прыходзяцца першыя, і ў нечым непераўзыйдзеныя ў пазнейшых эпохах, варшыні ўзлёту самасвядомасці беларускай нацыі. Чым жа тлумачыцца такія высокі інтэлектуальныя ўзлёты беларускай самасвядомасці, якія абумовіў дзейнасць Францыска Скарыны і які адлюстраваны ў ёй? На наш погляд, пасылкамі тут могуць выступаць наступныя меркаванні. Па-першае, перадумовы такіх дасягненняў заключаліся ў шырокай магчымасці міжэтнічных культурных кантактаў. Па-другое, многанацыянальны характар Вялікага княства Літоўскага, утвараючы спрыяльныя ўмовы для засваення іншаэтнічнага культурнага вопыту, стымуляваў неабходнасць абароны і адстойвання айчынай этнакультурнай традыцыі. І ў такіх выпадках уступалі ў моц два кампаненты этнічнай самасвядомасці: этнічная ідэнтыфікацыя (самааднясенне) і этнічны менталітэт (самасцвярджэнне). Эпоха Скарыны даследчыкамі (М. Багдановіч, Л. Гмырак, М. Шчакаціхін і інш.) яшчэ ў 20-я гады нашага стагоддзя была абазначана як эпоха гуманістычнага Адраджэння. Нядоўгі перыяд зацікаўленасці і распрацовак праблем айчынай культуры, які выпаў на 20-я гады, быў спынены далейшай логікай развіцця працэсаў у нашай рэспубліцы ў 30—40-я гады. Фізічнае знішчэнне кадраў нацыянальнай культуры натуральна перарвала гэты працэс, але знішчыўшы носьбітаў ідэй, сістэма не змагла знішчыць самі гэтыя ідэі, далейшая распрацоўка якіх прадоўжылася, пачынаючы з 60-х гадоў. Распрацоўкі беларускіх навукоўцаў у розных галінах ведаў (філалогія, філасофія, мастацтва і г. д.) сёння ўжо беспспрэчна сведчыць, што беларуская культура XVI — першай паловы XVII ст. мела пэўны набор светапоглядных і стылістычных характарыстык, тыпалагічных для гуманістычнага Адраджэння, альбо Рэнесансу. Гэта і станаўленне свецкіх мастацтваў, гуманітарнай навукі, літаратуры, нацыянальнай самасвядомасці, адкрыццё кнігадрукавання, гуманістычнай філасофіі. Беларускі філосаф Уладзімір Конан лічыць, што вывучаючы спецыфіку айчынага Адраджэння, трэба размяжоўваць тэрміналагічна супадаючыя паняцці: Адраджэнне як эпоха ў развіцці культуры еўрапейскага рэгіёну ў пераходны перыяд ад Сярэднявечча да Новага часу і нацыянальнае Адраджэнне як заканамернасць у гістарычным развіцці народаў і пэўных рэгіёнаў, якая выяўляецца ў паскораным руху эканамічных, сацыяльна-палітычных і культурных працэсаў да больш высокіх форм грамадскага быцця і нацыянальнай свядомасці пасля працяглых перыядаў застою або ўпадку³. Адраджэнне ў значэнні культурна-гістарычнай эпохі было характэрна пераважна для краін Заходняй Еўропы, дзе ў развіцці пераважалі плаўнасць і паступальнасць. Для краін Усходу, і гэта асабліва адносіцца да нашага рэгіёну, Беларусі, дзе гістарычныя працэсы на працягу доўгага часу характарызаваліся катастрофічнасцю і нават перапыннасцю развіцця (у сілу мноства самых разнастайных прычын), было характэрна нацыянальнае Адраджэнне, якое гуманістычнае Адраджэнне ўключала як свой першы этап⁴.

І сапраўды, прыгледзеўшыся да гістарычнага развіцця нацыянальнай культуры, можна заўважыць шэраг асаблівасцей, якія вылучаюць наш рэгіён у параўнанні не толькі з Захадам, але і з Усходам. Глыбінныя прычыны адметнасці працэсаў, характэрных для беларуска-украінскага рэгіёну, пачалі асэнсоўваць зусім нядаўна, але ўжо і зараз ёсць цікавыя згадкі. Адна з гіпотэз належыць украінскаму навукоўцу Г. Н. Вінаградаву, які ў сваім тлумачэнні гістарычных працэсаў, праходзячых у сярэднія вякі на нашай тэрыторыі, арыентуецца на тэорыю пасіянарнага штуршка Л. Гумілёва. Па Гумілёву, вось пасіянарнага штуршка прайшла з Поўначы на Поўдзень: ад Літвы да Эфіопіі. Вінаградаў лічыць, што літаральнае супадзенне востра пасіянарнага штуршка з мяжой культурных зон, якая прайшла па цэнтру ўкраінскіх і беларускіх зямель, падзяліўшы (у культурным сэнсе) тэрыторыю на Запад і Усход, і дало пачатак такім неадназначным і унікальным працэсам у рэгіёне⁵. Развіваючы думку Г. Вінаградава аб геаграфічным супадзенні востра пасіянарнага штуршка з культурна-мяжой на нашай тэрыторыі, можна выказаць меркаванне, што менавіта гэты фактар стаўся асноўным падмуркам тых нацыянальна-адраджэнскіх з'яў, якія раз-пораз узніклі ў айчынай гісторыі, пакуль ў поўную моц не заявілі аб

сабе ў пачатку XVI ст. Першыя адраджэнскія прыкметы мы знойдзем ужо ў XI—XII ст., калі звернемся да дзіўных постацей першай асветніцы краю Ефрасіні Полацкай і Кірылы Тураўскага. Сапраўдны росквіт Полацкага і Турава-Пінскага княстваў, высокія праявы розных відаў мастацтва, імкненне да тыражавання ведаў, асветніцтва і амаль што неверагодная для гэтага часу рэнесансная папана да асобы творцы — гавораць у карысць нашай думкі. Як піша У. Конан, «гэта быў тып раннехрысціянскага Адраджэння, народжанага сутыкненнем і сінтэзам стыхійных творчых парываў маладога, яшчэ нядаўна язычніцкага этнасу, візантыйскага элінізму і хрысціянскага духоўнага падзвіжніцтва»⁶. Гэты перыяд, а таксама больш пазнейшы, XIII—XV стст., найменш даследаваны і асэнсаваны ў культуралагічным плане пытанні гісторыі сярэднявечнай Беларусі. А цікавыя яны тым, што менавіта ў гэтыя часы ў рэгіёне пачынаюцца ўнікальныя, не маючыя аналагаў у гісторыі Еўропы, працэсы ў культурнай, рэлігійнай, этнічнай сферах. Можа, таму вельмі часта традыцыйныя метады і прыёмы, распрацаваныя ў навуцы на фундаменце вывучэння еўрапейскай і вяліка-рускай гісторыі, тут не працуюць. Другі этап адраджэнскіх працэсаў прыпадае на XIII—XV стст. Менавіта ў гэтым гістарычным адрэку завяршылася станаўленне беларускай народнасці, старабеларускай мовы, этнічных, стыхійна-народных форм культуры. «Адбылася як быццам бы вяртанне яе да першапачатковай прастаты, аднак не ў выглядзе рэгрэсіўнага, «зваротнага» руху. Гэта быў складаны сінтэз — з далучэннем да славяна-візантыйскіх традыцый, новых для гэтага рэгіёну еўрапейскіх творчых імпульсаў»⁷.

Гэтыя думкі Уладзіміра Конана хацелася б развіць далей. На наш погляд, адраджэнчакія працэсы ў вялікай меры «правацыраваліся» рэлігійнай думкай, уздзеяннем мноства рэлігійных ідэй, цыркуляваўшых на гэтай тэрыторыі. Глыбокае ўспрыманне рэлігійнай хрысціянскай традыцыі (а гэта была галіна грэка-візантыйскага хрысціянства), якая прыйшла звонку ў X ст. выключна інтэнсіўна стымулявала культуратворчасць народа-рэцыпіента (у дадзеным выпадку народаў, якія насялялі тэрыторыю Беларусі). Тагачаснае беларускае грамадства яшчэ не мела выпрацаванай асабістай культурнай традыцыі (маецца на ўвазе — хрысціянскай традыцыі), таму прыняцце хрысціянства выявіла і ўскалыхнула сілы, якія былі да таго ў спакоі. Ефрасінеўскае Адраджэнне — найяскравейшы таму прыклад. XIII—XV стст. — час актыўнага пранікнення на Беларусь другой хрысціянскай плыні — каталіцызму. Вынікі ўздзеяння апошняга былі трохі іншымі, бо ў гэтым выпадку за плячыма беларусаў было ўжо багатае духоўнае жыццё. Успрыманне новай рэлігійнай традыцыі прывяло да абнаўлення культурнага жыцця, вяртання да «першапачатковай прастаты», як піша Конан, але ўжо на іншых, больш глыбокіх асновах.

Сучасныя пошукі цывілізацыйным чалавецтвам адзінства, цэласнасці, у тым ліку і ў сферы рэлігійнай, якія толькі пачынаюць акрэслівацца, маюць, на наш погляд, некаторыя непасрэдныя аналогіі ў далёкім мінулым нашай Бацькаўшчыны. XVI—XVIII стст. для Беларусі і народаў, якія яе насялялі — гэта час каласальных рэлігійных узрушэнняў і перажыванняў, час пошукаў свайго нацыянальнага і рэлігійнага «я», гэта значыць, свайго «асаблівага», і ў той жа час — гэта дзіўная цяга і пошукі шляху да аднасці, да кампрамісаў і цяпімасці. Дыялог культур, які завязаўся праз суіснаванне і ўзаемадзеянне самых розных рэлігій на тэрыторыі Вялікага княства Літоўскага, які расцягнуўся на многія стагоддзі, нарадзіў такі ўнікальны і найцікавейшы феномен, як талерантнасць. Менавіта талерантнасці, што сталася важным элементам дзяржаўнай палітыкі і арганічна ўвайшла ў структуру менталітэту народаў, якія традыцыйна жылі ў гэтым рэгіёне, накіравана было даць пачатак працэсам нацыянальнага Адраджэння ў пачатку XVI ст.

¹ Біблія. II, 1—9.

² Топоров В. И. // Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1989. Вып. 4. С. 10.

³ Культура народов ВКЛ и Белоруссия XIII — начала XX века: Тез. межд. науч. конф. Гродно, 1991. 22—24 октября. С. 293.

⁴ Там жа. С. 294.

⁵ Там жа. С. 227.

⁶ Там жа. С. 295.

⁷ Там жа.

РЕМИНИСЦЕНЦИИ АРИСТОТЕЛЯ
В БЕЛОРУССКОЙ ЭТИКЕ XVII В.

В развитии этической мысли Белоруссии XVII век занимает особое место. Это эпоха, в которую наиболее отчетливо проявились тенденции, раскрывающие сопричастность белорусской этики достижениям мировой духовной культуры. Влияние западноевропейского аристотелизма позволило теории морали сохранить статус академической дисциплины, беспристрастной и политически нейтральной.

Попытаемся обосновать последний тезис, обратившись к сочинениям Л. Залусского и Т. Билевича, которые являются авторами двух философско-пропедевтических трактатов, вполне достоверно воспроизводящих общую картину дидактической «перипатетики». Это наиболее характерные примеры такого рода; кроме того, многочисленные реминисценции Стагирита встречаются в трудах Ф. Скорины, С. Будного, С. Копутского, Л. Сапеги, Л. Зизания, Яна Намысловского, А. Волана, М. Смотрицкого и др. мыслителей¹. В данном случае выбор осуществляется по признаку наибольшей репрезентативности и типичности.

Как известно, корпус нравственно-политических сочинений представлен у Аристотеля «Никомаховой», «Большой» и «Эвдемовой этикой», а также «Политикой». Именно на них чаще всего ссылаются минчанин по рождению Лука Залусский (1604—1676) в своей работе «Общая философия...», прибавляя к ним две книги «Экономики», авторство которых достоверно не установлено. Последовательность формирования этики как науки раскрыта автором уже во введении: нравственную проблематику впервые затронул «божественный» Сократ, Платон продолжил исследования, Аристотель завершил построение системы. В качестве первоисточников предлагаются диалоги Платона (в первую очередь «Менон»), его «Законы» и «Государство», а также все перечисленные выше произведения Стагирита. На основе этих образцов строится дальнейшее изложение.

Аристотель, оперировавший методом дедуктивного выведения, начинал рассмотрение структуры нравственных отношений с наиболее общих категорий: «благо», «счастье», «добро и зло», «смысл жизни». Их анализу посвящена первая книга «Никомаховой этики», где делается попытка дефиниции и классификации понятий, а также раскрываются некоторые вопросы психологии² (в частности, структура духовной деятельности, взаимодействие нравственного начала с психическими аффектами и т. п.). Об этом же говорится во втором и третьем разделах первой книги «Большой этики». Вторая книга «Никомаховой этики» рассматривает более частное понятие «добродетели», определяемой как «...некое обладание серединой»³, после чего следует перечисление ее конкретных видов, иллюстрируемое обыденными примерами. Третья книга касается мужества и благородия, четвертая — щедрости, величавости, справедливости, любезности; пятая — правосудности. Шестая книга производит операцию деления (в формальной логике непосредственно следующую за дефиницией понятия): из добродетелей «...одни относятся к нраву, а другие к мысли»⁴. Седьмая книга обращается к негативным аспектам морального (пороки), девятая и десятая — выносят на отдельное рассмотрение «дружеское общение» и «принцип удовольствия». Такова структура рассуждений древнегреческого философа, при этом парадигма, разработанная в «Никомаховой этике», полностью экстраполируется на другие, аналогичные сочинения. Эти же образцы используются и большинством уже названных белорусских авторов.

Л. Залусский за отправную точку рассуждений принимает категорию «счастья», вполне в духе античного эвдемонизма. Пытаясь дать его определение, в качестве родового признака он называет «благо». Суть последнего раскрывается цитатой из Стагирита: «...истинное его описание дает нам Философ в гл. 1, кн. 1 Этики. ...Благо — это то, к чему все стремятся»⁵. Кроме того, счастье, являясь высшим благом, составляет также цель жизни (полагаемую хотя бы атрибутивно, чаще же — субстанциально).

Вслед за дефиницией следует логическая операция деления, причем обнаруживаются черты сходства у Аристотеля и Платона: и перипатетики, и академики подразделяют блага на три большие группы. Одни из них отно-

сятся к духовной сфере (мудрость, благоразумие, научные дарования, искренности в искусствах). Другие включают телесные свойства — здоровье, красота, физическая сила. Наконец, третьи считаются внешними, привнесенными. Таковы — обладание властью, богатством, славой, добрым именем (они являются необходимым условием счастливой жизни, хотя не относятся ни к душе, ни к телу). Попутно исследователь рассматривает более ригористичную точку зрения философов-стоиков, которая исключает внешние и телесные блага, а считает, что человеку для счастья вполне достаточно духовного совершенства, т. е. обладания добродетелью. Таким образом, белорусского мыслителя нельзя обвинить в «механическом» воспроизведении аристотелевских трактовок. Он излагает всю совокупность существующих суждений, сопоставляет их, предлагая избрать лучшие, хотя сам, безусловно, склоняется к принятию мнения Стагирита.

Вообще, плюрализм оценок характерен для белорусской этики рассматриваемого периода. Так, анализируя психические аффекты, тот же автор, наряду с учением перипатетиков о природном происхождении страстей (к которому впоследствии склонялся и Цицерон), приводит также мнение Зенона, основателя Стои, утверждавшего, что страсти приобретаются душой подобно болезням и, аналогично, нуждаются в правильном «лечении», являясь, по сути, отклонением от природы. «Согласно стоикам, лишиться аффектов вполне возможно. Согласно перипатетикам — и трудно, и невозможно. Этому же... соответствует и авторитет Священного писания. ...Пороки тогда возникают, когда мы используем аффекты во зло, а добродетели — когда во благо. ...; без аффектов всякое действие и сила вянет, и мощь души слабеет»⁶. Опровергается, с позиций здравого смысла, утверждение Хрисипса, локализовавшего страсти в структурах мышления. Делается ссылка на христианского апологета Иеронима, упоминаются имена Сократа и других философов. Таким образом, конечный вывод о «физической» данности аффектов и возможности посредством рациональной регуляции использовать их во благо (разум — то, что отличает человека от животных и ведет к добродетели) — в целом адекватный психологической концепции Аристотеля — осуществляется на основании критического сопоставления многих источников.

В следующих разделах «Общей философии...» происходит дальнейшая конкретизация этических категорий (аутентично «Никомаховой Этике»), дается определение добродетели как таковой и рассматриваются ее частные случаи. «Добродетель — это некая середина, придерживаясь которой, ты вернее всего достигнешь счастья»⁷. Показательно, что, различая интеллектуальные и моральные добродетели (в соответствии с типологией, предложенной античным философом), белорусский автор не упоминает монашеских и теологических добродетелей, введенных Фомой Аквинским в дополнение к указанной схеме. Это свидетельствует о значительно меньшем, чем принято думать, влиянии схоластической учености на этическую мысль Белоруссии.

Теория Л. Залусского, которая, учитывая всю совокупность существовавших подходов, опирается все же на положения аристотелизма, не является чем-то уникальным. Еще один аналогичный образец — магистерская диссертация Теодора Билевича «Философия рациональная, натуральная и моральная в трех частях», написанная под научным руководством профессора Виленской Академии И. Садковского и опубликованная в 1675 г.

В этом сочинении синтезируются общепринятые взгляды на сущность, происхождение и структуру нравственных отношений. Рассматриваются они в единстве с другими философскими вопросами. Впрочем, среди всех разделов философского знания науке о морали отдается явное предпочтение, поскольку она непосредственно ведет человека к счастливой жизни, в то время как метафизика, логика и другие дисциплины делают это только косвенно, формируя отношения субъекта с миром вещей, помогая ему практически овладеть их многообразием, целенаправленно извлекать их полезность.

В начале изложения выдвигается проблема определения счастья как феномена духовной жизни, причем отбрасываются, ввиду их явной ограниченности, дефиниции, отождествляющие это понятие с богатством (Аристид), популярностью (Симонид), славой, наступающей после смерти (Антисфен), наслаждением («нечестивый» Эпикур) и пр. Все перечисленные качества преходящи, счастье же — это устойчивое естественное благо высшего порядка. «...Аристотель полагает его... в деятельности, согласованной

с разумом, или не без разума, сообразно с добродетелью в совершенной жизни...»⁸. Итак, счастье, в конечном счете, состоит в обладании добродетелью в полном соответствии с эвдемонистической концепцией Стагирита. В свою очередь, поскольку внутренними основаниями поступков являются интеллект и свободная воля, то классификация добродетелей адекватна этим двум составляющим.

Касаясь проблемы соотношения чувственно-эмоционального и рационально-волевого компонентов в структуре добродетели, Билевич опровергает утверждение стоицизма о необходимости избегать аффектов остроумной ссылкой на множество примеров из жизни и деятельности самих представителей этого направления. Стоики страстно спорят с перипатетиками, отстаивая принцип «бесстрастной» апатии, — и все же не перестают считаться мудрецами. Аффекты могут вести не только к пороку, но и к добродетели: все зависит от разумного выбора и правильного волевого усилия. Добродетель, как и порок, не создана природой, но избирается человеческим суждением; страсти же даны от рождения и должны контролироваться и управляться рассудком.

По отношению к сущности добродетель занимает середину, пороки же уклоняются в крайнее положение. Так, в частности, щедрость располагается между жадностью и расточительностью. В этом утверждении также с очевидностью ощущается влияние Аристотеля, однако белорусский философ пытается развить мысль античного автора, разрабатывая ряд прикладных рекомендаций. Пороков вдвое больше, чем добродетелей, однако, будучи отклонением от меры, они плохо согласуются между собой. Нельзя быть одновременно скардным и расточительным, можно только сочетать какой-либо из этих пороков на том или ином новом уровне (к примеру, — с трусостью, безрассудством, гневом и т. п.). Поэтому, если под руководством интеллекта дополнить расточительность разумно иницируемой жадностью, то в таком случае две крайности взаимно поглотятся, в результате чего будет достигнута «золотая середина» — благородная щедрость, т. е. добродетель. Итак, следует рационально противопоставлять пороки одного порядка, чтобы легче было приблизиться к умеренности, овладеть оптимальным сочетанием качеств.

Из сказанного очевидно, насколько сильно белорусская этическая пропедевтика XVII в., вся философия морали как академическая дисциплина проникнуты духом аристотелизма, хотя и полностью сохраняют при этом толерантность суждений, научную беспристрастность и социально-политическую индифферентность. В настоящее время, когда предпринимаются попытки возродить национальное самосознание и провести деидеологизацию общественных наук, немаловажно рассматривать их генезис и специфику объективно, избегая пристрастной модернизации.

¹ См.: Чернышева Л. А. // Исторические традиции философской культуры народов СССР и современность. Киев, 1983. С. 206 и далее; Падохын С. А. // Францыск Скарына і яго час: Энцыклапед. даведнік. Мн., 1988.

² См.: Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 53 и далее.

³ Там же. С. 86.

⁴ Там же. С. 172.

⁵ Памятники философской мысли Белоруссии XVII — первой половины XVIII века. Мн., 1991. С. 94.

⁶ Там же. С. 97.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 156.

А. И. БОБКО

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ

В переломные эпохи, когда речь идет об интенсивном поиске наиболее эффективных путей общественного развития, особое значение приобретает вопрос о стратегии этого поиска. Философия всегда активно участвовала в ее разработке, неосуществимой без привлечения колоссального мировоззренческого и методологического потенциала философского знания. В осо-

бой мере это относится к диалектической идейной традиции и, прежде всего, к диалектике Гегеля и ее сердцевине — концепции противоречия. Гегелевская методология особенно значима, когда на повестке дня стоят задачи синтетического характера. У нас сегодня много говорится о необходимости синтеза всего лучшего, что было накоплено человечеством в его многовековой истории. Рождающаяся эпоха претендует на то, чтобы быть синтетичной, созидательной эпохой. Идеи Гегеля и, главным образом, принцип синтеза противоположных начал удивительно созвучны ей.

Как и любое неординарное, выдающееся явление духовной жизни, гегелевская философия очень часто оказывалась в центре горячих научных споров, всегда находила восторженных почитателей и непримиримых противников. Счастливая, богатая событиями судьба была уготована одному из стержневых ее моментов — концепции противоречия. И сегодня отнюдь не все в ней имеет однозначную интерпретацию и оценку, что указывает на необходимость ее дальнейшего тщательного изучения.

В предлагаемой статье рассматриваются два чрезвычайно важных аспекта этой концепции: во-первых, разработка мыслителем наиболее эффективных способов описания противоречивого процесса и, во-вторых, особенности гегелевской интерпретации принципа синтеза противоположных начал.

Через все творчество Гегеля проходит убежденность во всеобщности и фундаментальной значимости противоречия. («...Антиномия содержит... во всех предметах всякого рода, во всех представлениях, понятиях и идеях»¹.) Проявляется это и на самом общем уровне гегелевских рассуждений, когда речь идет о существеннейших вещах, детерминирующих структуру и характер его философии. Здесь реализуются все основные особенности теории противоречия и выявляются все основные проблемы, связанные с ней.

Исходная точка гегелевского философствования — вычленение двух фундаментальных типов реальности: идеально-духовного и природного. Мир раздвоен в себе, и эта существенная дихотомия, как показывает философ, являет собой основание его процессуальности, подвижности, жизненности. («Противоречие — вот что на деле движет миром...»².) Фундаментальная мировая противоположность разрешается в мировой процесс.

Осознав процессуальный характер отношения противоположных начал, Гегель встал перед проблемой его исследования и описания. В итоге он разработал два основных типа описания противоречия, и оба они используются при изложении диалектики идеально-духовного и природного. Во-первых, это знаменитая гегелевская триада. Рассмотрим, как она «работает» в высшей сфере философствования Гегеля. На ступени тезиса идеально-духовное выступает еще только как непосредственное, как содержащее опосредствование в форме возможности: речь идет об идее. На ступени антитезиса опосредствование реализуется, возникает природа как другое идеи. Но опосредствованное, как и непосредственное, носит односторонний характер и не соответствует существу идеально-духовного. На ступени синтеза эти односторонности снимаются, мы приходим к непосредственности, содержащей опосредствование в снятом виде и обогащенной им. Это значит, что идея представлена здесь в адекватной богатству своего содержания форме — в форме духа, снимающего в себе природу.

Триадическая схема анализа и описания противоречия широко распространена в творчестве Гегеля. Она образует основную форму движения его мышления и изложения его результатов. В этой связи философа не раз упрекали в схематизме, в насильственной подгонке действительности под надуманные теоретические конструкции. Такие упреки в принципе несправедливы, поскольку методология Гегеля направлена на ту сферу реальности, на тот срез отношения человека к миру, где правит противоположность, выливающаяся в развитие. Триадическая схема, по мнению Гегеля, в данном случае наиболее эффективна. Она позволяет мыслителю отыскать точку максимального соответствия онтологического и гносеологического аспектов проблемы. В логическом движении в форме триады отображается характер развития действительного противоречия; путь познания отношения противоположных начал, по существу, совпадает с процессом их движения. Следует отметить максимальную экономичность гегелевского мышления: рассмотрение каждой из противоположностей знаменует собой анализ одной из ступеней развития противоречия. А на уровне синтезисной категории достигается его целостный образ и его разрешение.

Второй способ описания противоречия, активно и эффективно применяемый Гегелем, — это представление его в форме умозаключения. Противоположности противопоставлены здесь и друг другу, и моменту их единства, который выступает как центр, как середина, сочетающая в себе крайности и в то же время отталкивающая их от себя. Этот тип изображения противоречия встречается довольно часто в «Лекциях по эстетике» Гегеля. Дело в том, что философ относит эстетическое к высшим сферам духа, в которых достигается опосредствование и примирение между идеей и природой. (Дух «порождает из самого себя произведения искусства как первое посредствующее звено, примиряющее явления только внешние, чувственные, переходящие с чистой мыслью, природу и конечную действительность с бесконечной свободой постигающего мышления»³.) На наиболее высоких уровнях познания и познаваемой реальности данная форма описания отношения противоположностей усложняется и выступает как система трех умозаключений.

Итак, у Гегеля имеются два фундаментальных типа исследования и описания противоречия. Закономерен вопрос о их соотношении. На основании анализа произведений философа можно сделать вывод о том, что второй способ трактуется им как более высокий. Он дает возможность отобразить идеальное единство понятия во взаимосвязи с его саморазличением в себе, понятие в единстве с его реальностью и носит, таким образом, итоговый характер. В особой степени это относится к изображению отношения противоположных начал в системе трех умозаключений, которая позволяет выявить все богатство опосредствований, взаимосвязей и взаимовлияний противоположностей. Здесь достигается целостный образ противоречия, соответствующий наиболее высокому уровню его саморазвития, при котором действительность выступает как «совершенное раздвоение на три части»⁴. Каждый из моментов «совершенного раздвоения» выступает в определенном отношении как его центр, как связующее звено, и потому необходима система умозаключений, чтобы адекватно изобразить его.

При всех различиях двух парадигм исследования противоречия у Гегеля обе они обладают общей существенной характеристикой: их результатом является конкретное, подвижное единство противоположных начал. Поскольку речь идет об одном из основополагающих аспектов творчества мыслителя, необходимо обратиться к его специальному анализу.

Академик А. Б. Мигдал высказал однажды следующую мысль: «Слова Гегеля о единстве и борьбе противоположностей, как и всякое слишком общее суждение, от частого употребления сделались тривиальными. Боровская идея дополнительности дает мысли Гегеля новое воплощение»⁵. Примечательна здесь констатация взаимосвязи между принципом дополнительности Бора и гегелевской диалектикой. Но никак нельзя согласиться с утверждением, что идея единства и борьбы противоположностей осталась в философии великого немецкого мыслителя на уровне «слишком общего суждения». Невозможность такого положения дел вытекает из существа самой концепции философского знания Гегеля, из самого принципа единства противоположных начал, не позволяющего отрывать общее от особенного. Идея единства и борьбы противоположностей развивается у Гегеля в диалектическую концепцию противоречия, изумительную по красоте и стройности, по глубине и богатству содержания, реализующуюся и конкретизирующуюся во всех областях исследований философа. В ней содержится, кстати, и положение о взаимодополняющем характере противоположностей. Так, в «Философии духа» Гегель указывает, что «теоретический и практический дух взаимно восполняют друг друга...»⁶. Отметим, что дополнительность в гегелевской концепции противоречия выявляется как одна из характеристик отношения противоположных начал. Она выступает наряду с единством и борьбой, взаимоположением и взаимоисключением, непосредственностью и опосредствованием и т. д.

Одним из центральных моментов данной концепции является идея синтетично-процессуального разрешения противоречия. Синтез противоположностей, концентрирующий в себе движение или, напротив, осуществляющийся в движении, — вот ключ к пониманию Гегеля. Можно привести множество примеров из произведений философа, иллюстрирующих этот высокий синтез. Но ограничимся одним, чрезвычайно ярким и красивым рассуждением, представленным в самом начале гегелевской «Науки логики». Раскрывая диалектику бытия и ничто, Гегель пишет, что «полный, истинный результат, выявившийся здесь, это — становление, которое не

есть лишь одностороннее или абстрактное единство бытия и ничто. Становление состоит в следующем движении: чистое бытие непосредственно и просто; оно поэтому в такой же мере есть чистое ничто; различие между ними есть, но в такой же мере снимает себя и не есть»¹.

Итак, разрешение противоречия у Гегеля — это достижение полного, истинного синтеза противоположных моментов. Тщательный анализ творчества мыслителя позволяет вычлениить три наиболее существенные характеристики такого синтеза. Во-первых, единство противоположностей является здесь как единство в движении. Во-вторых, противоположащие начала превращаются в рамках данного движения в его идеальные моменты, и опосредствование выступает здесь как снятое. В-третьих, способ осуществления единства всегда конкретен, определен. Гегель остро критикует ту точку зрения, когда «остаются при совершенно абстрактном неопределенном единстве и отвлекаются от того, в чем единственно весь интерес и заключается, а именно от самого способа определенности этого единства»².

Ясное представление о гегелевской концепции синтеза противоборствующих начал дает возможность ответить на некоторые спорные вопросы, связанные с творчеством мыслителя. В частности, на вопрос о трактовке Гегелем примирения противоположностей. Философ отнюдь не абсолютизировал момент примирения, как может показаться на первый, поверхностный взгляд. Уже А. И. Герцен заметил, что примиренность противоположных начал у Гегеля совсем не исключает их «борьбу». Напротив, они теснейшим образом взаимосвязаны. Герцен пишет: «...Вдохновенный мыслитель провозгласил основой философии примирение противоположностей; он не отталкивал враждующих: он в борьбе их постигнул процесс жизни и развития. Он в борьбе видел высшее тождество, снимающее борьбу»³. Действительно, термин «примирение» употребляется Гегелем не в смысле застывшего, мертвого умиротворения. Он выражает один из аспектов диалектического разрешения противоречия: преодоление антиномичности, резкой раздвоенности, кризиса в отношениях противоположностей.

¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1 С. 167.

² Там же. С. 280.

³ Гегель. Эстетика. М., 1968. Т. 1. С. 14.

⁴ Он же. Энциклопедия философских наук. Т. 2. С. 375.

⁵ Мигдал А. В. // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 15.

⁶ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 3. С. 259.

⁷ Он же. Наука логики. М., 1970. Т. 1 С. 151.

⁸ Он же. Энциклопедия философских наук. Т. 3. С. 403—404.

⁹ Герцен А. И. Соч.: В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 111.

В. В. СОФРОНОВ

ИДЕИ КОСМИЗМА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Русский космизм представляет собой одну из тем, освоение которых еще впереди. Труднодоступны работы самих космистов, очень мало критической литературы. Нет ясности, кто составляет саму эту традицию. Наиболее часто упоминаются имена Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского. Данная статья посвящена рассмотрению идей Н. Ф. Федорова и К. Э. Циолковского.

Космизм, по нашему мнению, никак не может быть назван явлением случайным в русской культуре. Его можно назвать вершителем фундаментальных интенций этой традиции. Вкратце эти интенции заключаются в следующем. В силу уникальной ситуации русская культура может быть охарактеризована как синкретично-сакральная. Возможно, это связано с синхроническим модусом религиозного и культурного просвещения Руси, принимавшей культуру вместе с верой. Если в Европе новая христианская идея пришла на культурную («обработанную») почву, то русская культура сформировалась в обстановке неопитства. «Для тех, кто переходил к «духовной» вере, к незримому богу и святоотеческим учителям от культа Перуна и Волоса, вера принимала прежде всего облик грамотности, книжности, любо-мудрия — любви к Премудрости Софии»¹. Ситуация характе-

ризовалась положением: «именно потому святее, что умнее, и потому умнее, что святее». В такой «плотной» культуре изначально оказалось невозможным неутилитарное, «чистое» (в западноевропейском смысле) знание. Здесь любые когнитивные усилия изначально связаны со всем культурным комплексом, прочно соотнесены с апологетикой, социальной политикой, эстетикой. «История русской философии как мысли, проникнутой духом утилитаризма, есть история донаучной философской мысли — история философии, которая не познала себя как философию свободную, не подчиненную, философию чистую»². Идея «цельного знания», «целостной жизни духа», провозглашенная славянофилами, в этом смысле представляется действительно центральной в русской традиции.

В космизме любомудрие русской культуры, понимаемое как проповедь, этическая ориентация, синкретично-сакральное единство веры и знания, закономерно обратилось не только к моральному, предлагаемому бытованию человека в мире, но и к действительному обращению человека с миром. Подобные аспекты можно было зафиксировать и ранее: любая проповедь, в отличие от неутилитарной, внеморальной философии, предполагает моральное действие — выбор, пример, слово. Однако в плотной культуре неопитства морально-ситуационные и действенно-практические механизмы сплывались в такой субстрат, в котором оказалось возможным помыслить не только категорически-императивную ответственность человека перед самим собой или соборно-свободную ответственность перед общиной, но и нравственно-практическую ответственность человека перед Космосом. Не технократическая экспансия во внешний мир-в-себе и не изощренные техники медитативных, интравертных регрессий в космическое Ничто, а морально осознанное, однако действенно-практическое отношение к космосу как не только морально необходимая, но внутренне принятая, родственно-обязательная «Философия общего дела».

Если славянофилы, как писал Флоренский, проецируя свои кабинеты и гостиные на весь мир, «хотели бы и весь мир видеть устроенным по родственному, как одно огромное чаепитие дружных родственников»³, то здесь уже весь космос «чудесным» образом был осмыслен как бесконечно близкий, родственный организм. Была зафиксирована не просто генетическая связь, но кровно-родственная, семейная целокупность, объединенная «общим делом».

В этих деловых взаимоотношениях с космосом возможны два варианта субординации: или человек берет на себя ответственность регуляции до-разумного (бессознательного) мира (Федоров), или сам космос мыслится «разумной силой» (Циолковский).

В этом аспекте для Федорова существенно важно понятие «отцовства». В соответствии с «верой отцов», «повиноваться природе для разумного существа — значит управлять ею, неразумной силою, ибо природа в разумных существах приобрела себе главу и правителя». Природа, обрушив на нас бедствия, не требует ничего, «кроме того, чего в ней нет, чего ей не достает, т. е. разума правящего, регуляции, в регуляции же, в управлении силами слепой природы и заключается то великое дело, которое может и должно стать общим». Не быть «сознательным агентом эволюции вселенной — что значит «сделаться сознательным орудием взаимного стеснения (борьбы) и вытеснения (смерти), а быть «родом человеческим (т. е. природою, приходящей в сознание, в понимание самой себя)»⁴. Таким образом, человек берет на себя роль отца, воспитателя неразумной вселенной, применяющего тактики направления, ограничения, т. е. педагогики. Сам процесс «вразумления» человечества оказывается связанным с экспликацией кровно-родственной гомогенности человечества и космоса: «Разум человеческий раскрывается вместе со своим сознанием своей зависимости от силы, без овладения которой он должен был признать себя существом смертным и нести постоянные утраты»⁵.

Нежная забота человека о космосе распространяется так далеко, что не хочет уже, не считает себя вправе довольствоваться праведной жизнью, исключив из нее кого бы то ни было, хотя бы даже и умерших: «Небесная же история говорит о существе живом, почуствовавшем свое сиротство и обратившемся к небу с молитвой о родителях; выражая свою мольбу всеми внешними средствами и силами, осиротевшее существо возвращает жизнь родителям и приобретает бессмертие себе»⁶. Возникает грандиозный, титанический проект «всеобщего воскрешения», впервые помысленного как моральный долг, но требующего своего реального, практического, дейст-

венного во-площения. Характерно, что этот проект интерпретируется не только практически, но и эстетически: «Искусство подобий (мнимого художественного восстановления) и искусство действительности (действительное воскрешение)» — заглавие одной из статей Федорова об искусстве.

Как представляется, проект всеобщего воскрешения (как и связанные с ним проекты Музея, органотерапии и т. п.) находится в явном противоречии с доминирующей интерпретацией системы идей христианства. Чаадаев отмечал, что «христианское бессмертие есть жизнь без смерти, совсем не то, что обычно воображают: жизнь после смерти»⁷. По сути дела, в такой интерпретации бессмертия вообще не проблематично и тем более не относится к компетенции человека. Земная жизнь понимается как испытание и подготовка к другой, лучшей жизни и в этом смысле воскрешение плоти оказывается достаточно радикальным переосмыслением традиционного христианства, на что неоднократно указывалось (Флоровский, Зеньковский). Однако это не значит, по нашему мнению, что проекты Н. Ф. Федорова могут быть отнесены к его личной «эксцентричности». По нашему мнению, идеология космизма очень прочно укоренена в русской традиции и лишь доводит «до логического конца», последовательно продумывает фундаментальные смыслообразы этой традиции.

Существенно еще и то, что «Философия общего дела» понимается Федоровым совсем не теософически, не иррационально. (Тут возникает вопрос: возможен ли вообще в стратегии «общего дела» какой-либо иррационализм, потусторонность, трансцендирование?) Федоров постоянно апеллирует к разуму. Однако это специфическая рациональность «общего дела» — рациональность «общая» и рациональность «действительная»: рациональность общая, так как в ней снимаются оппозиции ученые/неученые, теория/практика и т. п. Федоров пишет о разуме «едином, том «истинном» разуме, в который все должны прийти, чтоб никто не погиб, но чтобы все объединились в деле «сынов человеческих», дабы «все едино были» (один род)». И рациональность действительная, заставляющая говорить «об едином истинном разуме, объединяющем всех во всеобщем познании и управлении слепую, неразумную силу (в регуляции)». Кроме того, эта рациональность тяготеет к тотальности, стремится к снятию вообще оппозиции «сознательное/бессознательное», к дисперсии человеческого разума в «неразумность» природы: «Только регуляция естественного процесса, или слепой силы природы, есть истинное отношение разумного существа к неразумной силе»⁸. Это та самая рациональность, ясно осознающая и стремящаяся преодолеть дискретность, монадность русской культуры, те «сплошные разрывы воли и мечтательности, церкви и государства, рассудка и интуиции», о которых писал Флоровский⁹.

Циолковский, в отличие от Федорова, подчиняет человека космосу. «Последний управитель, возможно, вся вселенная, вся ее бесконечность. Она и составляет наше божество, в руках которого мы всегда находимся, находились и будем находиться»¹⁰. Тут важно отметить один важный аспект концепции Циолковского, который он всячески акцентирует. Это действие человека в духе практической морали. Если Федоров обращается к своеобразно понятой онтологии и на этом основании строит свою этику, то Циолковский сразу начинает с моральной апологии своей доктрины. Постулируя принципиальную гомогенность вселенной, он выбирает в качестве главной константы этой гомогенности константу счастья: «Вот и общее между всеми существами, достигшими совершенства: у них один ум, одно познание и одна цель — всеобщее и вечное счастье. Повторяю: понимание одного и того же космоса делает их самих сходными»¹¹. Для Циолковского важно еще и то, что эта гомогенность счастья потенциальна, а не актуальна и предполагает наличие развитой субординации космоса. Во главе находится «причина космоса», которая есть «высшая любовь, беспредельное милосердие и разум... От причины исходит космос, как одно из ее произведений, от космоса совершенные человекоподобные существа, а от них абсолютная истина, ведущая вселенную к радости и устраняющая все страдания». Актуализация всеобщего счастья достигается стратегиями педагогики, в том числе и в отношении человечества: «Так поступает космос и с человечеством. Воля последнего не исполняется и ограничивается, пока оно еще не выросло и не достигло высшего разума». Но «разум развивался. Высший человек познал природу и ее силы...»¹². Теперь человек становится «орудием» воли вселенной, ему делегируется ее софийная («домоустроительная») ¹³ функция. Теперь уже человек становится медиатором высшего

счастья, осуществляемого предельно конкретными практиками морального усовершенствования. Человек нужен, дабы «водворить порядок на всех планетах. Порядок этот состоит в том, что на небесных телах устраняются все страдания». Это понимается как практическое уничтожение низших форм жизни, мучающихся (т. е. лишенных счастья) в «муках самозарождения». Такой радикальный акт становится возможным благодаря постулату о том, что «ни один атом вселенной не избежит ощущения высшей разумной жизни»¹⁴. В результате оказывается возможной уникальная педагогика действенного, телесного воздействия. Объектом моральной педагогики счастья оказывается не душа, а тело. В этом контексте совершенно последовательно обращение к телесному освоению космического пространства: внедрение в межзвездные просторы физических тел космической техники, телесное освоение, заселение планет. Мораль высшего счастья оказывается парадоксальным образом тесно связанной с педагогикой воздействия на тело.

Вне зависимости от того, кто занимает «верховное» положение в космическом организме, в рассмотренных концепциях можно выделить ряд инвариантов, существенных не только для традиции космизма, но, как представляется, и для общего контекста русской культуры. Это инвариант перехода от морального долженствования к практическому взаимодействию человека и вселенной, предполагающему силовое воздействие и перестройку мира — регуляция, освоение космоса. Это неожиданная перверсия нравственной деятельности в физическую, сомативную педагогику разрушения и построения новых тел — воскрешение, органотерапия, уничтожение «самозарождающейся жизни». Это предикат общности, общинности вселенной и человека — «общее дело», «объединение», «последний управитель — вся вселенная». И одновременно гомогенизация, предельное взаиморастворение онтологии, морали и эстетики. Все эти инварианты достаточно четко проявляются в истории новейшей русской культуры: насильственная революция и затем переход к физическому манипулированию огромными массами людей и телом земли; переселение народов; создание «этноса зека»; грандиозные проекты перестройки геологических масс; четко выраженная педагогика насилия, физического уничтожения одних классов и создания других; возрождение бальзамирования трупов как сублимация идеи воскрешения; предикат общности, репрезентирующийся в фигуре Отца народов, до предела концентрирующей символы общинности. В этой связи интересно отметить, что отношение тела народа и тела его Отца аналогично колдовской практике воздействия на человека через протыкание иголкой его восковой фигурки. Так, выстрелы в Отца отзываются физической болью масс народа, а его смерть явственно разрушает некий мир, сравнима с концом мира. Так же четко выражена дисперсность онтологии, морали и эстетики: никакой эстетический или моральный акт не может не затронуть онтологию этого общества и каждый раз требует суда — наказания или поощрения. И наоборот, акт возведения объекта народного хозяйства является актом искусства, требующим эстетической оценки и являющимся «памятником», т. е. произведением искусства.

¹ Аверинцев С. С. // Древнерусское искусство. Культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 43.

² Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 51.

³ Флоренский П. А. Около Хомякова. Сергиев Посад, 1916. С. 43.

⁴ Федоров Н. Ф. Сочинения. М., 1982. С. 482; 58—59; 89; 485.

⁵ Там же. С. 522.

⁶ Там же. С. 523.

⁷ Чаадаев П. Я. Сочинения и письма. М., 1914. С. 24.

⁸ Федоров Н. Ф. Сочинения. С. 484; 483; 482.

⁹ Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 288.

¹⁰ Циолковский К. Э. Научная этика. Калуга, 1930. С. 24.

¹¹ Он же. Собр. соч. В 4 т. М., 1964. Т. 4. С. 43.

¹² Он же. Воля вселенной. Калуга, 1928. С. 8; 16; 17.

¹³ См.: Аверинцев С. С. К уяснению смысла надписи... С. 25 и далее.

¹⁴ Циолковский К. Э. Причина космоса. Калуга, 1925. С. 31; Он же. Воля вселенной. С. 6.

ПРОБЛЕМА «ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО РАЗУМА» В ФИЛОСОФИИ ТЕОДОРА АДОРНО

В 1947 г. Адорно и Хоркхаймер опубликовали философские фрагменты под программным заголовком «Диалектика Просвещения», в которых была представлена их общая в то время позиция понимания ключевых проблем общества. Наряду с разоблачением воинствующей формы социального мифа, которую принес фашизм, они критикуют Новое время как эпоху прогрессирующей рационализации мира, вскормленную иллюзией о якобы объективно и независимо становившемся разуме. Таковым, считали авторы, стремится предстать субъект, добывающий своей автономии по отношению к природе и обществу. К вопросу о правомерности этого притязания Адорно будет снова обращаться в «Негативной диалектике» и «Эстетической теории». В данных работах получит дальнейшее развитие развернутая им ранее совместно с Хоркхаймером концепция рациональности.

Одна из центральных идей концепции рациональности Адорно — идея об «инструментальном разуме». В монографии, посвященной Адорно¹, профессор истории Калифорнийского университета М. Джей выделяет две причины, позволяющие философу рассматривать разум как «инструментальный». Первая причина была обусловлена основополагающим в период действия товарно-денежных отношений принципом обмена, по которому все сводится к абстрактному эквиваленту всего, иначе говоря, служит универсальному обмену. Или, переложив на адорновские термины, можно сказать, что принцип обмена приводит к втискиванию качественно различного и «нетождественного» в форму количественно «тождественного». Одной из наиболее значительных жертв этого, свидетельствует Джей, был феномен индивидуального, подпадающего у Адорно под категорию абсолютно «не-тождественного», который обрел себя во время героического периода буржуазной эпохи. «Нетождественное — то, что не уступает себя понятию, дезавуирует в-себе-бытие этого понятия и изменяет его»². Категорией «не-тождественного» выражается, по сути дела, смысл адорновского «первоначала». При этом уже акты простейшего абстрагирования и элементарного понятийного осмысления, производящие нивелировку и подчинение разнородного многообразия однородному единству, а стало быть, и сама наука и связанная с ней техника выступают инструментами и механизмами действия закона, который показательно родствен господствующему принципу тоталитарной силы в политическом смысле. То, что он может стать жизнеугрожающим, обнаружилось не в последний раз, как считали Адорно и Хоркхаймер, в тирании национал-социализма. Второй причиной, позволявшей Адорно рассматривать разум, несущий непроизвольный деструктивный эффект, в инструментальном плане являлась, по Джею, связь разума с господством над природой. Поскольку природный мир был сведен к области родовых (заменяемых) сущностей (вещей), чьи качественные различия были принесены в жертву во имя научного контроля, господство объектов подготовило почву для осуществления сопоставимого господства субъектов через механизм овещствления, фетишизации результата любой человеческой деятельности, включая и мыслительную, познавательную. И это вновь означало подавление разнородности во имя тождественности. «Однажды радикально отделяясь от объекта, — писал Адорно, — субъект сводит его к своей собственной мере; субъект поглотил объект, забывая, как долго он сам являлся объектом»³. Как утверждалось в «Диалектике Просвещения», господство внешнего природного мира, получившееся в результате человеческой первобытной включенности в природу, было преодолено и забыто, но именно оно привело к контролю над внутренней человеческой природой и, в конечном счете, над социальным миром также. Фашизм, доказывали Адорно и Хоркхаймер, может быть частично понят как возвращение репрессированного человеческого прошлого и месть угнетенной природы.

Обоснованию двух вышеизложенных мотивов концепции «инструментального разума», которые сходятся на узаконивании систем господства в обществе и общественном сознании, Джей предпосылает в качестве своего

рода предыстории идею об оппозиции более субстанционального и синтетического разума, который германский идеализм называл Vernunft и аналитического рассудка Verstand. Высший синтетический разум Vernunft, бывший воплощением старой идеалистической мечты, разделяемой и определенными представителями западного марксизма, «померк», как сказано в заглавии опубликованной одновременно с «Диалектикой Просвещения» книги Хоркхаймера⁴, противопоставленный аналитическому интеллекту понимания. Оппозиция двух разумов неосторожно продуцируется самим «просвещением», под которым франкфуртцы понимали не определенный этап в истории развития общества, а последовательную рационализацию мира в субъективно-инструментальном смысле, ведущую к овладению природным началом не только вне человека, но и в нем самом. В процессе ее человеческий разум опускается до слепой процедуры формального автоматизма, осуществляемой им исключительно в поле действия самого себя.

Это происходит по мере того, как человеческий разум, одновременно с установлением первой формы, очерчивает необходимые относительные систематические рамки, внутри которых он интегрирует все продукты своего рода производительной деятельности. Такие относительные рамки создаются внесением некоего первого принципа всей формы, из которого, согласно логическим максимам единогласия и непротиворечивости, может быть образован полный универсум отдельных форм. На внесении разумом «заглавного Первого и из него Производного» базируется господство первого принципа над всеми порожденными им самим формами сознания. Они уподобляются всего лишь слепым носителям функций некоего целого, которое зиждется не на приближительности истины, а на претензии на господство своего «заглавного Первого». Так, по убеждению Адорно и Хоркхаймера, человеческое мышление вынуждено подчиняться закону абсолютной доминанты первого принципа всего познания над своими особыми формами. Это утверждает, по их убеждению, во всех философских системах от Парменида до Гегеля.

В работе «К метакритике эпистемологии» Адорно отметил, что уже в ходе поисков древними философами самого «первого начала», «первого принципа» происходило подчинение многого единому, нетождественного тождественному, недуховного — духу, т. е. всего того, что на самом деле ему вовсе не подвластно и инородно. Уже само по себе «первое» «принадлежит числовому ряду», а значит, трансформируется в инструмент подчинения качества количеству, абстрактно-одномерному числу. «Даже элейское понятие единого, — утверждал Адорно, — которое должно быть единственным, становится понятным только по отношению к многому, которое оно отрицает». В свою очередь, «многое» делается «посредником между логическим сознанием как единством и тем хаосом, в который превращается мир в тот момент, когда сознание противопоставляет ему себя»⁵.

Необходимость возведения искусственного мира форм, где была бы действительной исключительно максима правильности, первоначально обусловливалась коллективной борьбой людей за существование, главным образом, борьбой с природой. Так родились искусственные миры языка и математики. Однако со стихийным стремлением «к самосохранению» человеческий разум вводит универсальное табу на все, что избегает понятийной дефиниции и обозначения каким-либо установленным человеком термином. Безымянность, которая, как отмечает в своей статье немецкий ученый А. Рекерман⁶, соединялась у Адорно и Хоркхаймера с божественной реальностью Яхве в традиции иудейской религии, остается вне мира человеческого разума накрепко закрытой, означая единственно «голое понятие Снаружи». Получается, что безымянное «Снаружи» стилизуется под хаос, а затем реализуется в самовольно присвоенной аналогии с божественным Творцом мира в контексте обозримых размеров.

Итак, продуктом деятельности человеческого разума в процессе рационализации, сопровождаемой максимальным усилением притязаний человеческих субъективированных представлений на неограниченную законность, предстает им самим образованный мир ограниченных форм, отличающийся полным отсутствием индивидуальных форм. Они выступают инструментами приспособления и подчинения окружающей реальности. Человеческий разум тем самым делается виновником неоформленности

действительности, потому что, руководствуясь этим особым качеством, он обделяет недеформированную действительность. Отсюда следует центральный содержательный тезис книги Адорно и Хоркхаймера, по которому «основополагающая деятельность разума состоит не в чем ином, как в установлении во в себе консистентном мире ограниченных форм, которые неизбежно обусловлены связью с виной»⁷.

Конечно, необходимо учитывать, что «Диалектика Просвещения» строилась как критика основ и конкретных законов мышления, которые нашли свое, разоблачаемое авторами осуществление в национал-социализме. Отсюда печать пессимизма на их восприятии достижений человеческого разума. Справедливо критикуя просветительскую идею предзаданности постоянного совершенствования человеческого рода, унаследованную Гегелем, они пришли к мысли, что вся наука и весь разум неразрывно связаны с господством над природой, следовательно, внутренне связаны с господством. Но, как отмечает в своей книге профессор философии Техасского университета Д. Келлнер, «подобная позиция уравнивает объективизацию с реификацией, оставляя в тени социальные факторы, посредством которых определенные формы науки, технологии и мысли служат интересам господства»⁸.

Вместе с тем в «Диалектике Просвещения» уже явно просматривается и модель истины, что само по себе даже превосходит интенцию философской критики фундамента тоталитарной власти. Ее пониманию будет способствовать как опубликованная в 1948 г. «Философия новой музыки» Адорно, которую автор не без основания называл «расширенным дополнением» «Диалектики Просвещения», так и все его многочисленные работы по искусству, особенно уже упомянутая «Эстетическая теория». Согласно Адорно, контробраз обозначенному миру в себе фиксированных форм обнаруживается только в авангардистском искусстве. Оно впредь делает ставку на «отключение кнопок самосохранения»⁹ универсального формопринципа, так как реализует принцип единства, который определяется не абсолютным господством над своими частями. Скорее, в искусстве, в частности в музыке А. Шенберга, А. Берга и А. Веберна, форма будет строиться таким образом, что каждая «часть» в равной степени явится носителем смысла «целого», так что это «целое» выразится в свободных и взаимных процессах сопряжения между своими «частями». Тот, кто распознает внутреннюю логику произведений авангардистского искусства, получит в качестве выигрыша фундаментальное «потрясение» своего нормального миропонимания, инфильтрированного из общественно признанного принципа власти. В искусстве ему откроется ограниченность какой-либо жизненной формы, объективной существованием только условиям своего сохранения. Однако этот опыт может дать лишь искусство, которое само, в свою очередь, возвращается в некоей «собственной закрытой в себе сфере»¹⁰ и тем самым отмежевывается от всего окружающего мира. Поскольку форма в искусстве вынуждена подняться против в основе своей по-другому устроенного мира, она также терпит поражение из-за необходимости самосохранения. Успех ее может оплачиваться только отречением от действия в обществе и политике. Создаваемые искусством моменты, в которые субъект будет «обладать реальной возможностью» «снять в себе свое самосохранение», являются поэтому не мгновениями действительно состоявшейся жизни, а только проявлениями меланхолической «памятливости» на ту безмянную реальность, в которую эстетически продуктивному субъекту прочный, открывающий большие перспективы доступ тоже запрещен. Сама форма в искусстве, таким образом, остается пойманной в некус «взаимосвязи вины и наказания, неизбежной ошибки и тщетной корректуры»¹¹.

И все же, благодаря «памятливости» и восприимчивости к природной красоте, мы, говоря словами Г.-Г. Гадамера, «можем заново вспомнить, что в произведении искусства познаем вовсе не то, о чем говорится языком искусства. Познаем же мы неопределенность отстраненности, с которой обращено к нам современное искусство и которая наполняет нас сознанием многозначительности, исключительности всего находящегося перед глазами»¹². Следовательно, искусство, приводя человека к прозрению относительно ограниченности какой-либо жизненной формы, в своем весьма сильном отрицании субординации природы — мысли, дела — духу создает

мерцание утопической модели, к которой человечество, вопреки всему, могло бы когда-нибудь прийти.

¹ Jay M. Adorno. Cambridge; Massachusetts, 1984.

² Adorno Th. W. Negative Dialektik. Frankfurt am Main, 1966. S. 140.

³ Adorno Th. W. // The Essential Frankfurt School Reader. New York, 1978. P. 499.

⁴ Horkheimer M. Eclipse of Reason. New York, 1947.

⁵ Adorno Th. W. Zur Metakritik der Erkenntnis-theorie. Stuttgart, 1956. S. 17; 18.

⁶ Reckermann A. // Zeitschrift für philosophische Forschung, 1988. Bd. 42. H. 3. S. 421.

⁷ Ibid., S. 419.

⁸ Kellner D. Critical Theory. Oxford, 1989. P. 89.

⁹ Adorno Th. W. Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main, 1970. Bd. VII. S. 103.

¹⁰ Ibid. Frankfurt am Main, 1981. Bd. III. S. 35.

¹¹ Adorno Th. W. Ästhetische Theorie. S. 364; 348.

¹² Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 297.

С. А. МОРОЗОВА

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА В КУЛЬТУРЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Культура, являясь целостным социальным феноменом, представляет в то же время чрезвычайно сложный полиструктурный и многомерный системный объект для научных исследований. Сложность обусловлена многокачественностью и неоднородностью входящих в ее состав элементов, которые пронизывают все сферы человеческой деятельности и общественных отношений. Один из аспектов осмысления этого феномена и его специфических видов связан с трактовкой их в качестве разнообразных способов осуществления творческой деятельности.

Одним из качественных образований социокультурной системы, в котором аккумулируется многообразие общественных связей, является культура управленческих отношений, определяющих «имманентную душу», социальные качества культуры управления в целом¹.

Культура управленческих отношений выражает прежде всего тот аспект социальной сущности человека и общества, который связан с преимуществом, с сознательными, целесообразными продуктивно-репродуктивными, генеративными и конструктивно-инновативными элементами творчества в отборе, аккумуляции, актуализации, обобщении, сохранении и трансляции опыта управленческих взаимодействий. Реализация принципа обеспечения творческого подхода в механизмах управленческих отношений является важнейшим фактором оптимизации их культуры, нацеленной на формирование личности как активного субъекта совместной деятельности и управления ею через усвоение, распределение знаний и опыта обозначенной сферы и творческое опредмечивание и развитие их в своей человеческой сущности. Это повышает эффективность использования социально-политического, технологического и личностного потенциала данного вида отношений для лучшей организации управления и достижения его оптимальных результатов в развитии общества.

Социологический подход в исследовании культуры управленческих отношений должен быть основан на позиции, не ограничивающей процесс творчества исключительно конструктивно-инновативной деятельностью, не разводящей управленческий труд и творчество, а анализирующей творчество через призму органической взаимосвязи и взаимоперехода материальных и духовных составляющих, продуктивных и генеративных компонентов управленческой деятельности и через степень раскрытия творческих способностей носителей управленческих отношений в зависимости от сложности управляемых процессов и условий социальной макро- и микросреды. Социологический подход не ограничивается личностной проекцией рассмотрения творчества, а пытается оценить групповое, коллективное творчество в русле управленческих отношений в противоречивом единстве его всеобщих и индивидуальных свойств и тенденций. Социология исследует творчество в управлении как социальный процесс, внутренне строго упорядоченный, однако не поддающийся четкой и однозначной регламентации. С этих позиций актуальна задача определения форм управленческих

отношений, в которых наиболее оптимально реализуются творческие элементы деятельности.

Субъективные компоненты творческого процесса, например, постановка целей и задач, выбор приоритетов в оценке проблемных ситуаций и т. д. — характерные этапы осуществления самой управленческой деятельности. Обретение творческих навыков в управлении даже теми, кто выполняет рутинные узко- или низкоквалифицированные операции, является фактором интеллектуализации и облагораживания труда, стимулирует умственный труд в социально-экономическом смысле. Это важно на пути движения к технологической свободе носителей управленческих отношений и повышению их культуры. В оптимальной модели демократического общества все должны иметь возможность развития генеративной, а наиболее способные — конструктивно-инновативной стороны своей креативности. Культура управленческих отношений включает всю сложную внутреннюю структуру управленческой деятельности как реализации творческих способностей субъектов, так как и низший — репродуцирующий, связанный со стереотипностью и нормативным характером социального действия, — ее уровень создает социально значимые результаты и в определенной степени выступает фактором развития не только самого субъекта, но и других людей и процессов.

Возможности творческой культуры управленческих отношений зависят от их формы (координация, субординация, распорядительство, подчинение, конкуренция, дисциплина и т. д.), от их стиля (исполнительский, инициативный (ригористического или гуманистического направления), технократический или волевой), от их характера (авторитарный, демократический, либеральный, интегративный). Эти показатели определяют меру включенности личности в трудовой коллектив и степень ее вовлеченности в управление. Эффективны для творчества такие формы, стили и характер управленческих отношений, которые способствуют формированию инициативно-ответственного делового поведения, единства долга и интереса, профессионально-корректного исполнительства и инициативности, новаторства и ориентированные на личность, а не на выполнение задания любой ценой. Например, отношения координации, предпринимательства, инициативы, работающие в демократически-гуманистическом стиле, активно стимулируют атмосферу творческого поиска, интенсивно формируют творческий подход к делу и такое деловое поведение, где ответственность за конечные результаты сочетается с инициативой творческого поиска, дисциплина перерастает в самодисциплину, управление — в самоуправление. Они допускают и предполагают широкую палитру мнений и направлений, соревнование умов и талантов на любых уровнях и в любых сферах.

Культура управленческих отношений предполагает наличие творческой позиции как открытого и самостоятельного способа отношения к проблемам, наличие творческого выражения взглядов по решаемым вопросам и творческое осуществление деятельности. В русле высокой культуры рассматриваемых отношений в творческом процессе выявления проблем и принятия решений субъекты должны иметь «чувство проблемы», находить наиболее существенные из противоречий и переводить их в ситуацию, в возможность развития. Важно также не искать единственное решение или «ожидаемый» результат, а стремиться вырабатывать максимальное количество необычных, не зависящих от авторитетов альтернативных решений, среди которых можно найти наиболее качественное с большей вероятностью. Проанализированные нами данные различных социологических исследований восьмидесятых годов показали, что в среднем 50—60 % руководителей при принятии окончательного решения рассматривают один вариант, 30—35 % — два и только один из двадцати командиров производства выбирает из трех предложений.

Бюрократическая «культура» управленческих отношений основана не только на пассивности управляющих в плане общественно-полезной инициативы, но и на ограничении активности работников в управлении, подмене инициативы и творчества администрированием сверху. Она зиждется на выхолащивании творческих элементов различными способами: мелочной регламентацией действий подчиненных, «келейными» и «теневыми» формами принятия управленческих решений, превращением процесса участия в их принятии в привилегию за слепое подчинение и ханжеское поклонение начальству, громоздкой внешней атрибутивностью руководящего положения, прямым подавлением несогласия и критики «снизу» с

последующим материальным или моральным наказанием, административным произволом и т. д. Данные анализа практики различных социологических исследований весьма печальны, особенно в ситуации развертывания новых систем и форм хозяйствования: в среднем около 70 % руководителей ориентированы на безусловное подчинение вышестоящему начальству, а более 30 % трудящихся согласны, чтобы их деятельностью и коллективом управляли без их личного участия в той или иной форме. За проявлениями низкой культуры управленческих отношений, их формализмом и социальной эрозией скрываются различные мотивы. Это и воинствующий дилетантизм и некомпетентность управляющих, и карьеристские соображения и индивидуалистические интересы достаточно компетентных лиц, и отсутствие средств и возможностей для адекватных общественным потребностям действий при субъективной готовности к ним, и отсутствие традиций нерегламентированной деятельности, психологическая неготовность к свободе действий, правовой нигилизм, техницизм и т. п.

В атмосфере бюрократической «культуры» управленческих отношений, когда организационные трансформации сосуществовали со словесными инсинуациями на темы демократии и коллективизма, возникла своеобразная общественная позиция представлять себя носителями демократии и хозяевами производства, будучи готовыми отказаться от самостоятельности и инициативы в существенных социально-политических и производственно-экономических вопросах и гасить социальную творческую инициативу других лиц коллектива. Под видом «дисциплинированности» процветает социально-политическая инертность. В среднем в девяти (!) из десяти случаев даже директора предприятий и объединений уходят от принципиально самостоятельного творческого решения проблем, относящихся к их компетентности². Только 20 % руководителей видят в предложениях трудящихся указания на возможные пути разрешения задач, а 15 % из них пытаются использовать это на практике. Более половины профессиональных управленцев не могут конкретно рассказать о формах участия работников в управлении делами их коллектива³. Расширение сферы действия рыночной экономики, развитие многоукладности народнохозяйственного комплекса, сочетание «большой» и «малой» экономики и коммерческих и некоммерческих подходов в их структуре, появление элементов конкуренции, изменение роли воздействия политических партий и государства ведут к многомерности процессов управления, внедрению новых прогрессивных форм управленческих отношений, основанных на творческом вкладе каждого их носителя в личностное развитие, превращающееся в этих условиях в развитие всей организации. Работники с синдромом боязни самовыражения, незаменимые в административно-командных системах, не вписываются в новые формы хозяйствования, развивающиеся на основе разнообразных видов собственности.

Демократическая культура управленческих отношений внутренне ориентирована на всемерное расширение участия рядовых членов коллектива в управлении как на важнейшую объективную закономерность осуществления прогрессивного принципа «владеть, работать, управлять». Этот тип культуры акцентирует усиление роли сознательных и творческих начал совместной деятельности. Для него важны личность, коллектив, социальная группа в качестве трансформаторов технологического потенциала культуры в потенциал индивидуальный, смыслообразующий через преодоление традиций или на стыке их и творчества, инноваций, что обеспечивает перевод нормативных ценностей в личностно значимые. Творческие управленческие решения предполагают элементы обоснованного риска, пробуждающего дух творческого поиска, превращающего пассивных потребителей в активных созидателей.

Возможность творческого подхода в определенной степени нейтрализует необходимость организационного подчинения. Участники управленческих взаимодействий могут стать равными партнерами по деловому общению и т. д., начнет реализовываться принцип равного сотрудничества и моральной адекватности носителей управленческих отношений. Динамика развития указанного принципа демонстрирует переход от распорядительных отношений к апробационным (когда агенты управленческих отношений оценивают и корректируют предложенные решения), а затем — к ответственно-исполнительским (когда работники выдвигают самостоятельные идеи и предложения с обязанностью ответственного исполнения).

Полноценное использование элементов творчества в системе культуры управления предполагает разработку общих и специфических принципов, методов, структуры рассматриваемого вида общественных отношений применительно к разным условиям рынка, типам технологического производства, формам организации производства и видам предприятий, сферам совместной деятельности и специальным социально-психологическим типам личности и коллектива.

Творческий подход в управленческих отношениях служит развитию способов управления и превращению их в рабочий инструмент практической деятельности. Развитие творческих управленческих отношений возможно в условиях истинной целенаправленности организации, в атмосфере одобрения преобразований и инноваций и методов коллективного обсуждения идей, в организационной структуре, предполагающей наилучшее использование индивидуальных и коллективных возможностей и ресурсов. Для того, чтобы творческий подход стал частью повседневного управления, необходимы программы обучения персонала его методам и приемам, а также создание каналов использования новых идей для обеспечения практических результатов.

¹ См.: Морозова С. А. // Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 3. 1991. № 3. С. 32.

² См.: Омаров А. М. Предпринимчивость руководителя. М., 1990. С. 60.

³ См.: Пономарев Л. Н. Эффективность труда руководителя. М., 1988. С. 57.

И. А. РЯВКОВ, НГУЕН ВАН ТХАНЬ

ГУМАНИЗАЦИЯ НАУКИ КАК ФАКТОР ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ

В конце XX в. человечество, столкнувшееся с грозной проблемой выживания, испытывает состояние духовно-мировоззренческого вакуума и глубокую потребность новых ценностных ориентаций. С еще большей остротой эта проблема встала перед высшей школой, воспитывающей и формирующей специалистов, которые завтра будут определять способы и формы разрешения глобальных проблем общества. Не случайно Ф. Майор, генеральный директор ЮНЕСКО, называет одной из первоочередных задач высшей школы гуманистическое воспитание студентов и гуманизацию науки¹. Именно гуманизация науки, ее все возрастающая обращенность к человеку, все усиливающаяся социокультурная, гуманистическая оценка научных результатов выступают важнейшим фактором соответствующего воспитания студентов и самого процесса гуманизации образования.

Одним из направлений гуманизации науки является преодоление технократизма, сводящего роль человека к функции пассивного фиксатора в познавательном процессе, как и в обществе в целом. Сюда относится и дальнейшее совершенствование методологических принципов науки, преодоление, по словам Т. Адорно, «односторонности, сухости, нечеловеческого характера»² того механического рационализма, который господствовал в течение длительного периода в науке и который в значительной степени ответственен за технократические перекосы в науке и технике. Технократизм ответственен и за кризис в нашей системе образования.

Современная наука проникла сегодня в такие глубины материи, что каждый свой шаг она должна соизмерять с человеком и его перспективами, а старое априорное различие между научными и этическими ценностями, по словам нобелевского лауреата И. Пригожина, более неприемлемо³. Взаимосвязь науки и человека, единство объективно-познавательных и ценностно-культурных аспектов в научном познании изначально присутствовали в науке с первых ее этапов, хотя в силу общественно-исторических причин проявлялись по-разному.

Мировоззренческой основой античной науки было, как известно, представление о единстве микрокосма (человеческого мира) и макрокосма (Вселенной), в структуре которых заложена мировая гармония, математически раскрываемая симметрия. Здесь не было и не могло быть противопоставления природоведения и человековедения. Девиз «человек — мера вещей» хорошо отражает суть этого метода.

Средневековая европейская и арабо-исламская наука, в значительной степени базировавшаяся на фундаменте греко-римской науки, в части естественнонаучных дисциплин имели преимущественно прикладной и практический характер, сакрально санкционированный к тому же господствовавшей церковью. Характерной чертой средневекового мышления, как отмечают исследователи, было ценностное отношение к действительности, в основе которого, выражаясь современным языком, заключено «твердое убеждение в единстве субъективного и объективного»⁴.

Математическое естествознание, возникшее еще в античной Греции и возродившееся в эпоху европейского Ренессанса, оказало решающее воздействие на формирование науки Нового времени, важнейшей особенностью которой является ее формально-рационалистическая методология. Здесь огромную роль сыграл Г. Галилей (1564—1642) — «величайший основатель современной науки», по определению Б. Рассела⁵. Галилей среди других корифеев классической науки (Кеплера, Бруно, Ньютона) наиболее ярко выражает связь с наукой эпохи Возрождения XIV—XV вв. Ученые этого периода (Агрикола, Помпонацци, Коперник, Бруно и др.), выражая гуманистический характер научного познания своего времени, не только прямо подчиняли науку непосредственным интересам человека и общества, но и методологической трактовкой науки реабилитировали роль образного мышления в познавательной деятельности исследователя. Освободившись от схоластических догм Средневековья, наука этой эпохи сделала шаг вперед, опираясь на эмпирические наблюдения и систематизацию чувственно воспринимаемых явлений. В этом смысле принято говорить о так называемой эмоционализации науки Возрождения⁶, т. е. признании чувств критерием познания, что для того времени было прогрессивным в методологической трактовке познания и плодотворным для утверждения ценностно-познавательной природы науки.

Галилей как яркий представитель зарождавшейся классической науки всей своей жизнью, содержанием своих идей и теорий продолжает гуманистические традиции эпохи Возрождения. Гуманизм у Галилея и его окружения (друзей, учеников, единомышленников), став, по сути, формой общественного сознания эпохи, выступает как четкая тенденция гуманизации науки и знания, стремления поставить их на службу человека, его счастья. Будучи провозвестником и зачинателем рационализма как системы определенных гносеологических и методологических установок, Галилей, благодаря глубокой связи с гуманистической традицией Возрождения, выражает в стиле своего мышления синтез абстрактно-понятийного, в том числе математического и образно-эмоционального постижения мира, утверждая необходимость «естественных интерпретаций» данных, полученных при помощи органов чувств в процессе научного исследования⁷. Здесь Галилей своей методологией гуманистического рационализма, по сути, намечал наиболее продуктивное направление движения науки вперед.

Именно в современной науке, по словам Гейзенберга, так называемые архетипы как чувственно-образные выражения познающего интеллекта, насыщенные эмоциональным содержанием, становятся необходимым условием плодотворного познания, компенсируя недостаточность математически-символического языка науки⁸, т. е. языка формально-абстрактного рационализма. Дело в том, что в последующем развитии классической науки, особенно в XVIII—XIX вв., рационализм как методологическая основа дальнейшего развития научного познания все больше противопоставлялся ценностно-эмоциональному аспекту познавательной деятельности, утратив связь с гуманистической методологией Галилея и превратившись в механистический рационализм, искажавший общую направленность и основу познания.

Классический рационализм, явившийся результатом абсолютизации абстрактно-понятийного способа постижения действительности, ориентирующийся на тотальную математизацию и формализацию науки, превращает, по словам Фейерабенда, человека как субъекта познания в пассивного наблюдателя, в механического монстра⁹. Именно этот рационализм породил ставший особенно угрожающим в наше время технократизм, все более утрачивающий связь с ценностями и целями человеческой жизни.

Проблема рациональности в науке, как и вообще в человеческой деятельности, отражает определенные пропорции в соотношении целей и средств познавательной деятельности. Исторически менявшиеся формы рациональности на протяжении многовекового развития научного познания

выражались именно в той мере соотношения формально-логических средств познания и его целей, насколько эти цели служили благу и прогрессу человека. Все более нарастающая и подчеркнута выраженная объективность и дезаксиологичность классической науки XVII—XVIII вв., ее ориентация, главным образом на безусловное техническое исполнение научных достижений, привели к тому, что средства — инструментально-формальные аспекты науки — стали подменять ее гуманистически-ориентированные цели благополучия и интересов человека и человечества. Особенно остро и драматично для судеб общества это проявилось в подходе научного познания к решению глобальных проблем: сохранения мира, взаимодействия с природой.

Кризис классической рационалистической методологии современного познания в значительной мере обусловлен тем, что предметом науки, по замечанию В. Гейзенберга, все больше становится не просто природа как таковая, а «сеть взаимоотношений человека с природой», что не может полностью и адекватно описываться только в рационально-математическом формализме. При этом старое априорное различие между научными и этическими ценностями становится более неприемлемым.

Однозначная ориентация на принципы старого рационализма выступает препятствием развития науки и прогресса общества в целом. В то же время требуется не нигилистическое отрицание приоритета человеческого разума и рационализма вообще, а поиск нового гуманистического рационализма, и здесь гуманистические методологические принципы Галилея в науке приобретают для нашего времени исключительно важное значение. Сегодня, в период глобального экологического кризиса, приоритета технократизма в области экономики, культуры и образования становится особенно очевидным, что духовность и подлинная гуманность немыслимы без научности, так же как и научность без культуры и человечности, гуманистических ориентаций ученых и науки в целом. Представление о ценностно-нейтральном знании, сложившееся в классическом рационализме XVIII—XIX вв., привело к ошибочному методологическому выводу, согласно которому объективность и предметность научного знания достигается только тогда, когда из описания и разъяснения исключается все, что относится к субъекту и его познавательной деятельности, к его влиянию на объект познания¹⁰. Известный американский философ М. Полани считает, что подобная концепция науки и рационализма, основанная на безусловном разделении субъективности и объективности, несостоятельна, что, наоборот, в любом акте познания имеет место оценка предмета познания, и «этот личный коэффициент, который сообщает форму всему фактическому знанию, одновременно служит также для соединения субъективности и объективности»¹¹. Именно поэтому в современном научном знании, демонстрирующем к тому же мощную тенденцию интеграции различных наук, с особой силой выступает «рациональность совершенно нового типа», которую можно назвать по аналогии с галилеевской наукой гуманистической рациональностью. Новая рациональность, требующая целостного подхода к исследованию любого предмета познания, синтеза рационально-логического и образного отражения действительности, порождает новую науку, отличительным признаком которой, по мнению многих исследователей, следует считать «гуманизированную методологию, узаконивающую включение ценностного сознания во все элементы научной деятельности»¹². О «сильном взаимодействии проблем, относящихся к культуре как целому, и внутренних концептуальных проблем естествознания» в современной науке говорят И. Пригожин и И. Стенгерс¹³.

Технократическое мышление как продукт прежнего априорного рационализма свойственно не только науке, но отсюда распространяется и на другие сферы общества: политику, образование, воспитание и, по сути, означает примат средства над целью, техники над человеком, средств и форм воспитания над содержанием и результатом — полнотой и духовным богатством личности. В системе образования такой односторонний подход ведет к представлению о человеке как программируемом объекте самых разнообразных внешних воздействий и манипуляций, а не как об автономной личности.

В усилиях, направленных на достижение гуманистического развития общества и человека, справедливо утверждает генеральный директор ЮНЕСКО Ф. Майор, образование, построенное на принципах современной гуманизирующейся науки, играет фундаментальную роль¹⁴. Конечно, этот

процесс глубокого овладения содержанием и методологией науки должен целенаправленно дополняться акцентированием воспитательного воздействия на нравственно-этические и культурно-ценностные приоритеты формирующейся личности будущего специалиста. Компьютерная революция, коренным образом изменившая характер производства и общества в целом, способствует тесному переплетению нравственно-ценностных мотиваций поступков и решений человека с профессионально-экономическими, политическими и тому подобными ориентирами. Гуманизация общества требует, чтобы в этом процессе приоритет отдавался нравственно-ценностной ориентации личности.

Поскольку решение сложнейших производственно-экономических и научно-технических задач современного общества происходит и будет происходить в условиях информационного взрыва и плюрализма мнений и позиций, необходимым требованием к воспитанию и образованию личности студента и будущего специалиста должно быть формирование у них творческого критерияльного мышления, позволяющего в многообразии концепций и решений сделать свой гуманный выбор.

Реформирование школы, в том числе высшей, преследует цели формирования свободной гуманной личности, активно проявляющей себя не только в процессе профессионального и общекультурного роста, но и в общении, жизни, в любой практической деятельности. «Именно человеческая личность должна стать центром того процесса, который получил название гуманизации общества, науки, образования, культуры»¹⁵.

¹ См.: Майор Ф. Завтра всегда поздно. М., 1989. С. 275 и далее.

² Адорно Т. // Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 368.

³ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. С. 386.

⁴ Мудрогей Н. С. // Вопросы философии. 1989. № 12. С. 21, 23.

⁵ Рассел Б. История западной философии. М., 1958. С. 550.

⁶ См.: Кузнецов Б. Г. Идеи и образы Возрождения: Наука XIV—XVI вв. в свете современной науки. М., 1979. С. 156, 198.

⁷ См.: Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 207.

⁸ См.: Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. С. 122.

⁹ См.: Фейерабенд П. Указ. работа. С. 317.

¹⁰ См.: Стёпин В. С. // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 36, 37.

¹¹ Полани М. Личностное знание. М., 1985. С. 39.

¹² Круглова Л. К. // Диалектика, творчество, гуманизм. Л., 1991. С. 25.

¹³ См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. С. 61—62.

¹⁴ См.: Майор Ф. Завтра всегда поздно. С. 135.

¹⁵ Тарасюк Л. Н., Цехнович К. Н. // Современная высшая школа. 1989. № 3. С. 309.

Г. Б. ИРЗАБАЕВА

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И РОЛИ КООПЕРАЦИИ

Важнейшей предпосылкой перехода к рыночной экономике является создание условий для конкуренции производителей продукции, экономического состязания за потребителя. Для решения указанной задачи, наряду с другими мерами, необходимо осуществить на деле переход к многоукладной экономике, реальному плюрализму собственности, ибо подлинными конкурентами государственных предприятий могут быть только хозяйственные звенья, базирующиеся на коллективной, частной или смешанной форме собственности. Отсюда то исключительное значение, которое имеют в процессе создания предпосылок для рыночной экономики анализ сущности кооперации, определение ее роли в хозяйственной жизни. В этой связи особое значение имеет обращение к истокам теории кооперации. Идеи о кооперации, различные подходы к ее анализу представляются сегодня весьма актуальными и значительными.

Так, В. И. Ленин понимал кооперацию и как хозяйственную форму, и как широкое социальное движение, как общественный строй, который вобрал в себя лучшие гуманные и демократические идеи «старых кооператоров». Кооперативные организации, по его мнению, предстают не только как форма обобществления мелких товаропроизводителей, а как наиболее удобный путь для большинства населения к действительно свободному и демократическому обществу. Эти мысли характерны и для М. Туган-Барановского. В своей работе «Социальные основы кооперации» преобразующую функцию кооперации он связывает со стремлением личности к свободе. Свобода ассоциируется у него прежде всего со свободным творческим трудом. В свою очередь, возможность свободного творческого труда в кооперативах заложена в их сущности.

В кооперации, по мнению В. И. Ленина, следует различать такую форму сочетания личных, коллективных и общественных интересов, которая гарантирует эффективный труд и рост экономики. М. Туган-Барановский исходил из того, что кооперативы представляют собой свободные хозяйственные организации, обращенные к хозяйственному интересу человека. Личная заинтересованность членов кооператива в достижении высоких экономических результатов является условием его успешного функционирования. Духовную основу таких организаций он видел в солидарности общего и частного интересов. Опора на интересы придает кооперации историческую устойчивость и самостоятельный характер, «обеспечивает действительное участие действительных масс населения»¹. Поэтому теоретики кооперации провозгласили в качестве основных принципов кооперации добровольность, самостоятельность, самоуправление, постепенность кооперирования, массовость участия трудящихся. И если данные принципы в силу каких-либо причин нарушаются, то они лишаются своей сущности. Эти классические кооперативные начала в сочетании с хозяйственной направленностью кооперативов обеспечивают свободу труда, экономическую свободу. В свою очередь, наличие коллективной материальной заинтересованности и ответственности не только значительно укрепляют существенный для кооператива элемент личной взаимосвязи его членов с процес-

сом хозяйственной деятельности, но и делают необходимым контроль за состоянием всех дел со стороны участников кооператива. Принципы, лежащие в основе организации кооператива, обеспечивают всем его членам право выражать свое мнение, право на выбор руководителей и контроль за осуществлением ими своих полномочий. Кооперативные предприятия могут оперативно приспособлять свою хозяйственную деятельность к потребностям рынка, обеспечивать более полное использование местного сырья, трудовых ресурсов, помещений.

Идея собственного творческого труда особенно актуальной является сегодня. Ее реализация является необходимой в условиях перехода к рыночным отношениям. Кроме того, кооперативы в силу принципов своего существования и функционирования обладают экономической свободой как коллективные собственники. Экономической свободой обладает и каждый из членов кооператива, являясь собственником. Это связано с тем, что имущество кооператива формируется за счет денежных и материальных взносов его членов, произведенной ими продукции, доходов от ее реализации, поступлений от продажи акций и других ценных бумаг кооператива, а также посредством кредитов банка. В формировании имущества кооператива могут принимать участие (путем денежных и материальных взносов) другие кооперативные, а также государственные предприятия (организации) и отдельные граждане, не являющиеся членами данного кооператива, но работающие в нем по трудовому договору. Следовательно, через развитие кооперации возможна реализация людей, коллективов как собственников. Именно на возрождение этого принципа должна ориентироваться современная экономика.

Еще один важный аспект данной проблемы, на который обращал внимание М. Туган-Барановский, определяя статус кооператора. С одной стороны, он — наниматель труда, с другой — рабочий, т. е. каждый член кооператива по отношению к своему товариществу — «хозяин общего собрания»². В данном случае речь идет о сочетании в кооператоре двух начал: трудящегося-работника и хозяина-собственника. Поэтому везде, где первое и второе возможно и целесообразно, кооперация имеет право на существование, т. е. сфера ее применения весьма широка.

Так, в условиях перехода к рынку возрастает значение потребительской кооперации, которая выполняет многочисленные функции. Помимо сбыта и закупок сельскохозяйственной продукции, потребительская кооперация осуществляет торговлю товарами народного потребления, строительными материалами, занимается общественным питанием, лесозаготовками, подсобным сельскохозяйственным производством и т. п. Возрастает роль потребительской кооперации в развитии производительных сил в сельской местности, в совершенствовании производственных отношений, в воспроизводстве рабочей силы, в решении социальных проблем. Это вызвано тем, что кооперация потребительская органически связана с сельскохозяйственным производством, жизнью сельского населения, удовлетворением его потребностей в товарах народного потребления. Развитие связей потребительской кооперации с производителями сельскохозяйственной продукции идет по пути усиления их долговременности и устойчивости, гибкости и оперативности. Первостепенное значение имеет совместное изучение рынка и взаимный обмен информацией, планирование производства и сбыта продукции через систему потребительской кооперации.

Идея о необходимости развития многообразных форм кооперации в различных сферах экономики, постепенности этого процесса, ориентации на формирование кооперативных форм не логическим путем, а историческим и экономическим, т. е. «снизу», из практики, является одной из определяющих. Особенно актуально это положение по отношению к сельскохозяйственной кооперации.

Идея приобщения крестьян к общественному хозяйству, и, следовательно, подъему экономического благосостояния крестьянских хозяйств через кооперирование принадлежит А. Чаянову. Его кооперативная теория решает комплекс организационно-производственных проблем сельскохозяйственной кооперации. В основе этой теории лежат два взаимосвязанных концептуальных элемента: дифференциальные оптимумы и вертикальная интеграция сельскохозяйственного производства. Развитие кооперативного процесса в сельском хозяйстве А. Чаянов связывал, в первую очередь, с вертикальной интеграцией. Идея гибкого объединения в кооперативных формах производственных единиц разных размеров, различных отраслей

сельского хозяйства была ведущей в его теории. Более того, сущность «земледельческой кооперации» связывалась именно с процессом вертикальной концентрации сельского хозяйства³. Процесс кооперирования должен развиваться путем постепенного и последовательного отделения от крестьянских хозяйств тех функций и операций, которые экономически подготовлены к кооперативному объединению и в кооперативных формах приносят больший экономический эффект, чем в рамках отдельных крестьянских хозяйств (использование машин, отбор скота, переработка молока, кредит и пр.). Кооперация представляла перед Чаиновым как единственный путь постепенной перестройки «разобщенных индивидуальных крестьянских хозяйств в высшие формы общественного хозяйства»⁴, одной из которых он считал кооперативную коллективизацию. «Единственно возможный путь в наших условиях внесения в крестьянское хозяйство элементов крупного хозяйства, индустриализации и государственного плана, — писал ученый, — это путь кооперативной коллективизации, постепенного и последовательного отщепления отдельных отраслей от индивидуальных хозяйств и организации их в высших формах крупных общественных предприятий»⁵.

Вместе с тем А. Чаинов не отвергает горизонтальной концентрации в сельском хозяйстве. С ней он связывает создание крупных производственных единиц в виде сельскохозяйственных коммун, артелей, тозов. Но эти формы не могут стать массовой опорой политики концентрации сельскохозяйственного производства. Горизонтальная концентрация не способна глубоко связать сельскохозяйственное производство. Для нее характерна тенденция к максимизации, к замене управления «снизу» бюрократизацией, которая вызовет застой, падение производительности в сельском хозяйстве, а также сопротивление со стороны крестьян, их апатию и другие негативные явления.

Из этого вовсе не следует, что нужно развивать только малые производства, хотя считаться с преимуществами мелкого земледелия там, где оно экономически оправдано, необходимо. Напротив, идея вертикальной крестьянской кооперации предусматривает создание крупных производственных хозяйств и их расширение по мере развития сельскохозяйственного производства (зерновые фабрики). Вопрос заключается в комбинированном развитии взаимосвязанных больших и малых предприятий. В основе этого должно лежать стремление к оптимизации производственных факторов, а не их максимизация. Это положение получило разработку в теории «дифференциальных оптимумов».

Исследуя размеры сельскохозяйственных предприятий, ученый приходит к выводу, что каждой отрасли сельского хозяйства соответствует свой оптимум, который отражает различные условия протекания биологических и экономических процессов в разных отраслях. Критерием оптимальности он считал достижение минимума себестоимости по каждому виду продукции. Причем этот оптимум должен быть каждый раз скорректирован в зависимости от изменений (технических, организационных и прочих), происходящих в отрасли.

Таким образом, кооперация сельскохозяйственного производства должна происходить на основе принципа «дифференциальных оптимумов», исходя из того, что построить единый оптимум для всех отраслей невозможно.

Процесс сельскохозяйственного кооперирования рассматривается А. Чаиновым как комплексная система, предусматривающая как сохранение преимуществ трудового крестьянского хозяйства, так и создание достаточно крупных сельскохозяйственных предприятий. В целом кооперация оказывает глубокое влияние на крестьянское хозяйство. Даже частичное кооперирование ведет к изменению в его организации. Постепенное нарастание элементов обобществления качественно изменяет всю систему крестьянских хозяйств. Возникает система общественного кооперированного хозяйства деревни.

Немаловажное значение для развития теории и практики кооперации имело определение универсального основания для классификации кооперативных форм. Так или иначе этот вопрос затрагивался всеми теоретиками кооперации до А. В. Чаинова. Но, как правило, за основу этой классификации они брали вторичные признаки, производные от собственно специфики сельскохозяйственного производства. А. Чаинов же впервые основу нашел в самом производственном процессе, определив место каждого элемента земледельческого хозяйства в организационном плане возможного

кооперирования. Сам критерий постоянен, но из этого вовсе не следует, что и полученная им классификация форм кооперации тоже постоянна. Она динамична. Любое изменение в организации земледельческого хозяйства, причиной которого могут быть технические новинки, достижения биологической науки и другие новшества, неизбежно вызывает изменение в формах кооперации.

Перспективы развития кооперации рассматривались также параллельно с определением ее места в системе общественных отношений. Модель «государственного социализма» («коллективизма») М. И. Туган-Барановского и концепция В. И. Ленина — социализм как строй цивилизованных кооператоров — имеют некоторые схожие положения.

По мнению М. И. Туган-Барановского, основное место в промышленности, сельском хозяйстве должны занять трудовые кооперативы в двух формах: производительные ассоциации и социалистические общины — свободные, эффективно работающие организации. М. И. Туган-Барановский рассматривал промышленность и сельское хозяйство как две взаимосвязанные отрасли экономики, между которыми возможно развитие сотрудничества (кооперирования). Кооперация должна пронизывать все экономические отношения и уровни как по горизонтали, так и по вертикали, но при этом кооперативы должны оставаться свободными организациями. «Общество должно до конца превратиться в добровольный союз свободных людей — стать насквозь свободным кооперативом»⁶.

Определение сущности и роли кооперации, условий ее функционирования, принципов организации при переходе к рыночным отношениям является весьма важным. Рациональное применение вышеизложенных идей с учетом особенностей современной экономики способно помочь в решении многих возникающих сегодня проблем. Важно лишь иметь в виду, что кооперация по своей природе предполагает подлинно демократические методы хозяйствования, отвергая командование и администрирование. В любых формах она создается лишь на добровольных началах. Важнейшим принципом развития кооперации является постепенный переход от простейших ее форм к более сложным. Отношения строятся на равноправной основе, на интересе участников. Такова суть кооперации, ее демократические принципы. Не трудно понять, что они содержат то, что принято называть экономическими методами управления. Другими словами, кооперативные принципы нужны как необходимое условие и неотъемлемая часть общего процесса формирования демократических методов хозяйствования. Сама кооперация будет органично включена в данный процесс, если исключить возможность превращения кооперативов в корпоративные организации закрытого типа, наладить регулирование их деятельности экономическими методами.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 372.

² Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М., 1989. С. 179.

³ См.: Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. Саратов, 1989. С. 20.

⁴ Он же. Краткий курс кооперации. М., 1925. С. 13.

⁵ Он же. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. С. 35.

⁶ Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. С. 449.

Н. А. ДУБЕНЕЦКИЙ

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СТИМУЛИРОВАНИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ НОРМИРУЕМОГО ТРУДА

Необходимым условием успешности экономического реформирования является научная оценка наиболее вероятной психологической реакции субъектов хозяйствования на предлагаемые изменения условий воспроизводства экономических благ. Поэтому понятна актуальность моделирования объективно возможных типов экономического поведения людей при той или иной системе разрешений и запретов.

Экономическое поведение индивидов непосредственно определяется двумя группами факторов: во-первых, предметными условиями хозяйствования, которыми задается сфера объективно возможной деятельности; во-вторых, субъективной, или личной, оценкой сравнительной выгоды/ущерба конкретного способа хозяйственного поведения. Для построения моделей вероятного поведения незаменим метод «робинзоады», в соответствии с которым конструируется тот или иной тип «экономического» человека с его правдоподобными ценностными установками, которые и определяют личный критерий выгоды хозяйственной деятельности в конкретных экономических условиях. Выдающийся социолог XX ст. М. Вебер не разделял иронического отношения к «робинзоадам» абстрактной теории и призывал ученых «воздержаться от насмешек, хотя бы до той поры, когда они смогут предложить нечто лучшее, т. е. более очевидное»¹. Использование рациональной конструкции «ценности (например, экономически) ориентированного индивида» — общий методический прием любого социолога (в том числе и экономиста), осознает он это или нет. В марксистской экономической теории применяются ориентированные на классовые ценности типы «капиталиста» и «пролетария»; во многих западных теориях экономической мысли (неоклассическом, неокейнсианском, неоклассическом синтезе) обосновываются теории субъективной ценности товаров/услуг, методологической предпосылкой которых является представление о различно ориентированных типах «потребителей» и «производителей».

Поскольку реальные ценностные ориентиры, или установки, гораздо шире классовых ценностей, постольку в определенных ситуациях необходимо эвристическое моделирование социального поведения по критериям внеклассовых ценностей. Восприятие ведущими советскими обществоведами ценностного, или культурологического, метода как неклассового и субъективистского, а значит, и ненаучного подхода к объяснению общественных явлений обернулось созданием мало адекватных реальности конструкций, например «советского человека», ориентирующихся на ценности международной классовой солидарности и морального кодекса строителя коммунизма. Неудачи многочисленных экономических преобразований в бывшем СССР можно объяснить незнанием их инициаторами типичных экономических ценностей субъектов хозяйствования, реальное экономическое поведение которых оказывалось не соответствующим ожидаемым параметрам.

Попытаемся применить культурологический подход для анализа зависимости интенсивности нормируемого труда от изменения в величине сдельной расценки при следующих условиях: 1) технические характеристики производства неизменны; 2) рост номинальной заработной платы вызывает соответствующее увеличение реальной. Подобная проблема не ставилась в советской экономической литературе, для которой характерно исследование стимулирования труда в аспекте влияния на него форм и систем заработной платы. Движение же величины номинальной заработной платы анализировалось в связи с производительностью, а не интенсивностью труда.

В западной политэкономической литературе эта проблема известна со времен меркантилистов. Решение ее зависит от обоснованного ответа на вопрос: что выгоднее большинству работников — поддерживать интенсивность труда на субъективно максимальном уровне при повышении сдельной расценки и тем самым стремиться к максимально высокому денежному доходу или же реагировать на увеличение расценки снижением напряженности труда, пожертвовав частью возможного заработка?

Многие известные западные экономисты высказывались в пользу второго варианта ответа. Например, В. Петти писал, что «закон должен был бы обеспечить рабочему только средства к жизни, потому что если ему позволяют получать вдвое больше, то он работает вдвое меньше, чем он мог бы работать и стал бы работать, а это для общества означает потерю такого же количества труда»². Опираясь на исследования немецких ученых-аграриев XVIII—XIX вв., М. Вебер сделал вывод, что работники, ориентированные на традиционные потребности, при повышении сдельной расценки неизбежно снизят норму выработки до уровня, необходимого им для обеспечения привычного стандарта потребления. Бирманский профессор Х. Минт, исследуя особенности формирования заработной платы в постколониальный период в развивающихся странах, отмечал, что «наемные рабочие, имея мало потребностей, оказываются безразличными к стимулу, ведущему к

повышению заработной платы»⁸. Представители неоклассического направления А. Маршалл, А. Пигу, Дж. Хикс считали весьма вероятным сокращение индивидуального предложения (т. е. интенсивности) труда работниками «цивилизованных» государств по сравнению с объективно возможным объемом при значительном превышении денежной оценки труда уровня, достаточного для компенсации психологического бремени необходимой предпринимателю напряженности. Впрочем, эти экономисты подчеркивали относительность своих выводов и утверждали, что при исходной расценке, не обеспечивающей даже максимально прилежному работнику прожиточного минимума, последующий ее рост до величины, достаточной для выхода на этот минимум, сопряжен с ростом интенсивности труда. Однако целостного объяснения зависимости нормируемого труда от изменения величины сдельной расценки ведущие теоретики «экономикс» не дали.

Для восполнения этого пробела попытаемся предложить следующую теоретическую конструкцию выгоды для типичного работника (а значит, и для большинства) напряженного труда. Можно предположить, что для типичного работника существует несколько количественно дискретных, субъективно оцениваемых как «идеальные», уровней потребления, удовлетворение от достижения которых столь высоко, что с избытком компенсирует субъективно оцениваемую тягость или психологическое бремя максимально интенсивного труда, необходимого для получения соответствующей номинальной заработной платы.

Эти уровни количественно дискретны, потому что работник оценивает как «существенное» улучшение своего материального положения, во-первых, если его «потребительская корзинка» пополняется новыми, весьма желаемыми, но ранее недоступными товарами, или, во-вторых, резко возрастает удовлетворенность от оптимальной (по субъективному критерию) количественной сбалансированности употребившихся товаров. Выраженные в денежных единицах субъективные ценности «идеальных» потребительских наборов, как правило, на несколько порядков отличаются друг от друга, что и заставляет признать их количественно дискретными. Поэтому становится понятной избирательная чувствительность индивида к «идеальным» расценкам, при установлении которых работник, трудясь в полную силу, может заработать столько, сколько необходимо для достижения соответствующего «идеального» уровня потребления. Если же работник может заработать больше, чем необходимо для «выхода» на прежний «идеальный» уровень потребления, но меньше, чем требуется для достижения нового «идеального» уровня, то, очевидно, ценность менее интенсивного, чем прежде, труда превысит ценность возможного дополнительного дохода. В этом случае работник снизит интенсивность личного труда. Следовательно, связь между движением сдельной расценки и максимизацией личной интенсивности труда имеет циклический характер. Единственным случаем, когда личное трудолюбие не реагирует на изменение величины расценки, являются (как отмечалось выше) расценки, не обеспечивающие прожиточного, субъективно оцениваемого как «сытый», уровня потребления. Типичный работник в интервале этих расценок трудится с субъективно максимальной напряженностью, так как ценность любого по величине денежного дохода выше, чем голодное, но не обремененное трудом существование. Увеличение в рассматриваемом случае индивидуальной выработки вместе с ростом денежной расценки объясняется не ростом личного трудолюбия, которое и так максимально, а более качественным и калорийным питанием работника.

Если наш анализ мотиваций трудового поведения правилен, то напрашивается вывод о существовании в обществе двух групп работников: трудящихся с максимальным трудовым прилежанием, т. е. довольных существующими расценками, и недовольных, а потому и менее прилежных. И тут возникает вопрос: как оптимально стимулировать трудолюбие всех без исключения индивидов?

Известны два варианта теоретического решения поставленной проблемы. Первый исходит из «железного» закона заработной платы, которого с принципиальными оговорками придерживались Петти, Тюрго, Рикардо; второй базируется на теории производительности труда (в неоклассической трактовке — предельной производительности), родоначальником которой является американский экономист начала XIX в. Кэри. Странники первого подхода предлагают поддерживать сдельную расценку на уровне прожи-

точного минимума (с поправкой на квалификацию работника), так как в этом случае гарантируется максимальное трудолюбие при минимальных издержках на оплату труда. Если же применять повышенные расценки, то и трудолюбие снизится и издержки возрастут. Поэтому минимальная и средняя заработная плата должны оставаться на неизменном уровне.

Сторонники второго подхода, исходя из идеологемы гуманности и социального мира, предлагают применять номинальные расценки таким образом, чтобы вместе с ростом производительности общественного труда абсолютно возрастали бы и минимальный, и средний заработки. Бороться же с угрозой снижения личного трудолюбия профессор Пигу предлагал, например, с помощью прогрессивной сдельной оплаты труда⁴. С начала XX в. стали распространяться сдельнопрогрессивные системы заработной платы (которые можно назвать политарифными), известные как системы Тейлора, Мэррика, Ганта, общая сущность которых заключается в следующем. Единица труда работника расценивается, исходя из максимальной тарифной ставки только при условии выполнения им заданной нормы выработки. Если индивидуальная выработка меньше нормативной, то труд расценивается, исходя из заниженной ставки.

Все сказанное позволяет поставить вопрос о замене применяемой у нас прямой сдельной оплаты труда различными политарифными системами (в зависимости от конкретных условий производства), максимально стимулирующими личное трудолюбие работника.

¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 395.

² Петти В. Экономические и статистические работы. М., 1940. С. 70—71.

³ Цит. по: Достовалов Ю. Л. Теория распределения. М., 1978. С. 193.

⁴ См.: Пигу А. Экономическая теория благосостояния. М., 1985. С. 90.

М. Г. МУТАЛИМОВ, А. Г. ФОЛЕЖИНСКИЙ

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Актуальность исследования проблем заработной платы на этапе становления рыночных отношений обусловлена поиском путей повышения эффективности труда. При этом важно опираться на объективный анализ экономической практики.

Изучение новых реальностей в практике оплаты труда показывает, что переход к рыночной модели экономических отношений предопределил наличие в ней общих тенденций на предприятиях с различной формой собственности. Они проявляются прежде всего в бурном росте номинальной заработной платы, с одной стороны, и значительном падении реальной заработной платы, с другой стороны, в форме схожих изменений в структуре заработка (сокращение удельного веса надтарифной части, рост выплат, связанных с компенсацией удорожания продуктов питания и индексацией доходов работников).

Названные процессы сделали актуальным исследование воспроизводственной функции заработной платы и привели к перестановке акцентов в теоретическом понимании ее сущности. Так, в концепции организации оплаты труда в народном хозяйстве в условиях регулируемых рыночных отношений, выдвинутой в 1991 г. Министерством труда и НИИ труда бывшего СССР, заработная плата определяется как объем жизненных благ, обеспечивающих объективно необходимое воспроизводство рабочей силы¹. Из этой же посылки исходит и белорусский вариант государственной концепции реформы оплаты труда².

Другая, распределительная, точка зрения на понимание сущности заработной платы сформировалась при рассмотрении оплаты труда на предприятиях с коллективной формой собственности. Многие отмечают, что здесь, во-первых, член коллективного предприятия не является наемным работником и, следовательно, не может покупать у себя рабочую силу как товар, во-вторых, отсутствуют государственные гарантии в сфере оплаты труда, в-третьих, активно используются системы оплаты без применения

таких традиционных элементов, как тарифы, премии, надбавки, и, в-четвертых, осуществляется дополнительное распределение прибыли в форме дивидендов, процентов в зависимости от индивидуального трудового вклада (пая). Отсюда делается вывод, что заработная плата на коллективном предприятии выступает в форме трудового дохода.

Действительно, указанные особенности распределительных отношений не только имеют место в экономической практике коллективных предприятий, но, более того, принимаются в качестве теоретического обоснования так называемой «арендной модели» хозяйствования. Однако их гиперболизация приводит к другому пониманию сущности заработной платы, которое констатирует результирующую сторону отношений по поводу оплаты труда. По этой концепции в условиях самоуправления предприятий «адекватным способом оплаты труда становится остаточный принцип формирования ресурсов на оплату труда в зависимости от конечных результатов»⁸. На наш взгляд, ни та, ни другая концепции сущности заработной платы не отражают объективных связей и являются ее односторонними моделями.

В определении заработной платы как некоего объема жизненных благ, поступающих в личное потребление и необходимых для воспроизводства рабочей силы, ослаблено внимание к ее стимулирующей роли. Ведь если для работника заработная плата является источником воспроизводства его рабочей силы, то для собственника предприятия она связана с эффективным потреблением данной рабочей силы. Исходя из признания товарности рабочей силы в условиях рыночных отношений, односторонность воспроизводственной концепции можно квалифицировать как попытку непосредственного выражения законов движения заработной платы через динамику стоимости и цены рабочей силы. Трудность определения сущности заработной платы состоит в понимании того, что она в силу своей относительной самостоятельности может не совпадать с законами изменения стоимости и цены рабочей силы, формирующими ее базу.

Это значит, что между динамикой заработной платы и изменением цен на потребительском рынке не возникает автоматической пропорциональной зависимости. Она опосредована процессом оценки труда как на рынке рабочей силы, так и внутри самого предприятия посредством определения параметров, характеризующих количество, качество и результативность труда. Механическое увеличение заработной платы вне связи с ростом эффективности производства не создает условия для повышения стимула работника к результативному труду.

Трактование заработной платы как непосредственного трудового дохода работника, формируемого размером трудового вклада по остаточному принципу из конечного результата деятельности предприятия, не позволяет обозначить ее количественные параметры, а также принципы дифференциации. Из данного определения выпадает объективная основа формирования заработной платы, т. е. тот самый воспроизводственный аспект, отсутствие которого запутывает ситуацию. Получается, что размер индивидуального трудового дохода не может быть определен до начала производственного процесса и полностью детерминирован доходом предприятия и индивидуальным вкладом.

Некоторые авторы обосновывают такой подход, рассматривая работника как собственника условий и результатов производства. Логика рассуждений здесь сводится к тому, что работник в качестве хозяина производства живет, сообразуясь с доходом от своей хозяйственной деятельности, произвольно использует его для увеличения производства и потребления. Ни тарифные ставки, ни премирование как составные элементы заработной платы ему не нужны. Они нужны лишь наемному работнику.

Практика, однако, показывает ограниченность таких подходов, лишающих заработную плату объективной основы и делающих ее зависимой от субъективных решений коллективов либо государства. По нашему мнению, в условиях рынка заработная плата представляет собой распределительную форму, производную от стоимости и цены рабочей силы. Она выражает денежную оценку труда работника, которая зависит от его количества, качества и результатов. В такое определение заработной платы вкладываются не только объективная основа, но и факторы процесса труда, корректирующие ее величину.

Специфичность заработной платы в коллективных предприятиях характеризуется тем, что она здесь является одновременно и формой выражения

совладельческого интереса. Во-первых, без трудового участия нельзя претендовать на долю в собственности и дополнительное распределение прибыли, а, во-вторых, сама индивидуальная доля, а также участие в результатах производства определяются величиной заработной платы работника.

В условиях рыночных отношений на коллективных предприятиях рабочая сила выступает не только как объект купли-продажи. Это не значит, что заработная плата как распределительная форма, производная от стоимости и цены труда, устраняется. Наоборот, здесь усиливается необходимость общественной и внутренней оценки труда для обеспечения нормальных условий воспроизводства и функционирования рабочей силы, а также активизируется деятельность работника как совладельца коллективной собственности предприятия. Следовательно, денежная оценка труда предопределяет, в конечном счете, размер фонда оплаты труда и величину фонда потребления предприятия.

В таком представлении заработная плата на коллективном предприятии первоначально формируется на основе базовых оценок, существующих в виде тарифов и окладов и выражающих меру оплаты за норму труда. Тариф фиксирует результат воздействия всех факторов рынка труда. В нем интегрируются количественная и качественная определенность оценки труда, его эффективность. Ранее низкий размер тарифа и неадекватная дифференциация в нем разнокачественного труда снижали его роль в организации заработной платы. По этой причине утверждалось, что тарифная система противоречит оплате по конечным результатам и внутреннему распределению дохода. В новых экономических условиях должно быть восстановлено значение тарифной системы.

Являясь в качестве меры оценки труда первичным элементом организации заработной платы, тариф не может противоречить оплате по конечным результатам. Во-первых, без тарифной системы невозможно стоимостное измерение самого конечного результата. Ведь в конечном результате рынком признаются общественно необходимые затраты живого и овеществленного труда. Свободное ценообразование означает достаточно высокую степень обоснованности всех затрат. Договорная цена, построенная на иных принципах, может привести к усилению инфляционных процессов. Во-вторых, конечный результат в форме дохода является источником оплаты труда, но не определяет индивидуальный заработок. Он определяется мерой оплаты за норму, но не величиной фонда оплаты труда. Только в этом случае обеспечивается нормальное воспроизводство рабочей силы. Убыточные и малорентабельные предприятия, не оплачивающие труд на общественно-необходимом уровне, в условиях рынка не могут быть жизнеспособными⁴.

Тарифная система не противоречит внутреннему распределению на коллективном предприятии, где работник как хозяин управляет, сообразуясь с доходом. Действительно, положение трудящегося, одновременно являющегося собственником производства, предопределяет возможность самостоятельного распределения дохода. Однако никто не волен решать вопрос об использовании дохода только исходя из своих интересов. Во-первых, как хозяева работники могут распоряжаться только доходом, из которого уже произведены платежи государству, арендодателю, кредитору и т. д. Во-вторых, в оставшемся доходе в первую очередь выделяется фонд оплаты труда. Но и его размер не произволен: он зависит от общественной и внутренней оценки труда работника. А эту функцию и выполняет заработная плата, базирующаяся на тарифной системе. В-третьих, адекватная роль заработной платы проявляется и в том, что ее размер, синтезируя оценку труда, служит наиболее объективным критерием определения долевой собственности и распределения дополнительного дохода.

Практический опыт организации заработной платы на арендных и коллективных предприятиях также подтверждает эффективность применения внутренней оценки труда работников с использованием тарифов как системы норм оплаты за норму труда.

Так, в арендном производственном объединении «Славич» (г. Переславль-Залесский, Владимирская обл., Россия) заработная плата определяется на основе установленного в объединении минимума оплаты труда и комплексной (балльной) оценки труда работников. Наименьшее количество баллов соответствует минимальной заработной плате и представляет собой меру оплаты труда неквалифицированного и наименее производительного работника. Норма оплаты более квалифицированных работников увеличивается пропорционально числу баллов, полученных ими при оценке труда

по четырем факторам: сложность труда, квалификация и деловые качества работников, результатам труда.

На арендном предприятии «Миловица» (г. Минск) разработана система оплаты труда, базирующаяся на стоимости одного нормо-часа работы. Здесь установлено 45 квалификационных категорий оплаты труда. По ним аттестованы все работники предприятия. Стоимость нормо-часа зависит от гарантированного государством минимума заработной платы, сумм компенсационных доплат в связи с повышением розничных цен, индексации заработной платы и расходов на льготное питание. Норма оплаты труда дифференцирована по трем уровням: 1) выполнение всех условий плана; 2) выполнение одного из условий плана; 3) невыполнение всех условий плана.

Слонимское народное предприятие «Альбертин» собственную систему оплаты труда строит на основе тарифной ставки первого разряда, отражающей более высокий уровень оплаты, чем гарантированный государством, а также рекомендованная Госкомтрудом Республики Беларусь система тарифных коэффициентов. Однако для категории руководителей и высококвалифицированных специалистов здесь применяются контрактные условия оплаты труда, где размеры тарифных ставок и окладов выше, но они предполагают труд большей напряженности и эффективности.

Таким образом, формирование теоретической модели заработной платы, отражающей требования рынка, предполагает создание ориентиров, способных раскрыть ее сущность, место и роль в новых распределительных отношениях. Учет объективной экономической основы заработной платы невозможен без обеспечения нормальных условий воспроизводства и функционирования рабочей силы, а также оценки труда по его количеству, качеству и результативности. Чаще всего для такой оценки используются тарифные системы, не противоречащие эффективному распределению на предприятиях различной формы собственности.

¹ См.: Социалистический труд. 1990. № 8.

² См.: Советская Белоруссия. 1992. 15 янв.

³ Р у т г и з е р В. М. Социальная сфера: Проблемы планирования. М., 1990. С. 176.

⁴ См.: Т а н к о З. Распределение: Анализ опыта самоуправления в Югославии. М., 1990. С. 65.

Н. В. СИЛЬЧЕНКО

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В юридической науке дискуссионным является вопрос о том, какие стороны общественных отношений находят свое отражение и закрепление в законе. Одни авторы полагают, что в отличие от научного познания в законотворческом процессе не ставится задача проникнуть в глубинные закономерности, в сущностные структуры социальной реальности, что специфика закона как регулятора общественных отношений ограничивает пределы отражения в нем лишь внешней формы общественной жизни и предопределяет эмпирический характер знаний, содержащихся в правовых нормах¹. Другие же, наоборот, полагают, что законодательство не может быть построено на чисто эмпирической основе, указывают на тщетность усилий законодателя на этом пути, так как деятельность законодателя в данном направлении заключает в себе прикрытое признание своей некомпетентности. «Нисколько не удивительно, — писал Г. Спенсер, — если законодательство, основанное на теориях, выработанных таким способом, делает ошибки. Скорее, можно было бы крайне удивиться, если бы его деятельность оказывалась успешною»².

Конечно, природа юридического закона такова, что он не может непосредственно воздействовать на сущностные, глубинные социальные связи и регулирует лишь внешние стороны человеческого поведения. И с этим, как говорится, трудно спорить. Но возникает вполне закономерный вопрос: а какие именно внешние стороны общественных отношений регулируются законом?

Поставив вопрос именно таким образом, мы неизбежно приходим к выводу о том, что для достижения своих целей, создания эффективного, действенного закона законодатель должен регулировать такие внешние стороны общественных отношений, которые позволяют направить поведение людей в русло социальных закономерностей. Но ведь социальные закономерности осознаются прежде всего в форме теоретического, а не эмпирического знания, и, следовательно, без данных теоретического характера невозможно произвести анализ внешних сторон регулируемых общественных отношений. С. В. Поросенков правильно подчеркивает, что когда говорится об отражении социальными нормами объективных законов, то производится абстрагирование, выделение только определенных связей в ряду других конкретных связей, присущих каждому виду деятельности³. Но ведь чтобы выбрать эти определенные, конкретные связи законодатель должен иметь четкие представления об общих закономерностях, глубинных связях общественных отношений, обеспечению которых как раз и подчинено создание того или иного юридического закона. Вовсе не обязательно, чтобы законодатель сам стремился постигнуть характер и природу этих взаимосвязей. Знания о них могут быть почерпнуты из уже имеющихся научных разработок, накопленного обществом социального опыта, иных источников. Но знания о глубинных связях общественных отношений непременно должны приниматься во внимание при создании даже отдельной нормы права, а закона — тем более.

Закономерности общественного развития могут, безусловно, выражаться и закрепляться в правовом обычае (обычном праве, в целом), прецеденте (прецедентном праве, в целом), иных источниках (формах) права. Но в них социальные закономерности выражаются и закрепляются стихийно, неосознанно, в ходе длительного эволюционного правового развития и, как правило, в грубой правовой форме. Законодатель же не может и не должен позволять себе ничем не оправданные эксперименты, деятельность наобум, вслепую. Закон как форма права получил широкое распространение и окончательное признание в эпоху рационализма. И основное его назначение в обществе и государстве, которые строятся на рациональных началах (переворот, совершенный в Новое время в понимании закона представителями естественно-правовой доктрины), состояло и состоит как раз в том, чтобы выразить и сформулировать устойчивые, закономерные взаимосвязи.

Отсюда понятно, что изучение непосредственно самого текста закона вне исторических обстоятельств, послуживших основой его принятия, вне суммы накопленного обществом и наукой знания о регулируемых отношениях, тенденциях и закономерностях их развития только и может привести к выводу о том, что закон есть сумма эмпирических сведений об объекте правового регулирования, знания, описывающего объект, но не содержащего объяснения⁴. В то время как эмпирические сведения об объекте правового регулирования, которые содержатся в законе, представляют собой лишь ту часть эмпирических знаний о правовой действительности, которая наиболее полно соответствует закономерностям, управляющим движением регулируемой законодателем сферы общественных отношений. Именно потому, что в законе содержится тщательно «адсорбированная» часть эмпирических знаний, исторической науке и удается, изучая источники права государств древности, «реставрировать» с большой достоверностью закономерности государственных и правовых систем давно миновавших дней, судить о них не только на чисто эмпирическом уровне, а подниматься до обобщений высокого уровня.

В условиях усложнения и динамизма социальных связей эффективное законодательное регулирование можно обеспечить только тогда, когда процесс создания законов основывается на познаниях, выходящих за пределы чисто внешних, доступных живому созерцанию связей и отношений, проникающих в глубинные, сущностные пласты общественных отношений, раскрывающих их объективные тенденции и закономерности развития⁵.

Другое дело, когда законодателю приходится регулировать такой круг общественных отношений, природа и закономерности которых еще не исследованы. Он попадает здесь в очень сложное положение, так как не вправе, ссылаясь на отсутствие глубинных знаний и представлений об общественных отношениях, откладывать на этом основании их правовое регулирование. Н. И. Козюбра четко подметил данное обстоятельство, подчеркнув, что человечеству пришлось бы очень долго стоять на месте, если бы оно ждало, пока потребность общества в социальном (в том числе и правовом) регулировании будет осознана и подтверждена на теоретическом уровне⁶. Эмпирические знания, накопленный законодателем опыт, его интуиция, изучение аналогичных (сходных) случаев регулирования в других странах могут позволить ему принять верное решение и урегулировать общественные отношения.

Чаще всего в таком положении законодатель оказывается в переломные эпохи, во времена проведения крупных реформ, охватывающих все сферы человеческого бытия. Неустойчивость в общественных отношениях, их динамизм, отсутствие в силу этого сложившихся научных представлений о тенденциях (закономерностях) регулируемых им общественных отношений вынуждают законодателя двигаться наощупь, ставят перед необходимостью руководствоваться в законотворческой практике в основном эмпирическими знаниями. Излишне доказывать, что такое состояние общества отнюдь не способствует улучшению законотворческого процесса, повышению качества принимаемых законов. Многие законы быстро девальвируются, устаревают, не успев выйти за стены парламента. Эпоха реформ — не лучшее время для законодателя, она, как правило, не способствует росту его авторитета.

Закон по своей природе носит обобщающий характер, охватывает устойчивое в процессах. Между тем исключительный динамизм общественных отношений в периоды реформ не дает необходимого материала для такого

рода обобщений ⁷. Для законодателя одним из выходов из подобных ситуаций может быть более широкое использование законов-рамок, суть которых состоит в том, что они определяют лишь самые общие, принципиальные, узловые моменты в регулируемых отношениях и не весьма жестко воздействуют на их содержание. Законодатель тем самым как бы ожидает того, чтобы в регулируемых им общественных отношениях утвердилась, устоялась какая-то тенденция, а уж затем более подробно формулирует содержание закона с учетом данной тенденции.

При проведении крупномасштабных реформ законодательства весьма важно, чтобы с самого начала был ясен замысел преобразований, цели, этапы и средства проведения реформы. Тогда деятельность законодателя может быть подчинена определенной логике, ее можно спланировать, можно выработать стратегию развития законодательства. Приняв узловые законы, тщательно их проработав, законодатель в состоянии с помощью науки и иных форм общественного сознания уловить основные стороны закономерностей регулируемых общественных отношений и закрепить их в законе. Но если реформа законодательства проводится так непоследовательно и нерешительно, как нынешняя, с зигзагами и поворотами, которые трудно заранее предвидеть, когда ее ориентиры меняются в течение года, то вряд ли всерьез можно рассчитывать на качество принимаемых законов. Возможно, что с чисто технической (точнее, технико-юридической) стороны они могут выглядеть и вполне прилично, но с чисто регулятивных позиций, с точки зрения устойчивости и качества воздействия на регулируемые общественные отношения они просто не выдерживают критики.

Очень важная проблема, с которой сталкивается законодатель, состоит в том, как согласовать между собой выражаемые и защищаемые им интересы различных слоев населения, с одной стороны, и закономерности (тенденции) регулируемых им общественных отношений, с другой. Проблем не возникает тогда, когда они совпадают в своих основных параметрах: направлении и содержании. Иное дело, когда они расходятся. Поскольку любая социальная закономерность проявляется в реальной действительности не иначе, как через интересы людей, то данная проблема может быть сформулирована так: чьи интересы должен выражать и защищать законодатель? И правомерна ли вообще постановка вопроса о выражении и защите интересов?

Если исходить из той посылки, что законодатель должен, как пишет В. Васильев, воплощать в законе разумный компромисс различных политических сил, разных направлений общественной мысли ⁸, то закон легко может быть превращен в инструмент произвола, а все законодательство — в легализацию силы. Та или иная часть населения, получив всякий раз большинство в законодательном органе и по-своему, естественно, понимая консенсус и пределы компромисса, всякий раз и на свой манер кроила бы и перекраивала правовую систему по своему образу и подобию, не считаясь с теми принципами, которые заложены были в систему законодательства ранее. И такое поведение парламентского большинства, с точки зрения сторонников логики компромиссов, было бы вполне правомерным. При этом почему-то не принимается во внимание то, что в силу целого ряда причин, стечения случайных обстоятельств (несовершенство законодательства о выборах, политическая конъюнктура и т. д.) состав законодательного органа может вовсе не выражать (или выражать неадекватно) подлинные интересы народа. Более того, сиюминутные интересы людей могут выступить на первый план и затмить их глубинные и устойчивые потребности.

Кроме того, законодательный орган состоит из конкретных депутатов, не лишенных весьма определенных интересов и стремящихся придать им всеобщую форму в виде закона. Как реально в этих условиях может быть выражен общий интерес и какие механизмы могут препятствовать выражению в законах групповых интересов? Можно ли с математической точностью вычислить баланс интересов в парламенте? Есть ли для этого соответствующие правовые механизмы? Очевидно, что в формуле согласования в законе различных интересов, достижения разумного компромисса гораздо больше вопросов, чем ответов на них.

Представляется, что ответ на поставленный вопрос лежит в несколько иной плоскости. Дело в том, что когда мы говорим о согласовании (или выражении) интересов, их защите, то забываем, что регулируются все же не интересы, ибо последние управляют поведением людей и определяются

не законодателем, а реальными социальными процессами, и, в конечном счете, чтобы изменить интересы, надо изменить причины, их порождающие.

В интересах находят выражение многообразные виды человеческой деятельности, через интересы проявляются реальные общественные отношения, которые и составляют предмет деятельности законодателя. Общественные же отношения носят безличностный характер, поскольку в них вскрываются существенные социальные связи между сферами жизнедеятельности людей, видами труда и общностей. При этом общественные отношения не зависят от конкретных индивидов (даже парламентариев!) и их интересов, вступающих в общение друг с другом и персонализирующих социальные связи⁹, ибо они есть результат предшествующей человеческой деятельности и в то же время необходимое условие, предпосылка деятельности в данное время. В последнем своем аспекте общественные отношения есть нечто первичное по отношению ко всем видам человеческой деятельности, в том числе и деятельности законодателя¹⁰, являются обязательной формой (или способом) осуществления любой деятельности. «Материальные отношения, — подчеркивает К. Маркс, — суть лишь необходимые формы, в которых осуществляется... материальная и индивидуальная деятельность»¹¹.

В сложившихся и упрочившихся общественных отношениях интересы различных социальных групп населения, их общностей, занятых различными видами человеческой деятельности, уже согласованы сами по себе и сбалансированы, они стали тем, что и называется общественными отношениями, тем общим, что составляет необходимое условие бытия людей. Рано или поздно, в принципе, любые, даже самые противоположные, интересы могут быть согласованы естественноисторическим образом. Задача же законодателя состоит в том, чтобы утвердить в обществе и защитить цивилизованные формы разрешения сталкивающихся частных интересов, а не согласовывать эти частные интересы. Еще Чезаре Беккария писал: «Законы ...как узы необходимы, чтобы сдерживать и подавлять столкновения частных интересов. Вот на чем покоится физическая и действительная сила законов»¹². Такое понимание роли законодателя и назначения закона в жизни общества основаны на взаимной зависимости индивидов в обществе, на понимании того, что никто лучше самих участников человеческого общения не сможет согласовать их интересы.

Все сказанное о выражении в законах интересов участников общественных отношений свидетельствует, что эмпирические знания о реальных социальных процессах, как правило, и замыкаются на уровне их участников, они остаются как бы за рамками самого законотворческого процесса. Для законодателя важны конечные итоги социальных процессов, законченные формы, в которых протекают эти процессы и в которых происходит их разрешение. Сами же эти формы осознаются в теоретическом знании, с которым чаще всего и имеет дело законодатель.

¹ См.: Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л., 1989. С. 17.

² Спенсер Г. Социальная статика. СПб., 1906. С. 20.

³ См.: Поросенков С. В. // Философские науки. 1981. № 5. С. 138.

⁴ См.: Козлов В. А. Указ. соч. С. 19.

⁵ См.: Козюбра Н. И. Социалистическое право и общественное сознание. Киев, 1979. С. 108.

⁶ См.: Там же. С. 100, 112, 119, 120.

⁷ См.: Там же. С. 17.

⁸ См.: Васильев В. Диктатура закона // Известия. 1990. 28 июня.

⁹ См.: Буева Л. П. Человек: деятельность, общение. М., 1978. С. 121.

¹⁰ См.: Лармин О. В. // Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970. С. 65.

¹¹ Маркс К. Соч. Т. 27. С. 403.

¹² Беккария Ч. О преступлении и наказаниях. М., 1940. С. 208.

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ СУДОВ ПО ДЕЛАМ О ВОССТАНОВЛЕНИИ НА РАБОТЕ

Определение — такое постановление суда первой инстанции, которым не затрагивается материально-правовой спор по существу, а разрешаются отдельные материальные и процессуальные вопросы, возникающие в связи и по поводу разбирательства и разрешения гражданского дела. Определения, выносимые судом, различны по юридическим целям. С помощью определений суд организует процесс, осуществляет его движение, воздействует на лиц, виновных в нарушении процессуальных норм или судебных предписаний (ст. 22, 75, 92, 145 и др. ГПК), санкционирует действия участников процесса или отказывает в их совершении (ст. 36, 41, 44 и др. ГПК). Особое место в этой системе занимают определения о прекращении производства по делу и об оставлении заявления без рассмотрения, когда судебное разбирательство заканчивается без вынесения решения. Классифицируя типы судебных определений, Л. А. Николаева за основу своей классификации взяла принцип их влияния на исход дела, выделив три группы: а) судебные определения, влияющие на исход дела; б) судебные определения, не влияющие на исход дела; в) частные определения суда¹.

Приведенные общие положения в полной мере применимы и к судопроизводству по трудовым делам как подвиду гражданского судопроизводства. Узкие рамки научной статьи не позволяют рассмотреть всю систему судебных определений, поэтому остановимся лишь на двух: о прекращении производства по делу ввиду отказа истца от иска — п. 4 ст. 214 ГПК и об утверждении мирового соглашения — п. 5 ст. 214 ГПК. Предметом исследования является разграничение указанных оснований к прекращению производства по делу, а также смежного с ними понятия «признание иска ответчиком» на примере самой многочисленной категории трудовых дел — о восстановлении на работе. Анализ судебной практики показывает: именно в данном вопросе суды нередко допускают ошибки, смешивая эти три разные понятия, что в конечном счете влечет нарушение прав сторон.

Итак, в соответствии с п. 4 ст. 214 ГПК суд прекращает производство по делу, если истец отказался от иска и отказ принят судом. Право истца отказаться от иска закреплено в ст. 90 ГПК — это одно из проявлений принципа диспозитивности в гражданском процессе. Суд может не принять отказ от иска лишь в том случае, когда это противоречит закону или нарушает чьи-либо права и охраняемые законом интересы. В практике судов прекращение производства по делу со ссылкой на отказ истца встречается довольно часто. Однако как основание для применения п. 4 ст. 214 ГПК, так и порядок прекращения производства по делу нередко не соответствуют требованиям закона. Прежде всего следует отметить, что отказ истца от иска является, как правило, следствием обещания администрации добровольно удовлетворить требования работника. Но тогда это не что иное, как признание ответчиком законности иска. Признание же иска ответчиком вызывает иные правовые последствия, нежели отказ истца от иска. При признании иска суд выносит решение об удовлетворении исковых требований, не углубляясь в детальное исследование всех обстоятельств дела. В случае неисполнения решения суда в добровольном порядке, оно исполняется принудительно. В случае же принятия отказа от иска производство по делу подлежит прекращению, что лишает истца права в дальнейшем обращаться в суд по тождественному спору — спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тому же основанию (ст. 125 п. 3, 214 п. 2 ГПК). Подобные ситуации чаще всего возникают по делам о восстановлении на работе.

В юридической литературе высказывалось предложение выносить определение о прекращении дела и в случае признания справедливости иска ответчиком (разумеется, после соответствующих изменений в законодательстве). С этим можно согласиться, поскольку в данной ситуации спор о праве фактически отсутствует и судебное решение теряет свое значение. Кроме того, такое изменение в законе упростило бы его применение. Однако должна быть гарантирована защита прав истца при неисполнении обещания администрацией. Истцу в таком случае, вероятно, надо предоставить

право повторного обращения в суд (в виде исключения из общего правила о правовых последствиях прекращения производства по делу).

Суды должны тщательно исполнять требования закона о разъяснении последствий отказа от иска (ч. 4 ст. 158 ГПК), чего они довольно часто не делают или делают формально. Нередко решение о прекращении производства по делу принимается лишь на основании письменного заявления истца и без явки (вызова) сторон на судебное заседание². Вполне понятно, что в данном случае разъяснить истцу правовые последствия предпринятого им действия не представляется возможным.

Отдельно следует остановиться на процедуре вынесения определения при принятии отказа от иска. Ч. 2 ст. 208 ГПК предоставляет суду право при разбирательстве несложных вопросов после совещания выносить определение на месте, не удаляясь в совещательную комнату. Разные толкования данной правовой нормы вызваны тем, что закон не комментирует определения «несложные» вопросы, разрешение которых возможно в зале судебного заседания. Представляется все же, что вопрос о прекращении производства по делу к ним не относится. Действительно, его нельзя поставить в один ряд, скажем, с установлением порядка исследования доказательств или отложением слушания дела, когда разрешаются частные проблемы судебного разбирательства. Принимая же решение об отказе от иска, суд тем самым косвенно определяет: сможет ли в дальнейшем истец требовать защиты от ущемления его в правах. Поэтому, очевидно, определение о прекращении дела ввиду отказа истца от иска должно выноситься судом в совещательной комнате. Однако судами нашей республики подобные определения выносятся, как правило, после совещания на месте и являются немотивированными³.

Рассмотрим теперь такое основание к прекращению производства по делу, как заключение сторонами мирового соглашения (п. 5 ст. 214 ГПК). Мировое соглашение — один из способов разрешения спора в гражданском праве. Спор устраняется путем взаимных уступок и последующего отказа от судебной формы защиты права. Наличие взаимных уступок — необходимый атрибут мирового соглашения. Именно этот признак отличает мировое соглашение от отказа истца от иска и признания иска ответчиком, когда спор о праве также разрешается, но путем односторонних уступок. Суд обязан обсудить условия мирового соглашения, но может не утвердить их, если эти условия противоречат закону или нарушают права и законные интересы одной из сторон (ст. 90 ГПК). Пленум Верховного суда Республики Беларусь в разъяснениях от 14 июня 1991 г. «О некоторых вопросах применения судами Республики Беларусь законодательства, регулирующего заключение, изменение и прекращение трудового договора» еще раз подтвердил это.

В правоведческой литературе высказывалось мнение о недопустимости заключения мировых соглашений по трудовым делам⁴. Мотивировалось это прежде всего тем, что сфера трудовых правоотношений, где все строго регламентировано, не допускает каких-либо взаимных уступок, так как это означало бы (в любом случае) попытку обойти закон. Действительно, такой вариант возможен. Прежде всего суду нужно тщательно выяснить, не преследуют ли такие соглашения цель — освободить должностное лицо, виновное в явно незаконном увольнении или переводе работника, от обязанности возместить вред, причиненный предприятию оплатой за вынужденный прогул или выполнение нижеоплачиваемой работы. Но нельзя не согласиться и с тем, что «именно по трудовым делам, в которых возникновение спора часто влечет за собой обострение отношений между истцом и ответчиком, особенно желательно заканчивать дела мировыми сделками»⁵.

Приведем пример законного мирового соглашения. Истица С. М. Крупская работала рентгенологом Могилевской стоматологической поликлиники. Была уволена приказом от 20 сентября по собственному желанию (ст. 31 КЗоТ) с 24 сентября 1990 г. согласно поданному заявлению от 19 сентября. Основанием для восстановления на работе истица указала то, что она была уволена без отработки, хотя такой договоренности у нее с администрацией не было. 21 сентября она обратилась в администрацию со вторым заявлением, в котором просила считать первое заявление недействительным, однако приказ об увольнении отменен не был. Представитель ответчика в судебном заседании сослался на то, что возникший спор рассматривался на заседании комиссии по трудовым спорам 31 октября 1990 г. и Крупской было предложено выйти на работу. Но она не вышла, поэтому ее

требование о выплате денежной компенсации за время вынужденного прогула является неправомерным. В результате обсуждения стороны пришли к мировому соглашению. Действительно, администрация нарушила закон, расторгнув трудовой договор до истечения срока предупреждения об увольнении, не имея соответствующей договоренности с работницей. Крупская же свой невыход на работу после решения КТС оправдывала тем, что до этого подала заявление в суд. Причем требований о восстановлении на работе до 24 октября, т. е. целый месяц с момента увольнения, от нее не поступало. В такой ситуации вполне целесообразным представляется мировое соглашение, к которому пришли стороны: истица была восстановлена на работе без выплаты денежной компенсации за вынужденный прогул. В данном случае трудно усмотреть нарушение прав Крупской, которой было предложено без суда урегулировать спор⁶.

Следует отметить, что случаи заключения мирового соглашения по делам о восстановлении на работе довольно редки в практике судов республики. Если же они имеют место, то утверждаются, согласно требованиям закона, определением суда, вынесенным в совещательной комнате, которое затем исполняется по общим правилам, установленным для судебного решения. Однако зачастую суды определяют как отказ истца от иска именно мировое соглашение, основанное на взаимных уступках. А такая подмена может повлечь невыгодные для истца последствия, которые наступят после прекращения производства по делу (п. 4 ст. 214 ГПК), если администрация не выполнит своих обещаний.

Приведу еще один показательный пример из судебной практики. Дело рассмотрено народным судом Октябрьского района г. Гродно 21 января 1991 г. В процессе рассмотрения дела, как явствует из протокола судебного заседания, представитель ответчика согласился удовлетворить иски требования в полном объеме. Иными словами, налицо признание иска. В результате суд выносит определение, которое целесообразно процитировать полностью:

«В судебном заседании ответчик иски требования признал, предложил истцу заключить мировое соглашение. Согласен восстановить истца на работе и выплатить средний заработок за время вынужденного прогула. Истец выразил согласие заключить мировое соглашение и заявил отказ от иска. Сторонам разъяснены последствия мирового соглашения в соответствии со ст. 158 ГПК. Поскольку отказ от иска не противоречит закону и не нарушает интересов других лиц, суд принимает отказ от иска.

Руководствуясь ст. ст. 158, 208 п. 4 ГПК БССР, суд определил: дело производством прекратить»⁷.

Остается только догадываться, что имел в виду суд, прекращая производство по делу: отказ от иска или признание иска. А может быть, своим определением суд утверждал мировое соглашение? Понятно (и данный пример это лишний раз подтверждает), что рассмотренный нами вопрос не является чисто теоретическим, а имеет и большое практическое значение.

¹ См.: Н и к о л а е в а Л. А. Судебная защита трудовых прав граждан. Алма-Ата, 1968. С. 67.

² См.: напр., дело № 2-1674-91 нарсуда Октябрьского р-на г. Гродно по иску Полякова М. Н. о восстановлении на работе.

³ См.: напр.: дело № 2-2231-91 нарсуда Московского р-на г. Минска по иску Шариковой Т. А. о восстановлении на работе.

⁴ См.: М о р е й н И. // Уч. зап. вузов Литовской ССР: Право. 1964. Т. 4. С. 8.

⁵ Н и к о л а е в а Л. А. Защита трудовых прав советских граждан. Алма-Ата, 1971. С. 235.

⁶ См.: Дело № 2-1973-91 нарсуда Октябрьского р-на г. Могилева по иску Крупской С. М. о восстановлении на работе.

⁷ Дело № 2-1462-91 нарсуда Октябрьского р-на г. Гродно по иску Гарасюка В. Г. о восстановлении на работе.

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ И ПОНЯТИИ «НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

В последнее время в некоторых выступлениях депутатов Верховного Совета Республики Беларусь и ряде публикаций отождествляются понятия государственной и национальной безопасности. В проекте концепции судебно-правовой реформы в Республике Беларусь также предлагается «на базе Комитета государственной безопасности Республики Беларусь образовывать службу национальной безопасности...»¹.

Чтобы разобраться с этим явлением, обратимся прежде всего к истории термина и понятия «национальная безопасность». Термин «национальная безопасность» в лексиконе политологов, правоведов, историков и философов появился в нашей стране сравнительно недавно (речь идет не о понятии, а именно о термине, т. е. знаке этого понятия). Ранее для обозначения аналогичного понятия использовался термин «общая безопасность». Однако в последнее время, в основном благодаря публикациям Рубанова В. А., в научный оборот вошел термин «национальная безопасность». Ряд авторов, в частности Грамотин А.², считает, что для нашей страны с многонациональным составом населения этот термин неприемлем и предлагает заменить его на другой — «общенациональная безопасность». Не остались в стороне от терминотворчества и практики. Так, в структуре бывшего Российского Агентства Федеральной Безопасности существовало подразделение под названием «Служба анализа стратегической безопасности», занимавшаяся изучением тех же проблем.

Таким образом, одно и то же понятие (форма абстрактного мышления, отражающая предметы и явления в их существенных признаках) названо: общей безопасностью, национальной, общенациональной и стратегической. Разумеется, все указанные точки зрения имеют право на жизнь, тем более, что авторы детально их аргументировали, но последнюю точку в этом научном споре должен поставить Законодатель, закрепив один из названных терминов в законах независимых государств, входящих в Содружество.

По нашему мнению, наиболее целесообразно обозначить данное понятие термином «национальная безопасность», потому что «нация, в соответствии с международно-правовой традицией, понимается как совокупность граждан одной страны»³.

Понятие национальной безопасности впервые появилось в американской политологии сразу после окончания второй мировой войны. До этого в политическом лексиконе Соединенных Штатов Америки и других государств преобладали понятия «оборона» и «обороноспособность», отражающие в большей степени стремление защищать свою территорию и границы. Понятие это широко использовалось в годы обеих мировых войн, хотя само по себе оно не отражало действий «по обороне США» (защита территории и границ), так как военные действия велись на довольно значительном расстоянии от Америки.

Новое значение приобрело общегосударственное и одновременно официальное значение с принятием закона «О национальной безопасности» в 1947 г. В соответствии с ним при президенте США учреждался Совет национальной безопасности с консультативными функциями. «Он обосновывал решения, касающиеся внешней, оборонной и экономической политики и обеспечения национальной безопасности от иностранной угрозы»⁴. Это свидетельствовало о том, что данное понятие вышло далеко за рамки военной, а тем более оборонной политики.

Как уже говорилось, в нашей стране аналогичное понятие обозначалось термином «общая безопасность» и включало в качестве составных частей: «военную безопасность, государственную безопасность, общественную безопасность, режим законности и правопорядка».

Такой подход к составным частям общей безопасности характерен для того времени, однако неверен, так как к составным частям общей безопасности отнесены разнопорядковые понятия (военная безопасность, являющаяся частью государственной безопасности, а также «режим законности и правопорядка», относящийся к условиям достижения определенного уровня безопасности, но не к ее составным частям).

На наш взгляд, наиболее соответствует действительности мнение В. Рубанова о том, что национальная безопасность складывается из безопасности государственной и общественной⁶. Однако, на наш взгляд, национальная безопасность — не только сумма безопасности государственной и общественной. Национальная безопасность — самостоятельное явление, обладающее рядом признаков, отличных от признаков безопасности государства и общества.

Рассмотрим эти признаки. Общепринятое определение нации — историческая общность людей, сложившаяся на основе общности их языков, территории, экономической жизни, культуры и некоторых особенностей характера.

Нации существуют в окружении других наций. Отличие одной нации от другой в национальной самобытности, которая может быть определена как способность нации к самовыражению, проявляющаяся в понимании принадлежности к определенной нации, в национальных интересах, национальном характере, особом явлении духовной жизни и национальной культуре. Самобытность нации должна быть осознана самой нацией и признана другими нациями. Осознание нацией своей самобытности (национальное самоопределение) — существенный признак нации и критерий ее безопасности.

Другим критерием национальной безопасности является национальная независимость, т. е. способность нации проводить, несмотря на противодействующие факторы, самостоятельную политику.

Следующим критерием является национальное согласие — понятие по объему более узкое, чем национальное единство. Без национального согласия не может быть благополучия нации, ее безопасности.

И наконец, ведущий показатель национальной безопасности — уровень национального развития. В нашей стране он измерялся либо «количеством чугуна и стали на душу населения», либо количеством и качеством вооружения, позволяющего противостоять военным блокам противника. Не касаясь причин такого подхода к определению уровня национального развития, отметим только, что в определенных условиях, в преддверии возможного военного столкновения, он может быть оправдан, объективно обусловлен и необходим. В противном случае нация потеряла бы возможность отразить агрессию и отстоять свои национальные интересы. Однако в сегодняшних условиях, когда необходимость в мощном военном противостоянии отпала, такой подход является анахронизмом, тормозом развития нации, поскольку на достижение указанных целей отвлекаются значительные материальные средства и людские ресурсы.

На наш взгляд, в нынешних условиях для определения уровня национального развития и благополучия нации необходимы критерии общегуманитарного характера, в большей степени относящиеся к человеку, к условиям его существования, а не к параметрам, характеризующим мощь государства.

Таковыми критериями могли бы быть: обобщенные показатели экологического благополучия — состояние почвы, рек и озер, лесных массивов, животного мира; продолжительность жизни человека; уровни смертности (особенно детской) и рождаемости; качество продуктов питания и т. д. При всей, на первый взгляд, отвлеченности этих показателей именно они, в конечном счете, характеризуют уровень экономического развития и благополучия нации, и именно ими, в конечном счете, должны определяться достижения национальной независимости и национального единства.

В демократическом обществе четко отделены друг от друга такие сферы, как общество и государство. Причем государство играет, или должно играть, роль инструмента, с помощью которого общество решает свои политические, социальные и экономические проблемы.

Обеспечение национальной безопасности (безопасности общества и государства) осуществляется всей совокупностью общественных и государственных институтов. Степень участия их в этой деятельности, а также направленность в сторону обеспечения безопасности общества или государства различна. Отдельные из них занимаются только обеспечением безопасности общественных институтов, иные больше безопасностью государственных структур, как, например, КГБ Республики Беларусь, основной задачей которого является обеспечение безопасности функционирования институтов государственной власти.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что название государственного органа, осуществляющего защиту государственных структур, Службой национальной безопасности неправомерно, ибо выглядит попыткой взвалить на него не свойственные ему функции и ответственность за всю национальную безопасность, тогда как его возможности ограничены обеспечением только безопасности государства.

¹ Проект концепции судебно-правовой реформы в Республике Беларусь. / Разработка группы экспертов; Рук. В. П. Булахов. Мн., 1992. С. 26.

² Грамотин А. // Материалы семинара Фонда национальной и международной безопасности. 14—21 окт. 1990. М., 1991. С. 16.

³ Рубанов В. А. // Коммунист. 1989. № 11. С. 51.

⁴ Шведков Ю. А. // США: экономика, политика, идеология. 1990. № 6. С. 14.

⁵ Рубанов В. А. Указ. раб. С. 52.

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОЊКІ МІНУЎШЧЫНЫ *

(публікацыі і пераклады)

Працягваем публікацыю праграмных дакументаў палітычных партый і рухаў дакастрычніцкай Расіі¹.

У гэтым нумары публікуюцца пратакольныя запісы пастаноў двух з'ездаў (31 ліпеня — 1 жніўня і 6—10 лістапада 1905 г.) Усерасійскага Сялянскага Саюза, у радах якога налічвалася каля 200 тыс. членаў. Партыя сялян з моманту ўзнікнення патрабавала ад царскага ўрада выдаць закон аб выбарах ва Устаноўчы сход і правесці іх не пазней, чым у лютым 1906 г., выставіла таксама шэраг іншых рэвалюцыйных патрабаванняў.

Сялянскі саюз супрацоўнічаў з Пецярбургскім Саветам рабочых дэпутатаў. Але ў пачатку 1906 г. арганізацыя распалася і адраділася толькі ў перыяд Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. Канчаткова сялянскі саюз спыніў сваю дзейнасць пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі.

КРЕСТЬЯНСКИЙ СОЮЗ²

Учреждение крестьянского союза

Мы, крестьяне, собравшись на сход в Москве, имели суждение о том, что чиновники во всей Руси, а также в С.-Петербурге, начиная с урядника и кончая министром, сенатором и членом государственного совета, никем не проверяемые и никем не ограниченные, по всем ведомствам ведут дело русского государства неправильно: тратят деньги, собранные с бедняков... без всякого контроля со стороны народа. Большие чиновники... довели народ до нищеты, создали целый ряд притеснений для бедного народа; насаждали повсюду никому не нужных чиновников, как, например, среди крестьян — земских начальников, которые ввели неправый суд в деревне, всегда держат руку богатых, увеличили до огромных размеров волостные расходы; около волости собрали в виде опричнины волостных старшин, сельских старост, всяких волостных судей из лихоимцев; сельские выборы, которые еще остались по законам, писанным чиновниками, свели на нет, а местами совсем упразднили. Земства, благодаря чиновникам, для крестьян-гласных сделались совсем недоступными; избранные в земские гласные от крестьянства, обыкновенно из старшин, проходят еще два места утверждения: съезд из земских начальников во главе с предводителем дворянства и собрания чиновников под предводительством губернатора. Допускаются в гласные только забытые или тупые лихоимцы — волостные старшины, излюбленные земскими начальниками.

При совещании пришли к следующему заключению: государственное управление делами должно быть только при участии всего народа через выборных всем населением, равное для всех, как для дворян, так и крестьян, чтобы не было притеснений со стороны губернаторов, земских начальников и разных чиновников. Выборные от народа должны принимать участие в создании законов, в государственной раскладке податей и оброков,

---

* Раздел вядзе прафесар У. К. Коршук.

раскладывая их так, чтобы богатые платили больше, а бедные меньше; контроль над государственным казначейством, а также над действиями чиновников по управлению страны, не исключая министров. Никто из народа не может быть посажен под стражу по распоряжению чиновников, урядников, земских начальников, губернаторов и министров, только суд присяжных может приговорить за общий поступок к лишению свободы; одним словом, пока человек не сделал преступления, никто не может посягать на его свободу. Всякий желающий из народа может устроить собрание, сход или суждения о своих нуждах и делах, и никто из чиновников, не исключая министров, не может запретить это собрание и признать его вредным, кроме суда присяжных заседателей. Для защиты своих интересов и для достижения намеченной цели народ имеет право устраивать общества, союзы, без всякого на то разрешения со стороны администрации, а закрыть союзы и общества может только суд присяжных. Всякий из народа имеет право печатать газеты, книги, рассуждая в них о неправильных действиях администрации, о своих нуждах и нуждах государственных, не испрашивая на это ни у кого разрешения. Закрывать такие газеты и книги и признавать их вредными может только суд присяжных.

Уездное устройство, предводители дворянства, земские начальники вне-если в крестьянское население произвол и кривосуд, как то: в камерах земских начальников, в съездах земских начальников — под председательством предводителей дворянства и в губернских присутствиях — под председательством губернаторов. Волостные старшины и сельские старосты и волостные судьи, неся полицейскую службу и будучи отданы произволу предводителей дворянства, земских начальников, исправников и губернаторов, не могут быть признаны выборными от населения, как то: в поверенные, земские гласные и для опроса по государственным делам. Настоящее бедственное положение крестьян вследствие малоземелья, непосильных поборов и налогов со стороны администрации, неграмотности населения, его бесправия не может быть исправлено настоящим чиновничьим государственным управлением, а для достижения всех намеченных благ народа и впредь до уравнивания крестьян с остальными сословиями учреждается Всероссийский Крестьянский Союз...

Постановление Учредительного съезда Всероссийского Крестьянского Союза (31 июля — 1 августа 1905 года).

1. По организационным вопросам.

1) Признать необходимость съездов — общих всероссийских, областных, губернских.

2) Избрать на настоящем съезде главный комитет крестьянского союза и признать необходимость учреждения губернских, уездных, волостных и сельских комитетов.

3) Признать, что постановления всероссийского съезда обязательны для всего союза; точно так же постановления местного съезда (областного или губернского) обязательны для союза данного района.

4) Присвоить комитетам, главному и местным, лишь исполнительную власть.

5) Считать вопрос о составе крестьянского союза пока открытым и предоставить самим местным организациям разрешение этого вопроса в зависимости от местных условий; окончательное же решение данного вопроса отложить до следующего съезда.

II. О правах граждан.

Постановлено о необходимости свободы совести, слова, печати, собраний, союзов и стачек и неприкосновенности личности и жилища, а также постановлено о необходимости освобождения всех лиц, пострадавших в борьбе за политическое и социальное освобождение народа.

III. Об Учредительном собрании и Государственной думе.

1) Признана необходимость Учредительного собрания.

2) Обоснованием представительства как в Учредительном собрании, так и впоследствии в постоянно действующей Государственной думе должно быть всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право.

3) В выборах могут принимать участие лица, начиная с 20 лет...

5) ...Признано недопустимым участие в выборах: 1) чинов полиции; 2) представителей администрации (губернаторов, земских начальников, исправников и т. д.) и 3) духовных лиц, пока не будет проведена реформа положения духовенства, основанная на выборном начале.

6) Постановлено, что народное представительство должно быть осущес-

твлено в форме постоянно действующего независимого учреждения. Народным представителям должно принадлежать право самостоятельной законодательной деятельности, не исключая законодательного почина, установления государственной росписи налогов и контроля над администрацией.

IV. По земельному вопросу.

На баллотировку поставлены предложения:

1) Частная земельная собственность должна быть отменена. —

Принято единогласно.

2) Должны быть отобраны без выкупа земли монастырские, церковные, удельные, кабинетские и государевы. — Принято единогласно.

3) У частных владельцев земля должна быть отобрана частью за вознаграждение, частью, без вознаграждения. — Принято большинством против 5.

4) Подробные условия, на которых частновладельческая земля должна быть отобрана, должны быть определены Учредительным собранием, которое и издает по поводу этого закон; крестьянский же союз к следующему съезду возможно полнее разрабатывает этот вопрос. — Принято единогласно.

По вопросу о том, кому должна принадлежать земля, съезд постановил большинством против одного, что земля должна считаться общей собственностью всего народа. При этом принято также предложение о том, чтобы вопрос был подробно разработан на местах, между прочим, на сельских сходах.

V. По вопросу о народном образовании.

Постановлено единогласно: низшее образование должно охватывать курс не менее 5 лет и быть общедоступным, обязательным, бесплатным и государственным, причем обязательность обучения должна распространяться и на девочек... Все школы должны быть светские и не должны давать никаких прав и преимуществ. Преподавание должно вестись на местных языках. Преподавание Закона Божия признано необязательным и должно быть представлено усмотрению родителей учащихся... Введение в преподавание низших школ сельского хозяйства и ремесел признано нежелательным.

В школах низших должно быть организовано кормление детей в учебное время и предоставлено нуждающимся пользование одеждой и ночлегом.

VI. По вопросу о местном самоуправлении.

Постановлено: органы местного самоуправления должны начинаться от волостных организаций и кончаться областными, причем все существующие уже области России и другие части государства по их желанию могут получить самостоятельное областное самоуправление, которое должно обладать правом издавать местные областные законы в пределах, установленных для этого будущим Учредительным собранием.

Все органы самоуправления должны быть построены на всеобщем и прямом избрании при свободном участии всего населения от 20-летнего возраста без различия пола и без каких бы то ни было цензовых норм.

Местные самоуправления должны обладать правом самостоятельно решать все вопросы местной жизни, заведовать хозяйственными, административными и культурными нуждами на местах. Администрация и полиция должны назначаться органами самоуправления.

VII. О суде.

Суд должен быть построен на выборном начале.

VIII. О тактике крестьянского союза.

Признать, что деятельность крестьянского союза в зависимости от местных условий может быть открытая и тайная (конспиративная). Все члены союза должны распространять свои взгляды и осуществлять свои требования всеми возможными способами, не стесняясь противодействием местных начальников, полиции и др. начальства. В том числе настойчиво советуется пользоваться своим правом составлять общественные приговоры на сельских и волостных сходах и частных собраниях об усовершенствовании государственного благоустройства и улучшении народного благосостояния.

IX. Выборы. Закрытие съезда. Произведены закрытой баллотировкой выборы главного комитета. Избрано 8 лиц, имена которых не подлежат оглашению...

Постановление съезда Всероссийского Крестьянского Союза (6—10 ноября 1905 г.).

I. По земельному вопросу.

1) Прекратить бедствия народа, проистекающие из недостатка земли,

может только переход всей земли в общую собственность всего народа с тем, что пользоваться ею будут только те, кто будет обрабатывать ее силами своей семьи, без наемного труда.

2) Установить законодательным путем прочное, справедливое и согласное с волей народа земельное устройство должно Учредительное собрание, созванное для составления основных законов государства. Учредительное собрание должно быть избрано путем всеобщего, равного, прямого и закрытого голосования населением в возрасте от 20 лет, без различия пола, народности и вероисповедания, по одному представителю от 100 тыс. населения, не позже февраля 1906 г. Закон о созыве Учредительного собрания должен быть объявлен немедленно.

3) Учредительное собрание должно обязательно разрешить земельный вопрос на благо народа, согласно его требованиям.

4) Крестьянство, объединенное в один великий Всероссийский Крестьянский Союз, добьется удовлетворения своих требований.

5) Для того, чтобы действия крестьян и их борьба за власть и землю шли правильно и крестьянским интересам не было причинено вреда чьими-либо ошибочными действиями, крестьянский союз возьмет на себя руководство делом и войдет в соглашение с нашими братьями — рабочими городскими, фабричными и заводскими, железнодорожными и другими союзами, а также организациями, защищающими интересы трудящихся классов.

6) В настоящее время съезд, обсудив меры для скорейшей передачи земли народу, постановляет: а) не покупать совершенно земли у владельцев; б) не брать ее в аренду; в) не входить ни в какие другие земельные договоры с владельцами; г) в случае, если требования народа не будут выполнены, крестьянский союз прибегнет к общей земледельческой забастовке, именно: откажет владельческим хозяйствам всех наименований в рабочей силе и тем закроет их. Для организации же всеобщей забастовки союз войдет в сношение с городскими рабочими. Союз должен принять на себя заботу о пропитании батраков во время общей забастовки.

7) Съезд постановляет, что на преследования крестьянского союза, имеющего целью осуществить народные требования с наименьшими жертвами, союз ответит отказом в уплате податей и поставки рекрутов и запасных, потребует из сберегательных касс и банков все свои вклады и крестьянские капиталы и закроет все винные лавки.

8) В знак того, что съезд делегатов крестьянского союза смотрит на начатое дело, как на святое дело всего крестьянства, он постановляет: прекратить употребление вина. Пусть крестьянство, борющееся за землю и власть, будет всегда трезво!

9) На основании всех сведений, полученных со всех концов России, съезд заявляет, что он предвидит: неудовлетворение народных требований приведет страну нашу к великим волнениям и неизбежно вызовет всеобщее народное восстание, потому что чаша крестьянского терпения переполнилась.

II. По поводу восстаний и волнений крестьян. Делегатский съезд Всероссийского Крестьянского Союза считает главной причиной теперешних и прошлых аграрных волнений бесправие и крайнюю нищету народа. Съезд возлагает за это вину на преступное правительство. Сотни лет оно умышленно держало население в угнетении и невежестве; сотни лет оно всячески разоряло народ в интересах класса помещиков, и последствия налицо: восстание крестьян Саратовской губернии и волнения в 23 других губерниях. Съезд ... требует:

1) Немедленной отмены всех исключительных законов, судов и полномочий и, в частности, немедленного вывода войск и отозваний генерал-адъютантов из губерний, где происходят волнения;

2) Немедленной амнистии всех, наказанных ранее за участие в аграрных беспорядках... Съезд обращается к товарищам железнодорожным рабочим не подвозить никаких войск в губернии, где происходят волнения.

III. О должностных лицах и местном самоуправлении. Сельское, уездное и губернское управления, действующие в настоящее время, народу вредны. Сельские должностные лица... несут службу полицейскую; сельские и волостные сходы и волостные старшины подчинены земским начальникам и полиции. Земские начальники, предводители дворянства, полиция и губернаторы и всякие другие чиновники внесли в крестьянскую жизнь произвол и кривосуд.

В земстве крестьянские гласные лишены всякой самостоятельности. Весь этот порядок и все это устройство должны быть изменены. Все население должно быть уравнено в правах; сословные различия уничтожены...

Население должно пользоваться полной свободой, как по выбору должностных лиц, так и по ведению своих общественных дел.

Новое устройство на этих основаниях должно быть установлено Учредительным собранием. До тех же пор съезд делегатов Всероссийского Крестьянского Союза считает нужным устранить власть чиновников и дворян над крестьянским населением, для чего:

1) Не представлять сельских и волостных приговоров на утверждение земским начальникам, а приводить их в исполнение по постановлению сходов. В местах, где нет земских начальников, а сохранились присутствия по крестьянским делам и непременные члены, — так же поступать и относительно их.

2) Ни по каким делам, в том числе и судебным, к земским начальникам не обращаться.

3) Не давать земских, волостных и мирских подвод чиновникам и полиции, не отводить им квартир и не посылать к ним сотских, десятских и рассыльных.

4) Сменить всех тянущих руку властей крестьянских должностных лиц и писарей и выбрать на их место людей, угодных населению и справедливых...

5) Отменить все мирские и волостные сборы, которые сходы признают для крестьян бесполезными.

7) Не давать показаний и сведений жандармам и полиции по всем делам, по делам же крестьянского союза, а также по делам товарищей, борющихся за землю, права и свободу народа, никаким властям показаний не давать...

V. По вопросу о еврейских погромах. В наше великое грозное время, когда рушится старый отживший строй и на развалинах его рождается новый порядок, обещающий нашей родине светлое будущее, черным пятном являются погромы и избиения мирных жителей. Они устраиваются врагами освободительного движения — администрацией и полицией. Подстрекатели особенно возбуждают темную, непросвещенную массу населения против евреев. Они распространяют об евреях самые чудовищные слухи, они призывают к их истреблению... Эти погромы, эти избиения возмущают нашу крестьянскую совесть... Мы, члены Всероссийского Крестьянского Союза, считаем еврейские погромы позором и грехом, мы убеждаем русских людей не следовать бесчестным и гнусным натравливаниям подстрекателей, мы призываем все сознательное крестьянство к борьбе с этим злом.

VI. Об отношении к Государственной думе. Съезд... постановляет:

1) Не выбирать ни в выборщики, ни в уполномоченные в Государственную думу, т. е. бойкотировать ее.

2) Считать врагами народа всех, кто будет принимать участие в выборах в Государственную думу.

3) Немедленно открыть широкую предвыборную агитацию и выбирать в Учредительное собрание на основании всеобщей, равной, прямой и закрытой подачи голосов, без различия пола, национальности и вероисповедания.

4) Если возможно, разделить уезды на избирательные округа.

VII. По поводу манифеста 17 октября. Съезд делегатов... находит, что признанные манифестом 17 октября за народом свободы не закреплены ясным и точным законом и ежедневно нарушаются правительством. Съезд постановляет, что необходимо немедленное издание закона, обеспечивающего действительную свободу совести, слова, печати, собраний, союзов и стачек и неприкосновенность личности и жилищ и отменяющего паспортную систему. Всякое нарушение этого закона со стороны административных властей и полиции должно по этому закону подлежать суду присяжных с вознаграждением потерпевших от этих нарушений... за счет виновных.

Вместе с тем съезд признает необходимым, чтобы крестьяне теперь же пользовались свободой слова, устного и печатного, чтобы они свободно устраивали собрания, соединялись в союзы и принимали всевозможные меры к устранению препятствий для пользования этими правами и к защите их...

VIII. Об организации на месте отделений и комитетов крестьянского союза. Съезд... полагает, что на местах необходимо устраивать сельские комитеты. В зависимости от местных условий, эти комитеты могут охватывать одно или несколько мелких селений. ... Съезд признал желательным,

чтобы местные комитеты союза применяли самообложение, и вместе с тем постановил, что они должны уделять 20% своих сборов в пользу главного комитета на ведение общих дел союза.

IX. По вопросу о народном ополчении. Съезд... объявляет, что члены союза в Учредительном собрании будут стремиться к уничтожению постоянной армии, с заменой ее народным ополчением.

X. По вопросу об отмене смертной казни и исключительных законов (военное положение и положение об усиленной охране). Съезд... не может мириться с нарушением основных прав сограждан, живущих в Польше и тех губерниях, в которых введены военное положение и положение об усиленной охране. Эти исключительные законы должны быть немедленно отменены.

Вместе с тем съезд считает необходимым немедленную отмену навсегда смертной казни; никакими судами смертные приговоры не должны постановляться...

XII. По вопросу о государственных займах. Съезд постановляет объявить во всеобщее сведение, что по достижении народом власти представители крестьянского союза в Учредительном собрании будут считать незаконными и не подлежащими погашению все государственные займы, заключенные правительством после 10-го ноября, до Учредительного собрания, а всякую отсрочку платежей по старым займам будут считать новым займом.

¹ См.: Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 3. № 2—3 за 1991 г. и № 1—2 за 1992 г.

² См.: Российские партии, союзы и лиги: Сборник программ, уставов и справочных сведений о российских политических партиях, всероссийских профессионально-политических и профессиональных союзах и всероссийских лигах / Сост. В. Иванович. СПб., 1906. С. 146—153.

УКАЗАЛЬНИК

артыкулаў, апублікаваных у «Весніку Беларускага дзяржаўнага
універсітэта», серыя 3 (гісторыя, філасофія, паліталогія,
сацыялогія, эканоміка, права) у 1992 г.

ГІСТОРЫЯ

<i>Аблова Н. Е.</i> Дмитрий Леонидович Хорват (из истории российской эмиграции в Китае)	1	15
<i>Баталка Т. І.</i> 3 гісторыі будаўніцтва нацыянальнай беларускай школы (1919—1922)	1	11
<i>Васюк Г. В.</i> Общественно-политическая и конфессиональная обстановка в Речи Посполитой в 80—90-е гг. XVI в.	3	22
<i>Делендик И. П.</i> О некоторых особенностях школьных реформ правительства царской России в Северо-Западном крае в начале 60-х гг. XIX в.	2	8
<i>Загорюльский Э. М.</i> О летописных «племенах» восточных славян	3	10
<i>Качалов И. Л.</i> Теория официальной народности: к проблеме авторства	3	15
<i>Клімовіч В. С.</i> Цяя «еўрапейскага дома»: міф ці рэальнасць?	1	10
<i>Лисовый И. А., Ревяко К. А.</i> Изучение античной истории и культуры в Болгарии	1	16
<i>Мацель В. М.</i> Аграрная реформа ў кітайскай вёсцы (1978—1988)	1	11
<i>Мядзянік В. І., Жайваронак А. Б., Гайдукевіч Л. М.</i> Маладзёжны рух у Беларусі (1918—1930)	2	6
<i>Румак А. А.</i> Прафсаюзны рух Заходняй Беларусі ў 1926—1929 гг.	3	7
<i>Савонак М. Я.</i> Гродзенское гетто	2	20
<i>Смирнова Е. Д.</i> Чешские мастера XVIII в. в России	1	14
<i>Ствольгин К. В.</i> Альтернативная служба: история и современность	1	6
<i>Ходзін С. М.</i> Асноўныя тэндэнцыі развіцця сельскагаспадарчай вытворчасці ВССР у 1921—1929 гг.	1	3
<i>Цвырай Л. Р.</i> Вынікі выбараў ва Устаноўчы сход на Заходнім фронце (1917)	2	3
<i>Шардыка І. У.</i> Да пытання аб колькасным і сацыяльным складзе арганізацый каляцкай партыі на Беларусі ў 1917 г.	3	3
<i>Шнеерсон Л. М.</i> Ситуация в Южной Германии накануне франко-прусской войны 1870—1871 гг. в оценке французских дипломатов	3	18

ФІЛАСОФІЯ

<i>Александрова С. Н.</i> Проблема «инструментального разума» в философии Теодора Адорно	3	41
<i>Белякович Н. Н.</i> Современная концепция социализма: приверженность догмам или поиски новых подходов?	1	38
<i>Берков В. Ф.</i> Аргументация и вопрос	3	25
<i>Бобко А. И.</i> К вопросу о концепции противоречия в философии Гегеля	3	34
<i>Бордак С. Н.</i> Специфика социальной информации	2	27
<i>Глушакова Т. І.</i> Беларускае нацыянальнае адраджэнне XVI ст. як фактар культурнага плюралізму і талерантнасці	3	29
<i>Грищенко Ж. М., Дорин А. В.</i> Общественное мнение и политика	1	34
<i>Жарикова А. А.</i> Особенности развития политической культуры молодежи в современных условиях	1	41
<i>Карак П. С.</i> Рациональное природопользование — цель и смысл экологического образования в вузе	2	29
<i>Кузнецова Л. Ф.</i> Принцип глобального эволюционизма в современной научной картине мира	1	28
<i>Мушинский Н. И.</i> Реминисценции Аристотеля в белорусской этике XVII в.	3	32
<i>Новикова И. В., Румянцева Т. Г.</i> Методологический анализ рыночных систем	2	23
<i>Смирнов Н. А.</i> Проблемы естественного права, религии и церкви в творческом наследии Дидро	1	31
<i>Софронов В. В.</i> Идеи космизма в контексте русской культуры	3	37
<i>Титаренко Л. Г.</i> Технократическое сознание: генезис и функционирование	1	24
<i>Яньян Лю, Титов О. И.</i> Случайность и необходимость в неравновесных системах	1	20

ПАЛТАЛОГІЯ, САЦЫЯЛОГІЯ

<i>Глушаков В. Е.</i> Ценностные ориентации руководителей и их значение для развития экономики республики	2	38
<i>Григорович Е. Н.</i> К проблеме использования общественного мнения в управлении трудовым коллективом	2	36
<i>Костюкевич С. В.</i> Средства массовой информации в период реформ	2	33

<i>Махмадов А. Н., Потапенко Н. Е.</i> Национальный маргинал или личность в пограничной культурной ситуации	2	44
<i>Морозова С. А.</i> Социологические аспекты проблемы творчества в культуре управленческих отношений	3	45
<i>Ровдо В. В.</i> Проблема перехода к демократии в англо-американской политологии	2	41
<i>Рябов И. А., Нгуен Ван Тхань.</i> Гуманизация науки как фактор гуманистического воспитания студентов	3	48

ЭКАНОМІКА

<i>Базылев Н. И., Белугин К. А.</i> Некоторые проблемы становления экономики рыночного типа	1	44
<i>Бондарева А. М.</i> Общественный труд при переходе к регулируемому рынку	2	47
<i>Давыденко Л. Н., Петровская Л. М.</i> Организация свободных экономических зон	1	51
<i>Динь Шон Хунг.</i> К вопросу о развитии подрядных отношений в сельском хозяйстве Вьетнама	2	54
<i>Дубенецкий Н. А.</i> Культурологический аспект стимулирования интенсивности нормируемого труда	3	55
<i>Ирзабаева Г. Б.</i> К вопросу о сущности и роли кооперации	3	52
<i>Клюня В. Л., Пузиков В. В.</i> Теневая экономика: генезис, структура и современные особенности	2	51
<i>Косенко З. Г.</i> Проблемы использования форм совместного с иностранным капиталом предпринимательства	1	47
<i>Муталимов М. Г., Фолезинский А. Г.</i> К вопросу о современной концепции заработной платы	3	58

ПРАВА

<i>Бібла В. М.</i> Аб таварыскіх судах	2	57
<i>Данилевич А. А.</i> Логические приемы построения речи судебного оратора	1	56
<i>Зыонг Нгок Нгыу.</i> Отличие кражи от грабежа и разбоя по УК СРВ	2	63
<i>Козлова Н. М.</i> Возрастание роли закона в регулировании общественных отношений	1	54
<i>Петровская О. А.</i> Об определении судов по делам о восстановлении на работе	3	66
<i>Савченко М. И.</i> Республика Беларусь — морская держава (международно-правовой аспект)	1	59
<i>Савченко М. И.</i> Конвенция ООН по морскому праву (история и современность)	2	65
<i>Салей Е. А.</i> Из истории правового обоснования деятельности акционерных обществ в России	1	62
<i>Сильченко Н. В.</i> Эмпирические и теоретические знания в законодательном процессе	3	62
<i>Солтанович А. В.</i> О процессуальном положении защитника подозреваемого	2	59
<i>Трахимёнок С. А.</i> К вопросу о термине и понятии «национальная безопасность»	3	69

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ

(публікацыі і пераклады)

Программа «Союза 17-го октября»	1	67
Русская монархическая партия	2	69
Крестьянский союз. Учреждение крестьянского союза	3	72
<i>Талашова Н. С., Корзун М. С.</i> Античность в письмах Карла Маркса	1	72
<i>Шалькевіч В. Ф.</i> З гісторыі філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі першай трэці XIX ст.	2	75

РЭЦЭНЗІ

<i>Зеленков А. И., Каракко П. С. В. С.</i> Крисаченко. Философский анализ эволюционизма	2	80
<i>Игнаценка А. П., Капыскі Б. З., Сосна У. А. П. А.</i> Лойка. Прыватнаўласніцкія сяляне Беларусі: Эвалюцыя феадальнай рэнты ў другой палове XVI—XVIII ст.	1	75
<i>Кузнецова Л. Ф. В. К.</i> Лукашевич. Научный метод: структура, обоснование, развитие	1	76
<i>Мартинovich И. И. И. Л.</i> Петрухин. Правосудие: время реформ	1	77

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Александр Петрович Игнатенко	1	78
------------------------------------	---	----

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

<i>Шардыка Г. У.</i> Да пытання аб колькасным і сацыяльным складзе арганізацый кадэцкай партыі на Беларусі ў 1917 г.	3
<i>Ружак А. А.</i> Прафсаюзны рух Заходняй Беларусі ў 1926—1929 гг.	7
<i>Загорульскі Э. М.</i> О летописных «племенах» восточных славян.	10
<i>Качалов И. Л.</i> Теория официальной народности: к проблеме авторства	15
<i>Шнеерсон Л. М.</i> Ситуация в Южной Германии накануне франко-прусской войны 1870—1871 гг. в оценке французских дипломатов	18
<i>Васюк Г. В.</i> Общественно-политическая и конфессиональная обстановка в Речи Посполитой в 80—90-е гг. XVI в.	22

ФІЛАСОФІЯ

<i>Берков В. Ф.</i> Аргументация и вопрос	25
<i>Глушакова Т. Г.</i> Беларуская нацыянальная адраджэнне XVI ст. як фактар культурнага плюралізму і талерантнасці	29
<i>Мушинскі Н. И.</i> Реминисценции Аристотеля в белорусской этике XVII в.	32
<i>Бобко А. И.</i> К вопросу о концепции противоречия в философии Гегеля	34
<i>Софронов В. В.</i> Идеи космизма в контексте русской культуры	37
<i>Александрова С. Н.</i> Проблема «инструментального разума» в философии Теодора Адорно	41

ПАЛІТАЛОГІЯ, САЦЫЯЛОГІЯ

<i>Морозова С. А.</i> Социологические аспекты проблемы творчества в культуре управленческих отношений	45
<i>Рябков И. А., Нгуен Ван Тхань.</i> Гуманизация науки как фактор гуманистического воспитания студентов	48

ЭКАНОМІКА

<i>Ирзабаева Г. В.</i> К вопросу о сущности и роли кооперации	52
<i>Дубенецкий Н. А.</i> Культурологический аспект стимулирования интенсивности нормируемого труда.	55
<i>Муталимов М. Г., Фолежинский А. Г.</i> К вопросу о современной концепции заработной платы	58

ПРАВА

<i>Сильченко Н. В.</i> Эмпирические и теоретические знания в законодательном процессе.	62
<i>Петровская О. А.</i> Об определениях судов по делам о восстановлении на работе.	66
<i>Трахимёнок С. А.</i> К вопросу о термине и понятии «национальная безопасность».	69

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ (публікацыі і пераклады)

Крестьянский союз. Учреждение крестьянского союза.	72
---	----